

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ XX.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1914.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

(Къ трагедіи «Эдипъ-Царь»).

Среди греческихъ трагедій есть, можетъ-быть, произведенія болѣе глубокія и сильныя, чѣмъ «Эдипъ-Царь» Софокла (напр., «Скованный Прометей» Эсхила), но нѣтъ ни одного, въ которомъ философская глубина и трагическая сила сочетались бы съ такимъ неподражаемымъ изяществомъ, съ такою благородною граціей и совершенствомъ внѣшней формы. Тѣмъ, кто знаетъ «Эдипа-Царя» въ греческомъ подлинникѣ, вѣроятно, не разъ приходило на мысль, что это—одно изъ самыхъ законченныхъ и безупречныхъ созданий человѣческаго ума, какія только вообще есть у людей.

Не даромъ всеобъемлющій Аристотель, полноправный владыка двухъ міровъ—Науки и Поэзіи, считалъ эту трагедію высочайшимъ образцомъ среди всѣхъ другихъ античныхъ трагедій, которыя до сихъ поръ служатъ неподражаемыми и непревзойденными образцами красоты.

Въ извѣстномъ смыслѣ «Эдипъ-Царь» для греко-римскаго, дохристіанскаго міра является тѣмъ же, чѣмъ «Фаустъ» Гёте для нашего времени, т. - е. наиболѣе глубокимъ и цѣлостнымъ воплощеніемъ религіозно-философскихъ основъ міросозерцанія огромной эпохи въ жизни человѣчества.

Надъ всей трагедіей царитъ, какъ символическая статуя надъ храмомъ, образъ чудовища съ лицомъ женщины, съ крыльями, съ острыми когтями, съ львинымъ туловищемъ, съ опасной и загадочной рѣчью—*Сфинксъ*, воплощеніе Судьбы, того Непознаваемаго, что язычники называли Рокомъ.

Эдипъ, пришлецъ изъ Коринѳа, юный герой, сразу побѣдилъ Сфинкса. Эдипъ спасъ людей отъ его страшнаго и смертоноснаго очарованія, разрѣшилъ его загадку. Такимъ онъ является въ началѣ трагедіи отцомъ и спасителемъ народа, освободителемъ человѣчества отъ темныхъ силъ Рока, гевоемъ разума и воли. Народъ въ него вѣритъ, и

самъ онъ вѣрить въ себя, народъ считаетъ его чистымъ и мудрымъ, какъ божество, и самъ онъ себя считаетъ, если не божествомъ, то равнымъ ему.

Но Эдипъ — человекъ и только человекъ. Побѣда разума и воли надъ Сфинксомъ-Рокомъ—временная. Правда, Сфинксъ бѣжалъ, покинулъ терзаемый народъ, но не совсемъ. Попрежнему соблазнительный и насмѣшливый, онъ поселился въ сердцѣ побѣдившаго его героя. Онъ скоро опять будетъ задавать его разуму неразрѣшимыя загадки, опутаетъ его сѣтью хитростей. Тогда для Эдипа его собственная жизнь сдѣлается неразгаданнымъ Сфинксомъ.. Вотъ въ чемъ ужасъ, вотъ узелъ этой трагедіи: Сфинксъ уже не извнѣ, не въ природѣ, а внутри, въ душѣ своего побѣдителя. Онъ страшнѣе всякаго хищнаго звѣря, потому что онъ теперь неуловимъ и безплотенъ, какъ призракъ, онъ—тайна жизни, тайна каждой человѣческой совѣсти. Пророкъ Тирезій имѣетъ полное право бросить въ лицо герою эту жестокою, но заслуженную насмѣшку: «Спаситель всего народа, спаси самого себя!»

Умѣешь

Ты хитрѣе загадки разрѣшать.

Пусть онъ узнаетъ, кто его мать, кто отецъ, въ чемъ смыслъ жизни—въ побѣдѣ его духа надъ судьбой или въ побѣдѣ судьбы надъ его духомъ. Пусть человекъ разгадаетъ загадку своего собственнаго происхожденія,—и окажется, что смыслъ жизни—преступленіе, отчаяніе и ужасъ, что воля ничтожна передъ вѣчнымъ закономъ необходимости. Древній коварный Сфинксъ побѣдилъ своего побѣдителя, перехитрилъ разумъ человѣческій, вовлекъ его въ преступные соблазны и погубилъ.

Но въ томъ, какъ побѣжденный герой гибнетъ, столько величія, что все-таки трудно рѣшить, что безпредѣльнѣе—воля судьбы или воля человека: вы сомнѣваетесь, не есть ли побѣжденный побѣдитель, жалѣтъ ли его за гибель, или, напротивъ, гордиться имъ, благоговѣтъ передъ его всепобѣждающимъ духомъ.

Вотъ почему «Эдипъ - Царь» и теперь, послѣ двадцати вѣковъ, все еще сохраняетъ свою безсмертную юность, вотъ почему мы имѣемъ право сказать, что это произведеніе такое же всемірное, общечеловѣческое, какъ «Фаустъ» Гёте или «Гамлетъ» Шекспира, хотя менѣе сложное и разностороннее.

Трагическій образъ побѣдоноснаго героя, спасителя народа, Эдипа, борющагося противъ Сфинкса—загадки собственнаго происхожденія, противъ судьбы,—чудовища, лютаго, какъ звѣрь, окрыленнаго, какъ духъ, обольстительнаго, какъ женщина,—этотъ образъ вѣченъ, подобно Прометею, Фаусту, Гамлету, Донъ-Жуану, Лиру, подобно всѣмъ трагическимъ образамъ изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію преслѣдующимъ человѣчество. Герой и судьба, воля и необходимость, разумъ и тайна міра—таковъ смыслъ этой религіозно-философской и, какъ все великое въ искусствѣ, *символической* трагедіи. Въ самомъ дѣлѣ, отнимите у нея символизмъ—и что останется? Трагическая случайность. Съ нашей, современной точки зрѣнія, Эдипъ ни въ чемъ не виноватъ. Онъ вѣдь не зналъ, что убиваетъ отца и женится на матерп. Ни сознание, ни воля его не участвовали въ отцеубійствѣ, въ кровосмѣшеніи. Это въ сущности—не преступленіе, а только несчастіе, только оскверненіе невиннаго человѣка, обманутаго пророчествами боговъ.

Эдипъ гибнетъ не потому, что онъ виноватъ, а потому, что хотѣлъ быть слишкомъ великимъ для человѣческихъ силъ, слишкомъ дерзновеннымъ противникомъ судьбы и разгадчикомъ загадокъ древняго Сфинкса. Онъ стремился къ чрезмѣрному и невозможному, власть его превращалась въ самовластье (какъ это видно въ сценѣ съ Креономъ, съ прорицателемъ Тирезіемъ), онъ стоялъ выше всѣхъ людей, забылъ свою человѣческую природу, издѣвался надъ пророчествами боговъ, онъ самъ хотѣлъ быть богомъ. Здѣсь передъ нами открывается не трагическая случайность, а самая сущность жизни, роковая неизбѣжность гибели всякаго героя, который надѣется только на свою волю, на свою силу, на свое непреклонное и неистребимое «я» при столкновеніи съ тайною міра, съ ког-

тистымъ женоподобнымъ чудовищемъ, предлагающимъ свои вѣчныя загадки. Не такъ же ли гибнуть и Фаустъ, и Манфредъ, и Гамлетъ, и Донъ-Жуанъ, только потому что они возстали на законъ необходимости и смерти, потому что они возжаждали «сверхчеловѣческаго»?

Но и самая гибель героевъ едва ли не прекраснѣйшее, что есть на землѣ.

Кромѣ религиозно-философскаго значенія, эта трагедія обладаетъ неисчерпаемымъ художественнымъ обаянiемъ. По силѣ и тонкости психологическаго анализа, среди всѣхъ другихъ греческихъ трагедій она стоитъ особнякомъ и приближается къ новой европейской драмѣ.

Поэтъ съ изумительнымъ искусствомъ, уже никогда съ тѣхъ поръ неповтореннымъ, сжимая дѣйствiе, сосредоточивая цѣлую жизнь героя въ нѣсколько страшныхъ часовъ, не измѣняя ни разу мѣста дѣйствiя, показываетъ намъ послѣдовательно всѣ ступени человѣческаго бытiя, начиная отъ высочайшаго блаженства, кончая такимъ несчастiемъ, какое только доступно людямъ на землѣ. Герой становится отверженнымъ, всѣми проклятымъ злодѣемъ; богоравный царь — бездомнымъ бредягой, мудрецъ, прозрѣвавшiй въ тайны Сфинкса — жалкимъ слѣпцомъ.

Для меня, по крайней мѣрѣ, ужасъ и очарованiе этой трагедiи, главнымъ образомъ, заключается въ неотвратимой и медленной постепенности, съ которой надвигается разгадка тайны. Это страшное, какъ смерть, приближается шагъ за шагомъ, вырастаетъ изъ крошечнаго зерна незамѣтно и неумолимо, и, наконецъ, охватываетъ и поглощаетъ жертву. Въ началѣ трагедiи Эдипъ на высотѣ славы и могущества: народъ его боготворить. Хотя городъ и пораженъ, несчастiемъ, моровою язвою, но никто не сомнѣвается, что Эдипъ умилостивитъ боговъ, что онъ, спасшiй ихъ отъ чудовищнаго Сфинкса, спасетъ и отъ новой бѣды.

Первая тѣнь, первый намекъ на подозрѣнiе мелькаетъ въ словахъ Тирезiя. Эдипа раздражаютъ боязливья недомолвки прорицателя. Между ними разгорается споръ, царь оскорбляетъ пророка, и тотъ называетъ его убiйцей стараго царя Лайоса.

Страшный узелъ завязанъ, и никакія человѣческія силы его не распутаютъ.

Эдипъ не чувствуетъ ни малѣйшей тревоги. Онъ возмущенъ оскорбленіемъ, подозрѣваетъ Тирезія и Креона въ заговоръ противъ его власти, и съ величайшею ревностью самъ передъ лицомъ народа начинаетъ отыскивать истиннаго злодѣя, убійцу Лайоса.

И вдругъ, въ случайномъ намекѣ Іокасты, жены его, мелькаетъ что-то забытое и зловѣщее. Но все опять путается, и нить исчезаетъ. Онъ продолжаетъ искать съ жадностью, со злобой на преграды, но безъ всякаго страха. Что-то неуловимое, напоминающее загадки Сфинкса, то приближается, то отступаетъ, то заглядываетъ ему прямо въ глаза, то совсѣмъ исчезаетъ. Судьба смѣется надъ нимъ, чудовище играетъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью. Сфинксъ разставляетъ свои хитрыя сѣти; Эдипъ хочетъ разорвать ихъ, борется, и еще болѣе запутываетъ. А между тѣмъ сила уликъ и очевидность преступленія все растутъ и растутъ съ медленной, неотвратимой постепенностью. Эта игра судьбы, эти недомолвки, намеки, засады, насмѣшки, предчувствія, отвратительныя подозрѣнія доводятъ его до бѣшенства, онъ теряетъ самообладаніе, самъ призываетъ окончательную развязку. Лучше упасть, чѣмъ висѣть, зная, что все равно упадешь въ бездну. Въ самой горечи страданія есть опьянѣніе, есть сладкій и мучительный восторгъ, которые увлекаютъ Эдипа впередъ и впередъ, не даютъ ему опомниться. На самомъ краю бездны онъ имѣетъ еще силу бросить судьбѣ вызовъ. И въ это мгновеніе обнажается тайна. Онъ—отцеубійца, онъ осквернилъ ложе матери. Тогда только Эдипъ останавливается, но уже поздно. Теперь несчастный болѣе не ищетъ разгадки, разгадка сама идетъ къ нему навстрѣчу.

И отвага и гордость ему пзмѣняются.

Онъ хватается за каждый сучокъ на краю бездны, жаждетъ ослѣпить себя, хотъ призракомъ защитити отъ ужаса, обмануть свое сердце и совѣсть.

Но спасенія нѣтъ. Когда онъ говорить, что вѣрить надеждѣ, онъ уже ей не вѣрить.

Еще одинъ послѣдній ударъ, послѣднее слово разгадки, и все кончено. Тогда раздается трагическій плачь Хора надъ всякою жизнью человѣческой, надъ всякимъ стремленіемъ къ благу, къ истинѣ, къ счастью. Быть-можетъ, во всемірной поэзіи, даже не исключая современной, не высказывалось никогда болѣе безнадежнаго и страшнаго песимизма. И эти глубокія думы выражены съ дѣтскою наивною, которая дѣлаетъ ихъ еще неотразимѣе.

Послѣдняя сцена отчаянія Эдипа, его ослѣпленія, позора, проклятій богамъ, написана съ такою силою и безпощадностью реализма, что жалость и ужасъ, которые мы испытываемъ, граничатъ съ отвращеніемъ, по крайней мѣрѣ, для нашихъ слабыхъ и болѣзненно утонченныхъ нервовъ.

Но гармонія не нарушается, красота побѣждаетъ ужасъ, и послѣднія сцены трагедіи озарены примиряющей, почти христіанской нѣжностью. Здѣсь выступаютъ граціозные, дѣвственные образы Антигоны и Исмены, дочерей Эдипа. Онъ забываетъ себя, свое горе и свою гордость, думаетъ только о своихъ бѣдныхъ, отверженныхъ и покинутыхъ дѣтяхъ. Здѣсь человѣческая душа является во всей своей красотѣ. Развѣ эта нѣжность—это новое, еще слабо мерцающее счастье любви, послѣ всѣхъ ужасовъ и страданій, не побѣда надъ самой судьбой, надъ древнимъ чудовищнымъ Сфинксомъ. Любовь даетъ истинное безсмертіе человѣческой волѣ, любовь побѣждаетъ слѣпую силу рока.

Авторъ перевода былъ бы вполне вознагражденъ за свой трудъ, если бы эта работа помогла углубиться въ содержаніе великаго произведенія Софокла и отыскать тотъ именно нравственный смыслъ и красоту, которыя наиболѣе нужны и близки сердцу каждаго изъ русскихъ читателей. Предлагаемое произведеніе только слабый намекъ на возможность отыскать такой смыслъ и такую красоту, которая, несмотря на двадцать вѣковъ, отдѣляющіе насъ отъ Софокла, дѣлаютъ его произведеніе до сихъ поръ живымъ и современнымъ.

ЭСХИЛЪ.

—

СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

В л а с т ь.

С и л а—нѣмое лицо.

П р о м е т е й.

Г е ф е с т ь.

Х о р ь—нимфь-океанидъ.

О к е а н ь.

І о—дочь Инаха.

Г е р м е с ь.

ВЪ ГОРАХЪ СКИΘИИ.

Входятъ Власть и Сила, двѣ богини; онѣ ведутъ узника Прометея. За ними Гефестъ съ молотомъ и цѣпями.

ВЛАСТЬ.

Мы въ Скиѣи, мы на краю земли,—
Достигли мы пустынь непроходимыхъ.
Теперь, Гефестъ, исполни приговоръ
Царя боговъ: къ вершинѣ скалъ гранитныхъ
Желѣзными цѣпями ты прикуй
Преступнаго. Вѣнецъ твой лучезарный—
Огонь, укравъ, онъ людямъ въ даръ принесъ.
За то его наказываютъ боги,
Дабы онъ власть Кроніона призналъ
И разлюбилъ людей.

ГЕФЕСТЪ.

О, Власть и Сила,
Исполнили вы Зевсовъ приговоръ.
Но я—увы!—дерзну ли приковать
Къ нагимъ скаламъ возлюбленнаго брата?
Что дѣлать? Рокъ велить послушнымъ быть:
Бѣда тому, кто пренебрегъ велѣньемъ
Всевышняго.

(Къ Прометею).

О, мудрый сынъ Ѡемиды,
Наперекоръ желанью моему,
Я прикую тебя, связавъ цѣпями,
Къ пустынному граниту этихъ скалъ,
Гдѣ голоса людского никогда
Ты не услышишь, гдѣ, лучами солнца
Сожженное, твое изсохнетъ тѣло
И почернѣтъ. Темная ли ночь
Отниметъ свѣтъ у жаждущаго свѣта,
Иль высушить заря росу полей,
Твоя душа томиться будетъ вѣчно,—
И не рождался тотъ, кому дано
Тебя спасти. Несчастный, вотъ—награда
Твоей любви и состраданья къ людямъ.
Ты самъ былъ богъ и, не боясь боговъ,
Вознесъ людей ты къ почестямъ безмѣрнымъ.
За то теперь, прикованный къ скалѣ,
Одинъ, безъ сна, согнуть колѣнъ не въ силахъ,
Безпомощно стонать ты осужденъ,
Взывать, молить,—но непреклонно сердце
Царя боговъ: такъ новый властелинъ
Всегда жестокъ.

В Л А С Т Ъ .

Зачѣмъ же медлишь ты
И сѣтуешь? Ужели врагъ Олимпа,
Похитившій твой собственный огонь,
Тебѣ не врагъ?

Г Е Ф Е С Т Ъ .

Священны узы дружбы.

В Л А С Т Ъ .

Но Зевсовы велѣнія священнѣй:
Для дружбы ли нарушить ихъ дерзнешь?

ГЕФЕСТЪ.

Ты жалости не знаешь...

ВЛАСТЬ.

Пользы мало
Жалѣть того, кому помочь нельзя.

ГЕФЕСТЪ.

О, ремесло проклятое мое!

ВЛАСТЬ.

Проклятья тщетны: ремесло невинно.

ГЕФЕСТЪ.

Такъ пусть бы кто-нибудь другой, — не я...

ВЛАСТЬ.

Ты выбралъ самъ свой жребій: всѣ вы боги
Свободны; Зевсъ одинъ надъ вами царь.

ГЕФЕСТЪ.

Онъ царствуетъ,—теперь я это знаю!

ВЛАСТЬ.

Скорѣе же свяжи его цѣпями,
Чтобъ медлящимъ тебя не видѣлъ Зевсъ.

ГЕФЕСТЪ.

Вотъ поручи желѣзныя.

ВЛАСТЬ.

Не медли,
Вложи въ нихъ руки и къ скалѣ прикуй.

ГЕФЕСТЪ.

Готово.

ВЛАСТЬ.

Такъ. Ударь еще разъ. Крѣпче,
Чтобъ не ушелъ обманомъ.

ГЕФЕСТЪ.

Вотъ одна
Рука прикована

ВЛАСТЬ.

Теперь другую.
Силенъ титанъ, а Зевсъ еще сильнѣе.

ГЕФЕСТЪ.

Я сдѣлалъ все, чтобъ угодить богамъ.

ВЛАСТЬ.

Возьми осколокъ стали заостренный
И грудь ему пронзи

ГЕФЕСТЪ.

О, братъ мой, плачу!

ВЛАСТЬ.

Ты плачешь надъ врагомъ боговъ,—смотри,
Чтобъ не пришлось и надъ собой поплакать.

ГЕФЕСТЪ.

Ужасное ты видѣла.

ВЛАСТЬ.

Лишь казнь
Заслуженную.—Середину тѣла
Теперь обвей цѣпями.

ГЕФЕСТЪ.

Знаю самъ;
Приказывать не надо.

ВЛАСТЬ.

Все же буду
Приказывать.—Закуй и ноги. Въ кольца
Сначала ихъ продѣнь.

ГЕФЕСТЪ.

Сейчасъ... Готово.

ВЛАСТЬ.

Теперь, смотри, покрѣпче вбей въ нихъ гвозди:
Не забывай, что дашь отчетъ во всемъ.

ГЕФЕСТЪ.

Слова твои съ лицомъ такъ сходны!

ВЛАСТЬ.

Коль самъ ты слабъ, не осуждай другихъ
За твердость духа.

ГЕФЕСТЪ.

Кончено! Пойдемъ:
Онъ изъ цѣпей не вырвется...

ВЛАСТЬ (*къ Прометею*).

Ну, что жъ, титанъ? Глумись теперь надъ Зевсомъ
И у боговъ воруй огонь для смертныхъ!
Не смертные ль тебѣ помогутъ нынѣ?
Когда-то слылъ ты Прозорливцемъ: гдѣ же
Твое прозрѣнье? Пусть теперь научить,
Какъ вырваться тебѣ изъ этихъ узъ.

(*Власть, Сила и Гефестъ уходятъ.*)

ПРОМЕТЕЙ (*одинъ*).

Тебя, ээиръ небесный, вась, о, вѣтры
Крылатые, и рѣки, и земля.
Всеобщая Праматерь, и валовъ
Подобный смѣху шумъ многоголосый,—

Я всѣхъ васъ, всѣхъ въ свидѣтели зову!
Смотрите: вотъ что терпитъ богъ отъ бога.

Видите: тысячелѣтія
Пыткой истерзанный,
Буду страдать.
Царь небожителей,
Зевсъ, возложилъ на меня
Цѣпи позорныя.
О, я страдаю отъ мукъ
Нынѣшнихъ, будущихъ... Скоро ли
Скорби наступитъ конецъ?

Что говорю? И самъ ли я предвидѣлъ
Грядущее? Нежданная печаль

Не посѣтитъ меня. Нѣтъ, терпѣливо
Перенести я долженъ все, что Рокъ
Назначилъ мнѣ: судьба неотвратима...
Но не могу молчать и рассказать
Свою печаль я не могу. Огонь
Я смертнымъ далъ, и вотъ за что наказанъ.
Похитилъ я божественную искру,
Сокрылъ въ стволѣ сухого тростника:
И людямъ сталъ огонь любезнымъ братомъ,
Помощникомъ, учителемъ во всемъ.
Теперь плачу богамъ за преступленье,
На воздухѣ привѣшенный къ скалѣ.

Увы, увы!

Что за звукъ, что за шелестъ ко мнѣ долетѣлъ?
Это голосъ земной иль небесный?

Кто-нибудь не пришелъ ли къ далекимъ горамъ,
Чтобъ взглянуть на позоръ мой и муки?

Что жъ, смотрите: я—жалкій, закованный богъ,
Олимпійцамъ за то ненавистный,

Что безмѣрно людей я люблю... Но опять
Этотъ шумъ?.. Словно птицы порхаютъ,
Словно воздухъ отъ бьющихся крылій звенитъ?..

Нынѣ все мнѣ бѣдой угрожаетъ.

(На крылатой колесницѣ появляется хоръ нимфъ-океанидъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Нѣтъ, не бойся! Мы съ любовью
Прилетѣли къ этимъ скаламъ,
Мы едва мольбой склонили
Сердце строгаго отца.
Къ намъ донесся громъ желѣза
Въ глубину пещеръ подводныхъ,
И, стыдливость позабывъ,
Не успѣвъ надѣть сандалій,
Мы примчались въ колесницѣ
Съ дуновеньемъ вѣтерка.

ПРОМЕТЕЙ.

Посмотрите, о, дщери
Многодѣтной Теѳи
И отца Океана,
Что шумящимъ потокомъ
Обтекаетъ всю землю,—
Посмотрите: я здѣсь,
На позоръ пригвожденный,
Сторожить буду вѣчно
Острее этихъ скалъ.

ХОРЪ.

Антистрофа первая.

Видимъ, видимъ... Страхъ, какъ туча,
Застилаетъ наши очи,
Отягченныя слезами;
Видимъ, сохнетъ на скалѣ
Изнывающее тѣло
Подъ желѣзными цѣпями.
Новый кормчій правитъ небомъ:
На Олимпѣ Зевсъ насильемъ
Стародавніе законы
Святотатственно попраля.

ПРОМЕТЕЙ.

Пусть бы лучше подъ землю меня онъ низвергъ,
Въ черный Тартаръ, приѣмлющій мертвыхъ,
Или ниже, подъ своды Аида, и тамъ
Задушилъ бы въ оковахъ желѣзныхъ,
Чтобъ ни смертный, ни богъ не видали меня
И надъ мукой моей не глумились.
А теперъ я повѣшенъ на радость врагамъ
Въ высотѣ, какъ игрушка для вихрей!

ХОРЪ.

Строфа вторая.

Развѣ есть такой жестокой
Изъ блаженныхъ, кто бъ надъ мукой
Прометея насмѣялся?
Кто тебѣ не сострадаетъ,
Кромѣ Зевса?—Онъ одинъ,
Дерзкій, гнѣвный, непреклонный,
Всѣхъ боговъ порабощаетъ
И достигнетъ самовластья,
Если кто-нибудь насильемъ
Скиптръ не вырветъ у него.

ПРОМЕТЕЙ.

Пусть я нынѣ въ оковахъ томлюсь,
Пусть ругается врагъ надо мной.—
Будетъ Зевсу нужда до меня,
Чтобы заговоръ новый открыть,
Что владыку низвергнетъ съ небесъ.
Но тогда ужъ ни льстивая рѣчь,
Ни угрозы меня не смутятъ,
И не выдамъ я тайны, пока
Онъ не сниметъ съ меня эту цѣпь,
Не заплатитъ за весь мой позоръ!

ХОРЪ.

Антистрофа вторая.

Ты исполненъ силы гордой,
Не уступишь лютой скорби
Никогда,—но берегись:
Слишкомъ рѣчь твоя свободна.
За тебя во мнѣ трепещеть
Сердце страхомъ и тоской.
Гдѣ конецъ твоимъ страданьямъ,
Гдѣ прибѣжище отъ бури?
Вѣдь у Кроносова чада
Непреклонная душа.

ПРОМЕТЕЙ.

Знаю. Зевсъ и упрямъ и жестокъ,
Презираетъ законъ;—но судьбой
Будеть сломлена гордость его,
Онъ жестокое сердце смягчить:
Какъ союзникъ къ союзнику, самъ
Онъ мнѣ первый навстрѣчу поидеть!

ХОРЪ.

Скажи мнѣ все: открой, за что Зевесъ
Невиннаго такимъ мученьямъ предаль?
Скажи мнѣ, если можешь...

ПРОМЕТЕЙ.

Тяжело

Мнѣ говорить о скорби безнадежной
И тяжело молчать: во всемъ страданье.—
Когда въ семьѣ боговъ возникъ мятежъ
И запылалъ рѣздоръ непримиримый,
Одни желали, чтобы Зевсъ царилъ,
Чтобъ Кроносъ былъ низринуть, а другіе—
Чтобъ никогда не правилъ ими Зевсъ.
Я былъ въ тѣ дни сообщникомъ титановъ

Но къ мудрости не могъ склонить дѣтей
Земли и Неба: въ буйномъ, дикомъ сердцѣ
Всѣ хитрости лукавыя презрѣвъ,
Они враговъ смиритъ мечтали силой.
Но мать моя, Земля или Тетиды
(Единая подъ множествомъ именъ),
Мнѣ предрекла, что должно не насильемъ,
А хитростью могучихъ побѣдить.
И я открылъ пророчество титанамъ;
Но, дерзкіе, отвергли мой совѣтъ.
Тогда, покинувъ ихъ, рѣшилъ я Зевсу
Помочь въ борьбѣ, и съ матерью къ нему
Я перешелъ, къ свободному—свободный.
Лишь съ помощью моею онъ низвергъ
И скрылъ навѣкъ ихъ въ пропастяхъ подземныхъ—
Съ союзниками древняго Кроноса.
И вотъ какимъ предательствомъ за все
Мнѣ отплатилъ владыка Олимпійцевъ!
Не довѣрять ни близкимъ, ни друзьямъ—
Таковъ недугъ тирановъ всемогущихъ?
Но вы хотѣли знать, за что Зевесъ
Казнить меня. Я вамъ скажу, внимайте:
На отчій тронъ возсѣвъ, онъ раздѣлилъ
Дары земли и неба межъ богами
И утвердилъ незыблемую власть.
Но въ дѣлежѣ обидѣлъ смертныхъ: не далъ
Имъ ничего, хотѣлъ, ихъ истребивъ,
Создать иное племя, и никто
Среди боговъ за смертныхъ не вступился.
Когда бъ не я—они бы всѣ погибли,
Убиты громомъ Зевса: я возсталъ,
Отъ гибели я смертныхъ спасъ и принялъ
Такую казнь за то,—что страшно видѣть,
Страшнѣй терпѣть. Я пожалѣлъ людей,
Но жалости не заслужилъ отъ бога.
Да будутъ же страданія мои
Уликою, позорящею Зевса!

ХОРЪ.

Нѣтъ, у того въ груди не сердце—камень,
Кто о тебѣ не плачетъ, Прометей!
О, лучше бь мукъ твоихъ мы не видали,—
Но, увидавъ, не можемъ не скорбѣть!

ПРОМЕТЕЙ.

Мой видъ—увы!—не радостенъ для друга...

ХОРЪ.

Ты что-нибудь не сдѣлалъ ли еще?

ПРОМЕТЕЙ.

Еще я смертнымъ далъ забвенье смерти.

ХОРЪ.

Но какъ могли про смерть они забыть?

ПРОМЕТЕЙ.

Я поселилъ надежды въ нихъ слѣпыхъ.

ХОРЪ.

То не былъ ли твой величайшій даръ?

ПРОМЕТЕЙ.

Нѣтъ,—я имъ далъ еще огонь небесный...

ХОРЪ.

Огонь—въ рукахъ такихъ созданій жалкихъ?

ПРОМЕТЕЙ.

И многому научить онъ людей.

ХОРЪ.

Такъ вотъ за что разгнѣванный Кроніонъ
Тебя на казнь обрекъ и не щадить!
Ужели нѣтъ конца твоимъ страданьямъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Конецъ одинъ—Зевесовъ приговоръ.

ХОРЪ.

О, если такъ,—надежды мало. Видишь,
Ты былъ неправъ. Сказать, что ты неправъ,
Мнѣ—тягостно, тебѣ услышать—горько;
Оставимъ же,—подумаемъ, какъ быть.

ПРОМЕТЕЙ.

Тому, кто самъ не чувствуетъ страданья,
Давать совѣты умные легко.
Вѣдь это все я зналъ и все предвидѣлъ,
Но самъ того хотѣлъ и самъ избралъ
Мою судьбу, чтобъ быть полезнымъ людямъ.
А все жъ не думалъ я, что такъ жестоко
Наказанный, я буду пригвожденъ
Къ нагой скалѣ пустынной, безнадежной...
Но нѣтъ, пока не плачете надо мной,
Приблизьтесь же, сойдите съ колесницы,
И лишъ когда услышите про муки
Грядущія, тогда поймете все.
Узнайте скорбь мою и пожалѣйте!
Грозящая всему живому скорбь
Однихъ—теперь, другихъ постигнетъ завтра!

ХОРЪ.

Мы и такъ тебя жалѣемъ,
Сходимъ на землю, покинувъ
Воздухъ, свѣтлый путь для птицъ.
Посмотри: ногою легкой
Ужъ коснулись мы гранита,
Поскорѣй хотимъ услышать
Повѣсть грустную твою.

(Появляется богъ Океанъ на крылатомъ чудовищѣ.)

О К Е А Н Ъ .

Къ тебѣ, Прометей, я примчался
Черезъ много земель и морей:
Дракономъ крылатымъ по волѣ
Могу безъ узды управлять.
Я мукамъ твоимъ сострадаю,—
Вѣдь ты мнѣ родной; да и такъ
Сильнѣй, чѣмъ родного по крови,
Я сердцемъ тебя полюбилъ.
И вотъ докажу мою дружбу,
Я льстить никому не привыкъ:
Попробуй, проси, чего хочешь,—
Я сдѣлаю все для тебя,
И знай: не найти тебѣ друга
Вѣрнѣй, чѣмъ старикъ Океанъ!

П Р О М Е Т Е Й .

И ты пришелъ взглянуть на казнь мою!
Но какъ, скажи, рѣшился ты покинуть
Для Скиѳи, рождающей желѣзо,
И для пустынь чужихъ родныя волны
И влажныя скалистыя пещеры?
Ты говоришь, что поспѣшилъ затѣмъ,
Чтобъ выразить участіе страдальцу?
Смотри же—вотъ, кто Зевсу на престолъ
Помогъ взойти: смотри, какою мукой
Мнѣ отплатилъ союзникъ мой и братъ!

О К Е А Н Ъ .

Я вижу, другъ... Хотя и самъ исполненъ
Ты мудрости, послушай старика:
Смирись предъ Зевсомъ, новые законы
Признай, затѣмъ, что нынѣ новый царь
На небесахъ; хоть до него далеко,
Но берегись, онъ можетъ услышать
Слова твои надменные, и, горе!—
Тогда твоя теперешняя казнь

Покажется лишь дѣтскою забавой.
Нѣтъ, лучше гнѣвъ безсильный укроти,
Подумай, какъ отъ мукъ спастись. Быть-можетъ,
Совѣтами наскучилъ я тебѣ?
Что жъ? Не взыщи, ты видишь самъ, какъ платимъ
Мы дорого за дерзкія слова.
Зачѣмъ же, другъ, склонить главу не хочешь
И потерпѣть? Вѣдь новую бѣду
Легко навлечь; а если бы ты раньше
Спросилъ меня, я счелъ бы, Прометей,
Безуміемъ противиться такому
Могучему и страшному царю...
Но все жъ теперь пойду и постараюсь
Помочь бѣдѣ, насколько хватитъ силъ.
А ты, о, другъ мой, слишкомъ вольной рѣчи
Остерегись: ты мудръ и знаешь самъ,
Что за нее наказываютъ дерзкихъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Завидую тебѣ: ты невредимъ,
А былъ, какъ я, мятежникомъ когда-то.
Но обо мнѣ не хлопочи и знай,—
Не убѣдишь ты Зевса: онъ упрямя.
Смотри, опасно быть со мною въ дружбѣ.

ОКЕАНЪ.

Другимъ давать умѣешь ты совѣты,
А самъ себя отъ гибели не спасъ.
Но я иду — не возражай — и буду
Ходатаемъ твоимъ; надѣюсь, Зевсъ
Въ угоду мнѣ съ тебя оковы сниметь.

ПРОМЕТЕЙ.

Чтобъ мнѣ помочь, ты сдѣлать все готовъ...
Благодарю за дружбу; но меня
Ты не спасешь,—твой усилъя тщетны.

Оставь меня и думай о себѣ:
Гонимый самъ, я не хочу, чтобъ были
Невинные гонимы за меня.
И безъ того уже терзаетъ душу
Мнѣ Атласа, родного брата, скорбь;
Того, кто держитъ на спинѣ могучей
Земли и неба тяжкіе столбы.
И жалко мнѣ чудовища Тифона
Стоглаваго, проклятаго, во тьмѣ
Живущаго въ пещерахъ сицилійскихъ,
Низринутаго съ неба: на боговъ
Возсталъ Тифонъ и, свистомъ оглушая,
Онъ поднялъ къ нимъ зіяющую пасть;
Изъ глазъ его сверкалъ огонь Горгоны,
Олимпъ низвергнуть онъ грозилъ; но Зевсъ
Въ него ударилъ мѣткою стрѣлою,
Громopodobной, огненной; молчать
Бунтующаго молніей заставилъ,
И вдругъ Тифонъ всю силу потерялъ:
Обугленный и въ сердце пораженный,
У волнъ морскихъ лежитъ онъ и донынѣ,
Какъ мертвое, недвижимое тѣло,
Раздавленный корнями Этны. Пышетъ
Кузнецъ Гефестъ на высотѣ горы.
Но лишь тогда, какъ хлынуть рѣки лавы
Изъ кратера и, жадныя, пожрутъ
Плоды полей Сициліи цвѣтущей,—
Испепеленный Зевсомъ, но живой,
Тифонъ проснется, изрыгая пламя
И ярость. Впрочемъ, знаешь самъ,—ненуженъ
Разказъ мой. Думай о своемъ спасеннѣ,
А я—терпѣть готовъ, пока Зевесъ
Не утолитъ безжалостнаго сердца.

ОКЕАНЪ.

Ты вѣдаешь, что мудрыя слова—
Цѣлители души, горячей гнѣвомъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Когда утихнетъ гнѣвъ,—а не тогда,
Какъ яростью еще пылаетъ сердце.

ОКЕАНЪ.

Какой же вредъ ты видишь въ осторожной
Попыткѣ?

ПРОМЕТЕЙ.

Трудъ безцѣльный и безумье.

ОКЕАНЪ.

Порой и мудрость кажется безумьемъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ за тебя придется дать отвѣтъ.

ОКЕАНЪ.

Ты требуешь, чтобъ я тебя покинулъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Не то со мной наказанъ будешь.

ОКЕАНЪ.

Кѣмъ?

Не новымъ ли владыкой Олимпійцевъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Смотри,—его прогнѣвать берегись

ОКЕАНЪ.

Мнѣ казнь твоя урокъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Бѣги, спасайся,

Не медли!

Я лечу, крылатый змѣй
Несеть меня по свѣтлому ээиру,
И къ морю мчится радостно домой.

(Океанъ улетаетъ)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Горько я плачу о мукахъ твоихъ, Прометей!
Видишь,—изъ глазъ моихъ, полныхъ
Нѣжностью, слезы на щеки
Льются струею обильной.—
Править вселенной
Богъ самовластный,
Богъ беспощадный
Къ древнимъ богамъ.

Антистрофа первая.

Стономъ и плачемъ окрестныя земли полны:
Люди скорбятъ надъ тобою,
Надъ вѣковѣчною славой
Братьевъ титановъ погибшихъ.
Плачутъ народы
Азіи древней,
Всѣ сострадаютъ
Мукамъ твоимъ.

Строфа вторая.

Плачутъ и дѣвы Колхиды,
Неустрашимыя въ битвахъ,
Плачутъ кочевники-скиены—
Тамъ, близъ болотъ Меотидскихъ,
Въ чуждой далекой землѣ.

Антистрофа вторая.

Цвѣтъ аравійскихъ народовъ,
Плачуть и горцы Кавказа,
Дикое племя въ щетинѣ
Копій желѣзныхъ и пикъ.

Эподосъ.

Одного мы прежде знали
Бога, скованнаго цѣпью,
Знали Атласа-титана,
Что, раздавленный, согнувшись,
На плечахъ могучихъ держитъ
Безпредѣльный сводъ небесъ.
Волны падаютъ на волны,
Плачетъ море, стонуть бездны,
Подъ землей въ пещерахъ черныхъ
Содрогается Андъ,—
И текутъ, какъ слезы горя,
Родники священныхъ рѣкъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Не думайте, что я молчу, о, сестры
Изъ гордости. Но вся моя душа
Сознаніемъ обиды нестерпимой
Поглощена. Не я ли даровалъ
Великую побѣду Олимпійцамъ?
Вы знаете о ней. Не буду вамъ
Разсказывать. Но выслушайте повѣсть
О жалкихъ смертныхъ.

Это я имъ далъ,
Безмысленнымъ, могущественный разумъ!
Не съ гордостью объ этомъ говорю,
Но лишь затѣмъ, чтобъ объяснить причину
Моей любви къ несчастнымъ. Люди долго
И видѣли, но не могли понять,
И слушали, но не могли услышать.
Подобные тѣнямъ, какъ бы во снѣ,

По прихоти случайностей, блуждали,
И было все въ нихъ смутно; и домовъ,
Открытыхъ солнцу, строить не умѣли
Изъ кирпичей иль бревенъ, но въ землѣ,
Какъ муравьи проворные, гнѣздились,
Во тѣмъ сырыхъ землянокъ и пещеръ;
Не вѣдали отличія зимы
Отъ лѣтнихъ дней горячихъ, плодоносныхъ,
Иль отъ весны цвѣтущей; дикари
Творили все безъ размышленья, слѣпо.
Но, наконецъ, я бѣднымъ указалъ
Восходъ свѣтилъ, закатъ ихъ, полный тайны,
Глубокую науку чисель, буквъ
Сложеніе и творческую память,
Великую родительницу музъ.
Я въ первый разъ животныхъ дикихъ, вольныхъ,
Поработилъ яру, чтобъ сдѣлать ихъ
Во всѣхъ трудахъ помощниками людямъ:
Послушнаго браздамъ запрягъ коня,
Красу для глазъ и гордость человѣка,
И съ крыльями льняными изобрѣлъ
Летающія въ морѣ колесницы
Для моряковъ. Но столько дивныхъ тайнъ,
Искусствъ, наукъ открывшій жалкимъ людямъ
Спасти себя ничѣмъ я не могу!

ХОРЪ.

Увы! Отъ мукъ, отъ скорби обезумѣвъ,
Бродя во мглѣ, не можешь ты найти,—
Какъ нѣкій врачъ неопытный,—лѣкарства,
Чтобъ исцѣлить свой собственный недугъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Еще не все: лишь до конца дослушавъ,
Увидите, какъ много я имъ далъ.
И вотъ мой даръ великій: въ дни былые
Не вѣдали они цѣлебныхъ травъ,

Лѣкарственныхъ напитковъ, притираній,
И умиральъ безпомощно больной.
Но я имъ далъ спасительныя травы,
Смѣшеніе лѣкарствъ, чтобъ злой недугъ
Одолѣвать. Искусство прорицаній
Установиль, и, правду ото лжи
Въ пророческихъ видѣньяхъ отдѣляя,
Я вѣщія примѣты указаль,
Что путнику встрѣчаются въ дорогѣ,
Что видимъ мы въ полетѣ птицъ съ кривыми
Когтями—знакъ иль добрый, иль дурной;
Воздушныя собранія пернатыхъ,
Ихъ пищу, жизнь, любовь и непріязнь,
Отличія во внутренностяхъ теплыхъ,
И печени, и желчи цвѣтъ желанный—
Всѣ признаки, угодные богамъ;
И части жертвъ, обернутыя жиромъ,
И бедра ихъ широкія сложивъ
Надъ пламенемъ на алтарѣ священномъ,
Я всеожженью смертныхъ научиль,
И знаменьямъ глубокимъ, сокровеннымъ
Являемымъ въ пылающемъ огнѣ.—
Таковъ мой даръ. И кто сказать посмѣетъ,
Что для людей не я открылъ руду,
Желѣзо, мѣдь, и серебро, и золото?..
Но въ двухъ словахъ—чтобъ краткокъ былъ рассказъ:
Все отъ меня—искусство, знанье, мудрость.

ХОРЪ.

Довольно ты заботился о людяхъ,
И о себѣ подумай: можетъ-быть,
Еще, стряхнувъ позорныя оковы,
Ты будешь вновь могущественъ, какъ богъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Нѣтъ! Рокъ не то судиль, неумолимый:
Лишь тысячи страданій претерпѣвъ,

Изъ этихъ узъ я вырвусь на свободу.
Мы всѣ—ничто предъ волею Судьбы!

ХОРЪ.

Но кто жь Судьбы таинственный владыка?

ПРОМЕТЕЙ.

Эриннии и тройственныя Парки.

ХОРЪ.

Ужели Зевсъ слабѣй Богинь Судьбы?

ПРОМЕТЕЙ.

Что суждено, того онъ не глѣбѣгнетъ.

ХОРЪ.

Не суждено ль во вѣкъ ему царить?

ПРОМЕТЕЙ.

Я не могу отвѣтить: не просите.

ХОРЪ.

Ужасное скрываешь ты отъ насъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Молчите же... Пока еще не время
Намъ говорить объ этомъ: до конца
Въ душѣ моей хранить я буду тайну,
Скрывать, молчать, чтобы спастись отъ мукъ.

ХОРЪ.

Строфа первая.

Съ волей Всевышняго лучше не спорить во вѣки!
Будемъ же чаще богамъ угождать гекатомбой,
Жертвой, закланной у волнъ необъятнаго моря.
Не согрѣшимъ даже словомъ,
Божій завѣтъ въ нашемъ сердцѣ
Свято храня.

Антистрофа первая.

Сладко намъ дни проводить, если вѣримъ мы въ счастье.
Сладко намъ душу питать непорочной надеждой.—
Гордый титанъ, мы глядимъ на тебя съ содроганьемъ:
 Не побоялся ты бога,
 Слишкомъ возвысилъ ничтожныхъ,
 Слабыхъ людей.

Строфа вторая.

Что въ ихъ любви? Развѣ смертные могутъ помочь?
 Развѣ не зналъ ты, что немощью
 Сковано племя ихъ бѣдное,
 Недолговѣчное,
 Грѣзамъ подобное?
Не перестроить имъ міра—созданья боговъ

Антистрофа вторая.

Вотъ чему учать страданья твои, Прометей —
 Пѣсни иныя мы нѣкогда
 Пѣли тебѣ, новобрачному,
 Пѣсни веселыя,—
 Гимны счастливицѣ,
Нашей сестрѣ Гезіонѣ, невѣстѣ твоей!
(На сцену вбѣгаетъ Іо, дочь Инаха, безумная.)

10.

Что за край, что за люди? Кто тамъ, на скалѣ,
 Обвѣваемой бурями,
Тяжко стонеть въ цѣпяхъ? О, скажите, за что
 Онъ прикованъ безжалостно?
О, скажите, въ какую страну забрела
 Я, несчастная?
 Увы, увы!
Оводъ пронзилъ меня жаломъ,
 Аргуса призракъ! Спасите!..
Страшно мнѣ! Видите, вотъ онъ—
 Тысячеглазый,

Вотъ онъ—со взоромъ лукавымъ,
Мертвый возсталъ изъ земли.
Вышелъ изъ ада,
Гонить меня по прибрежнымъ пескамъ, исхудалую!

Строфа.

Вздохи доносятся флейты пастушьей, унылой,
Гимнъ усыпительный. Горе,
Горе! Куда забрела я, скиталица?
Зевсъ, о, за что ты меня на страданье обрекъ?
Мучишь, преслѣдуешь, полную ужасомъ,
Жалкую дѣву, безумную?
Грономъ убей меня, въ землю укрой,
Брось на съѣденіе гадамъ морскимъ!
Боже, внемли
Стонамъ моимъ!
Я ужъ скиталась довольно.
О, если бы знать мнѣ,
Гдѣ мой пріютъ!
Слышишь ли жалобы бѣдной изгнанницы?

ПРОМЕТЕЙ.

Кѣ мнѣ достигъ твой голосъ, дочь Инаха.
Я знаю все: Зевесъ тебя любилъ,
И вѣчно ты, преслѣдуема Герой
И оводомъ язвима, бѣжишь.

10.

Антистрофа.

Имя назвалъ ты отца моего. Отвѣчай мнѣ:
Кто же ты самъ, о, несчастный,
Съ дѣвой несчастною слово промолвившій?
Знаешь ты посланный богомъ мой страшный недугъ,
Жаломъ пронзившій меня и терзающій.
Ревностью Геры гонимая,
Всюду мечусь я, не помню себя,
И, обезумѣвъ отъ боли, бѣгу!

Можно ль страдать
Больше, чѣмъ я!
Если ты знаешь, открой мнѣ;
Долго ли, бѣдной
Муки терпѣть?
Молви, утѣшь ты меня, одинокую!

ПРОМЕТЕЙ.

Въ простыхъ словахъ, безъ тайнъ и недомоловокъ,
Скажу я все, о чемъ ты хочешь знать,
Какъ добрый другъ, бесѣдующій съ другомъ.
Я — Прометей; я людямъ далъ огонь.

ІО.

О, богъ несчастный, благодѣтель смертныхъ!
За что же ты страдаешь, Прометей,

ПРОМЕТЕЙ.

Я только что рассказъ объ этомъ кончилъ.

ІО.

Но милостивъ не будешь ли ко мнѣ?

ПРОМЕТЕЙ

Открою все. Скажи, чего ты хочешь?

ІО.

Я знать хочу, кто приковалъ тебя?

ПРОМЕТЕЙ.

Велѣніе боговъ, — рука Гефеста.

ІО.

Но въ чемъ вина? За что тебя казнятъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Я о себѣ ужъ говорилъ довольно.

Іо.

Прости, еще одно: когда настанетъ
Конецъ моимъ страданіямъ, открой!

ПРОМЕТЕЙ.

Повѣрь: тебѣ не знать объ этомъ лучше.

Іо.

Что бъ ни было въ грядущемъ, — не скрывай!

ПРОМЕТЕЙ.

Я обѣщаль, и все тебѣ открою.

Іо.

Не медли же, прошу, начни скорѣй.

ПРОМЕТЕЙ.

Сейчасъ начну; — боюсь я опечалить...

Іо.

Мнѣ лучше знать. Не бойся, говори.

ПРОМЕТЕЙ.

Ты требуешь, — да будетъ такъ. Внимай же.

ХОРЪ.

Нѣтъ, погоди: хотѣли мы просить,
Нельзя ль и намъ изъ устъ ея услышать
О горестной судьбѣ ея разсказъ.
Ты ей потомъ грядущее откроешь.

ПРОМЕТЕЙ (къ Іо).

Исполнить ихъ желаніе — твой долгъ:
Вѣдь по отцу онѣ тебѣ родныя.
Повѣствовать о скорби намъ легко,
Когда мы знаемъ, что слезой участья
Почтутъ разсказъ внимающіе намъ.

Я не могу вамъ отказать, о, нимфы,
 Узнайте жизнь печальную мою.
 Вы видите — я плачу, вспоминая,
 Какъ божій громъ ударилъ, какъ навѣкъ
 Утратила я образъ человѣка.
 Ночные сны летали надо мной,
 Ночные сны въ моей дѣвичьей спальнѣ
 Шептали мнѣ: къ чѣму ты такъ горда
 И дѣвственна? Ты можешь быть супругой
 Великаго царя: Зевесъ пронзенъ
 Стрѣлой любви, и радости Киприды
 Съ тобой, дитя, онъ жаждетъ раздѣлить.
 Не отвергай же ты объятій бога!
 Въ цвѣтущій доль, въ Лернейскія поля,
 Сойди къ нему, сойди къ стадамъ отцовскимъ,
 Чтобъ Зевсово желанье утолить.—
 Мнѣ по ночамъ покоя не давали
 Крылатая видѣнія, пока
 Объ этихъ снахъ отцу я не сказала.
 Онъ много разъ въ Додону посылалъ.
 И къ Пиеи, смиренно вопрошая,
 Какъ совершить угодное богамъ.
 Но всѣ послы, вернувшись, приносили
 Неясныя пророчества отцу.
 И лишь потомъ пришелъ къ нему понятный,
 Прямой отвѣтъ—велѣніе боговъ—
 Изгнать меня изъ отческаго дома
 Въ безвѣстныя и дальніе края;
 Не то Зевесъ грозилъ весь родъ Инаха
 Стрѣлой громовъ палящихъ истребить,
 Родитель внялъ дельфійскимъ прорицаньямъ,
 Но не хотѣлъ изгнать свое дитя,
 Противился. И богъ заставилъ силой
 Безжалостный исполнить приговоръ.
 Я образъ мой утратила и разумъ;
 Рогатая, пріавъ телицы видъ

И оводомъ гонима съ острымъ жаломъ,
Въ неистовствѣ я бросилась бѣжать.
И по брегамъ Керхней тихоструйной,
И по холмамъ Лернейскимъ. Сынъ Земли
За мной слѣдилъ, жестокосердный Аргусъ
Съ несмѣтными очами вѣчный стражъ.
Но онъ погибъ. И подъ бичомъ небеснымъ
Изъ края въ край скитаться суждено
Мнѣ, оводомъ терзаемой. Ты знаешь
Прошедшее—открой же мнѣ теперь
Грядущія страданья. Но не думай
Баюкать слухъ мой лестью: ничего
Не можетъ быть постыднѣй рѣчи лживой.

ХОРЪ

Подожди, подожди,
Дай намъ мысли собрать.
Ю, Ю,—увы!
Твой неожиданный рассказъ
Наше сердце смутилъ.
Насъ пронзилъ, какъ мечомъ,
Твой великій позоръ,
Безпредѣльная скорбь.
О, Судьба, о, Судьба!
Мы дрожимъ предъ тобой!

ПРОМЕТЕЙ.

Вы плачете, пугливыя созданья,—
Внимайте же, внимайте до конца!

ХОРЪ.

Мы слушаемъ. Отраднo знать несчастнымъ
Ихъ горестямъ назначенный конецъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Исполнилъ я охотно вашу просьбу:
Какъ сами вы желали, отъ нея
Услышали страдальческую повѣсть:

Узнайте же, что въ оудущемъ терпѣть
Ей суждено отъ Геры безпощадной.
А ты мои слова запечатлѣй
Въ душѣ, чтобъ знать конецъ своихъ скитаній,
Несчастная.

Къ восходу обратясь,
Сперва пройди невспаханная земли
И Скиѣи достигни. Тамъ живутъ
Кочевники въ возахъ съ плетеной крышей,
Съ колесами большими, и у нихъ
Въ колчанахъ спятъ губительныя стрѣлы:
Ихъ нравъ жестокъ и страшенъ,—берегись,
Потомъ придешь ты къ бурному потоку,
Иди все прямо, брода не ищи,
Пока высотъ Кавказа не достигнешь,
Гдѣ истощитъ рѣка въ тѣснинахъ горъ
Свой лютой гнѣвъ. Тогда черезъ вершины,
Что высятся до звѣздъ, спустишь на югъ,
И ты полки увидишь амазонокъ,
Воительницъ, не вѣдавшихъ мужей.
(Имъ суждено уйти къ странѣ далекой,
На Термодонъ, гдѣ грозный Сальмидессъ,
Съ утесами заливъ, открытой пастью
Испуганныхъ встрѣчаетъ моряковъ)
И съ радостью укажутъ амазонки
Тебѣ твой путь. Преддверіе болотъ—
Ты Киммерійскій минешь перешеекъ,
И, переплывъ съ отвагою проливъ,
Прославишься навѣки переправой,
И въ честь твою Босфоръ получитъ имя.
Тогда ты вступишь въ Азію.

Итакъ,

Вы видите теперь, что царь Олимпа
Ко всѣмъ равно жестокъ: онъ вожделѣль,
Безсмертный богъ, со смертной сочетаться,—
И вотъ за что обрушилъ столько бѣдъ
На робкую безпомощную дѣву.

Жестокаго супруга избрала
Ты, бѣдная: вѣдь сказанное мною—
Лишь первое начало мукъ твоихъ.

Іо.

Увы, увы!

ПРОМЕТЕЙ.

Ты плачешь? Что же будетъ,
Когда ты все узнаешь до конца!

ХОРЪ.

Скажи, какой конецъ ея страданьямъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Пучина слезъ, отчаянья и бѣдъ.

Іо.

На что мнѣ жизнь! Зачѣмъ я лучше въ пропасть
Не кинулась съ вершины этихъ скалъ?
Лежала бы я мертвая въ долинѣ,
Свободная отъ мукъ. Отраднѣй сразу
Намъ умереть, чѣмъ мучиться всю жизнь!

ПРОМЕТЕЙ.

А какъ бы ты мой терпѣла муки?
Мнѣ даже Рокъ и въ смерти отказалъ.
(Была бы смерть желанною свободой!)
Но моему страданью нѣтъ конца,
Пока съ Олимпа Зевсъ не будетъ свергнутъ.

Іо.

Что ты сказалъ? Ужели Зевсъ падеть?

ПРОМЕТЕЙ.

Ты будешь ли его паденью рада?

Іо.

Подумай самъ: онъ погубилъ меня.

ПРОМЕТЕЙ.

Такъ радуйся: слова мои правдивы.

ІО.

Кто царскій скиптръ отниметь у него?

ПРОМЕТЕЙ.

Онъ скиптра самъ лишитъ себя безумьемъ.

ІО.

Когда и какъ, не можешь ли открыть?

ПРОМЕТЕЙ.

Отъ брачнаго союза онъ погибнетъ.

ІО.

Съ богиней ли, со смертною—скажи?

ПРОМЕТЕЙ.

Не спрашивай: я не могу отвѣтить.

ІО.

Не будетъ ли супругой свергнуть Зевсъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Родится сынъ у нихъ сильнѣе Зевса.

ІО.

И гибели ничто не отвратить?

ПРОМЕТЕЙ.

Ничто, пока не буду я свободенъ.

ІО.

Но кто жь врагу боговъ свободу дастъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Потомокъ твой: такъ суждено Судьбою.

ІО.

Ужель тебя освободить мой сынъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Въ тринадцатомъ колѣнѣ правнукъ Іо.

ІО.

Пророчество не ясно для меня.

ПРОМЕТЕЙ

Забудь его: судьба твоя ужасна.

ІО.

Судьбу предречь ты самъ мнѣ обѣщаль

ПРОМЕТЕЙ.

Одно изъ двухъ я для тебя исполню.

ІО.

Скажи мнѣ, что: я выберу сама.

ПРОМЕТЕЙ.

Я предреку конецъ твоихъ несчастій
Иль день моей свободы; выбирай.

ХОРЪ.

Пускай ты ей одну окажешь милость,
Другую—намъ. Мы молимъ, Прометей:
Ей предскажи конецъ ея страданій,
А намъ—того, кто волю дастъ тебѣ.

ПРОМЕТЕЙ.

Противиться не буду вашей просьбѣ:
Открою же, что вы хотите знать:
Сперва тебѣ—твой путь. Въ скрижаляхъ сердца
Запечатлѣй слова мои. Туда—

Къ сіяющимъ лугамъ, къ восходу солнца
Пройди чрезъ волны—грань материковъ,
И, за собой оставивъ Понтъ ревуцій,
Увидишь ты Горгонскія поля,
Кисеены долъ, гдѣ обитають Парки,
Три страшныхъ дѣвы съ ликомъ лебединымъ:
Единый зубъ у нихъ, единый глазъ;
Сихъ темныхъ дѣвъ не озарялъ вовѣки
Ни солнца лучъ, ни тихій свѣтъ луны.
Вблизи живутъ крылатыя Горгоны.
Не умеревъ, никто еще не могъ
Взглянуть на трехъ сестеръ змѣинокудрыхъ.
Я говорю—страшись, бѣги отъ нихъ.
Но скоро ты увидишь новый ужасъ:
Безжалостныхъ грифоновъ съ острымъ клювомъ,
Кроніона нелающихъ собакъ
И Аримасповъ конныхъ, одноокихъ
На берегу золотоносныхъ волнъ
Плутоновой рѣки. Бѣги оттуда,
Бѣги на югъ, гдѣ черные народы
Вкругъ Солнечныхъ Источниковъ живутъ,
Гдѣ катится потокъ эіопійскій.
Библосскихъ горъ увидишь ты хребетъ,
Оттуда Ниль свергаетъ водопадомъ
Прозрачныя, священныя струи.
По берегамъ придешь ты къ устью Нила
Трехгранному, гдѣ суждено тебѣ
И сыновьямъ твоимъ построить городъ.
Коль что-нибудь въ словахъ моихъ темно,
Я повторю: ты видишь—слишкомъ много
Невольнаго досуга у меня.

ХОРЪ.

О будущихъ скитаньяхъ Іо бѣдной
Докончи твой разсказъ. А если все
Ты ей предрекъ, припомни нашу просьбу
Усердную; ты знаешь самъ—о чемъ.

О будущемъ я кончилъ прорицанья.
 Теперь скажу о пройденномъ пути,
 И, выслушавъ меня, увидить Ю,
 Что ей не лгутъ пророчества мои.
 Но о началѣ странствія не буду
 Я говорить, скажу лишь о концѣ.—
 Достигла ты земли Молоссовъ, горы
 Додонскія узрѣла, гдѣ живетъ
 Во храмѣ Зевсъ, оракуль Ѡеспротійскій,
 И гдѣ шумятъ таинственной листвою
 Священные, пророческіе дубы
 Ихъ голосомъ была наречена
 Ты будущей супругой Олимпійца
 Не правда ль—честь завидная для жертвъ
 Его любви!—Объятая безумьемъ,
 Приморскою дорогою бѣжать
 Ты бросилась къ заливу Рен. Скоро
 Въ неистовствѣ направила назадъ
 Свои шаги. Тѣ волны назовутъ
 Во славу Ю моремъ Іонійскимъ
 Далекіе потомки.

Но довольно.

Вы видите, что въ сумрачную даль
 Я за предѣлъ явленій прозрѣваю.
 Теперь къ тому, что прежде говорилъ,
 Вернусь опять, и мой рассказъ окончу:
 Есть нѣкій градъ Канобъ на устьяхъ Нила,
 Построенный на отмеляхъ рѣки,
 Тамъ возвратитъ Зевесъ тебѣ твой разумъ,
 Дотронувшись ласкающей рукой
 До скорбнаго чела. Родишь ты сына,
 И черное, могучее дитя
 Ты назовешь Эпафомъ. Будетъ жатву
 Онъ собирать со всѣхъ полей, что Ниль
 Широкою волною орошаетъ.
 И пятьдесятъ цвѣтущихъ дочерей
 Изъ пятаго колѣна въ Арголиду

Вернутся вновь, гонимыя стыдомъ,
Чтобъ съ братьями двоюродными ложа
Не раздѣлить. Но похотью полны,
Преслѣдуя союзъ кровосмѣшенья,
Тѣ бросятся за ними по пятамъ,
Какъ соколы за стаей бѣлыхъ горлицъ;
И мстящій богъ ихъ крови будетъ жаждать,
Земля Пелазговъ приметъ жениховъ,
Рукой невѣсть закланыхъ въ часъ полночный
На ложѣ сна, и каждая изъ дѣвъ
Глубоко въ грудь двуострое желѣзо
Вонзить супругу-брату. О, Киприда,
Такую страсть пошли моимъ врагамъ!
Лишь у одной, любовью побѣжденной,
Не хватить силъ убить, и пощадить,
И, ослабѣвъ, она свое безсилье
Жестокому убійству предпочтетъ.
Произвести весь родъ царей Аргоса
Ей суждено.

Я кончилъ мой разсказъ;
Одно прибавлю: отъ того же корня
Родится въ мѣръ прославленный герой,
Что сниметъ цѣпь съ меня. Мнѣ предсказала
Объ этомъ мать, родимая Земля,
Кормилица могучая Титановъ;
Но гдѣ и какъ онъ мнѣ свободу дастъ.
О томъ молчу и знать тебѣ не надо.

10.

Защитите, о боги! Я чувствую, вновь
Охватило мнѣ душу безумье.
Я горю, холодѣю. Пронзаетъ меня
Ненасытнаго овода жало.
Сердце въ страхѣ трепещетъ. Нѣмѣтъ языкъ
И вращаются очи. А ярость,
Словно буря былинку, уноситъ меня.
Тонетъ разумъ въ пучинѣ страданій!..
(10 убѣгаетъ).

ХОРЪ.

Строфа.

Истинно мудрымъ былъ тотъ,
Кто посовѣтоваль первый всегда заключать
Съ равными равнымъ союзъ.
Бѣдный простой человѣкъ
Дружбы не долженъ искать
Ни богачей, ни вельможъ!

Антистрофа.

Пусть же, о, пусть никогда
Грозныя Парки меня не увидятъ женой
Ни одного изъ боговъ. —
Ю, мы плачемъ, дрожимъ,
Видя страданья твои,
Попранный дѣвичій стыдъ.

Эподосъ.

Мнѣ не страшно быть женою
Тѣхъ, кто равенъ намъ и близокъ.
Только пусть меня вовѣки
Не достигнетъ Олимпійцевъ
Безпощадная любовь.
Это брань, гдѣ нѣтъ спасенья,
Это путь, гдѣ нѣтъ исхода.
Если кинетъ богъ на дѣву
Страсти взоръ неотвратимый,
Что ей дѣлать? какъ несчастной
Отъ всесильнаго бѣжать?

ПРОМЕТЕЙ.

Пусть нынѣ Зевсъ надмененъ: онъ смирится
И вступитъ въ бракъ, что съ высоты небесъ
Его, могучаго, низринетъ въ бездну.
Въ тотъ страшный день исполнится надъ нимъ
Отцовское проклятье, что на сына
Обрушилъ Кроносъ, падая съ небесъ.

Но указать отъ этихъ бѣдъ спасенье
Изъ всѣхъ боговъ могу лишь я одинъ.
Я знаю тайну.—Пусть же Зевсъ на тронѣ
Пока сидитъ, довѣрившись громамъ
И молнію въ рукѣ своей сжимая.
Онъ со стыдомъ падетъ,—и ужъ ничто
Не защититъ его: боецъ возстанетъ
Невѣдомый гигантъ непобѣдимый;
Онъ обрѣтетъ огонь сильнѣй огня
Кроніона, и громъ—сильнѣе грома
Небеснаго, которымъ раздробитъ
Грозу морей, трезубецъ Посейдона.
И богъ боговъ, привыкшій къ самовластью,
Тогда пойметъ, что значить быть рабомъ!

ХОРЪ.

Такъ вотъ—твои мечты, твои желанья.

ПРОМЕТЕЙ.

Дѣйствительность, а не мечты мои.

ХОРЪ.

Ужели Зевсъ предъ кѣмъ-нибудь смирится?

ПРОМЕТЕЙ.

Да будетъ онъ страдать сильнѣй, чѣмъ я.

ХОРЪ.

Что говоришь? О, какъ тебѣ не страшно!

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ? Страшно? Нѣтъ: вѣдь смерть не мой удѣлъ.

ХОРЪ.

Но казнь твою Зевесъ удвоить можетъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Пускай удвоить: я не все готовъ.

ХОРЪ.

О, благо тѣмъ, кто чтить богиню Рока!

ПРОМЕТЕЙ.

Такъ будьте же рабами, покоряйтесь
И льстите всѣмъ богамъ. А для меня
Зевесъ — ничто. Пускай онъ править міромъ, —
Царить ему недолго суждено...
Что вижу? Вотъ глашатай Олимпійца.
Должно-быть, вѣсть принесъ онъ отъ боговъ.

ГЕРМЕСЪ.

Я говорю съ тобой, коварный, злѣйшій
Изъ всѣхъ враговъ Зевеса, воръ огня
Священнаго, ходатай жалкихъ смертныхъ.
Разоблачить отецъ мой повелѣлъ,
Какой союзъ губительнаго брака
Ты, хвастая, дерзнулъ ему предречь?
Но говори яснѣе, безъ загадокъ:
Смотри, титанъ, не заставляй меня
Вернуться вновь. Угрозой ты не можешь
Царя боговъ на милость преклонить.

ПРОМЕТЕЙ.

Твои слова надменны и хвастливы;
Такъ говорить прилично слугамъ тѣхъ,
Кто съѣсть едва успѣлъ на тронъ Олимпа.
Вы думаете, новые цари, —
Не можетъ скорбь проникнуть къ вамъ въ чертоги?
Но видѣлъ я паденье двухъ владыкъ,
Сильнѣе васъ, — и очередь за третьимъ:
Онъ гибели позорнѣйшей изъ всѣхъ
Не отвратить. — А ты, прислужникъ Зевса,
Надѣялся, что буду я дрожать
Предъ этими ничтожными богами?
О, я не палъ еще такъ низко! Нѣтъ,

Ты отъ меня не вывѣдаешь тайны.
Уйди, вернись къ пославшему тебя!

ГЕРМЕСЬ.

Не этой ли строптивостью безумной
Ты казнь твою и цѣпи заслужилъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Но знай, Гермесь, что казнь мою и цѣпи
Не промѣнялъ бы я на твой позоръ:
Почетнѣй быть прикованнымъ къ граниту,
Чѣмъ вѣстникомъ проворнымъ у царей
Служить, какъ ты! Обида — за обиду.

ГЕРМЕСЬ.

Ты, кажется, своимъ мученьямъ радъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Пускай судьба пошлетъ такую радость
Врагамъ моимъ — и ты одинъ изъ нихъ!

ГЕРМЕСЬ.

Но въ чемъ же я виновенъ предъ тобою?

ПРОМЕТЕЙ.

Васъ, боги, всѣхъ, платящихъ за добро
Предательствомъ, равно я ненавижу.

ГЕРМЕСЬ.

Отъ горя ты разумокъ потерялъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Иль ненависть къ мучителямъ безумна?

ГЕРМЕСЬ.

Ты не былъ бы и въ счасти добрѣй.

ПРОМЕТЕЙ (стонетъ).

Увы!

ГЕРМЕСЬ.

Вотъ крикъ, невѣдомый Зевесу.

ПРОМЕТЕЙ.

Пусть поживеть, — научится всему.

ГЕРМЕСЬ.

Быть мудрымъ жизнь тебя не научила.

ПРОМЕТЕЙ.

Да, если бь я мудрѣе былъ, — не сталъ бы
И говорить съ такимъ рабомъ, какъ ты!

ГЕРМЕСЬ.

Такъ услужить не хочешь Олимпійцу?

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ есть за что ему служить, не правда ль?

ГЕРМЕСЬ.

Какъ съ мальчикомъ, со мной ты говоришь...

ПРОМЕТЕЙ.

Нѣтъ, ты глупѣй, чѣмъ маленькія дѣти,
Коль думать могъ, что я открою тайну:
Сказать того, что знаю, не заставитъ
Меня мой врагъ ни хитростью, ни злобой,
Пока цѣпей не сниметъ. Пусть же Зевсъ
Испепелитъ меня огнями молній,
Обвѣтъ свѣгомъ бѣлокрылыхъ вьюгъ,
Разрушитъ міръ подземными громами, —
Не покорюсь, не назову того,
Кто власть отниметъ у него.

ГЕРМЕСЬ.

Опомнись!

Тебѣ упрямство не поможетъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Знаю.

Я все давно предвидѣлъ и рѣшилъ.

ГЕРМЕСЬ.

О, если бы хоть горе научить
Тебя могло разумному смиренью.

ПРОМЕТЕЙ.

Оставь меня, уйди. Ты думалъ, рабъ,
Что я смирюсь, испуганный угрозой,
Что буду я о милости взывать,
Съ мольбою къ Зевсу простирая руки,
Какъ женщина? Не быть тому вовѣкъ!

ГЕРМЕСЬ.

Я расточалъ слова мои напрасно:
Не слушаешь ни доводовъ ни просьбъ;
Какъ юный конь, уздой непокоренный,
Ты въ ярости кусаешь удила.
Упорство неразумное: повѣрь мнѣ,
Развѣтсѣ, какъ пыль, гордыня тѣхъ,
Кто слабъ умомъ, но сердцемъ смѣлъ и буенъ.
Не хочешь ты смириться,—такъ узнай,
Какой тебѣ готовить боги жребій:
Сначала Зевсъ въ осколки разобьетъ
Вершины скалъ небеснымъ громомъ. Въ бездну,
Сорвавшись съ нихъ, ты упадешь стремглавъ,
И въ нѣдрахъ горъ, въ объятіяхъ гранитныхъ
Задохнешься. Столѣтья протекутъ,
Пока ты вновь увидишь свѣтъ небесный.
Тогда тебя начнетъ терзать орелъ,
Крылатый песь Зевеса, ненасытный.
И, прилетая, будетъ каждый день
Онъ вырывать когтями клочья тѣла,
Незванный гость на пиршествѣ кровавомъ,
Питаясь черной печенью твоей.
До той поры не жди конца страданьямъ,

Пока другой не приметъ мукъ твоихъ
Страдалецъ-богъ и къ мертвымъ въ темный Тартаръ,
Во глубину Аида, не сойдетъ.
Мои слова—не тщетная угроза:
Зевесъ не лжетъ, и совершится воля
Всесильнаго. Подумай—говорю
Въ послѣдній разъ—не лучше ли покорность?

ХОРЪ.

Онъ правъ. Смири, смири, титанъ могучій,
Свой гордый духъ и богу покорись!
Послушайся совѣтовъ добрыхъ: стыдно
Упорствовать въ ошибкѣ мудрецу.

ПРОМЕТЕЙ.

Все, что молвилъ Гермесъ, я предвидѣлъ давно!
Но врагу отъ врага не позорно
Пасть въ открытой борьбѣ. Пусть же мечеть въ меня
Богъ снопами огней смертоносныхъ,
Пусть Эеиръ поколеблетъ раскатомъ громовъ,
Пусть такую онъ бурю подыметъ,
Что земля содрогнется на вѣчныхъ корняхъ,
Пусть, безумствуя, въ вихрѣ смѣшаетъ
Волны моря съ огнями небесныхъ свѣтилъ,
Увлечетъ въ глубину мое тѣло,
Въ преисподнюю сброситъ,—убить до конца
Онъ не можетъ меня: я безсмертенъ!

ГЕРМЕСЪ.

Это дикій бредъ безумца!
Развѣ могъ бы мужъ разумный
Не смирить въ такихъ страданьяхъ
Буйной гордости своей.
Дѣвы, полная учащемъ
И любовью, удалитесь,
Отойдите, чтобы сердца
Не потрясъ вамъ грохотъ тяжкій
Оглушительныхъ громовъ.

ХОРЪ.

Неужели совѣтъ исполнимъ:
Слушать больно. Сестры, сестры,
Не измѣнимъ, не покинемъ
Одинокаго страдальца,
Будемъ горе съ нимъ дѣлить,
И покажемъ, что измѣну
Ненавидимъ всей душой!

ГЕРМЕСЪ.

Если такъ, не забывайте
Вы предсказаннаго мною,
Не корите Олимпійца;
Вы избрали добровольно,
Вы предвидѣли бѣду.
Не внезапно, не коварно
Скоро будете, о, нимфы,
Вы уловлены сѣтями
Неминуемой судьбы.

ПРОМЕТЕЙ.

Исполняется слово Зевеса: земля
 Подъ мною трепещетъ.
Загудѣло раскатами эхо громовъ,
 Пламя молній сверкаетъ...
Закружилася вихрями черная пыль...
 Налетѣли и сшиблись
Всѣ противные вѣтры. Смѣшались въ борьбѣ
 Волны моря и воздухъ.
Узнаю тебя, Зевсы! чтобъ меня ужаснуть,
 Ты воздвигъ эту бурю.
О, Земля, моя мать! о, небесный Эфиръ,
 Свѣтъ единый, всеобщій!
Посмотрите, какія страданья терплю
 Я отъ бога—невинный!
(Скала съ Прометеемъ обрушивается въ бездну.)

СОФОКЛЪ.

—

ЭДИПЪ-ЦАРЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Эдипъ.
Жрецъ.
Креонъ.
Хоръ старцевъ.
Тирезій.
Іокаста.
Вѣстникъ.
Пастухъ.
Слуга.

Мѣсто дѣйствія: передъ царскимъ дворцомъ въ Тебахъ.

ЭДИПЪ.

О, дѣти, Кадма древняго питомцы,
Зачѣмъ вы такъ стоите предо мной,
Унылые, молящiе — съ вѣтвями?
Весь городъ полонъ дымомъ ѳиміама,
Повсюду вопль и похоронный плачь.
Я къ вамъ иду, возлюбленная дѣти!
Хочу про все узнать изъ вашихъ устъ —
Я тотъ, кого зовутъ Эдипомъ славнымъ.
Скажи мнѣ, старецъ, — говорить пристойно
Тебѣ за всѣхъ, — скажи, зачѣмъ пришелъ
Сюда народъ? Боится, иль желаетъ
Чего-нибудь? На помощь къ вамъ спѣшу:
Имѣлъ бы я безжалостное сердце,
Когда бъ не внялъ такой мольбѣ!

ЖРЕЦЪ.

Эдипъ,
О, царь моей отчизны, — видишь, — всѣ мы
Сидимъ, обнявъ подножье алтарей.
Вотъ — слабое дитя, — вотъ старый жрецъ,
Подъ тяжестью годовъ согбенный, отрокъ
Во цвѣтѣ юности, и весь народъ,
Священными вѣтвями осѣненный
Недвижимый на стогнахъ городскихъ,
Вкругъ алтарей пророческихъ Исмена
И предъ двойнымъ святилищемъ Паллады.
Уже главы поднять не можетъ городъ,
Потопленный кровавою волной:

Стада въ поляхъ тоскуютъ, гибнетъ сѣмя
Плодовъ земныхъ, и дѣти умираютъ
Во чревѣ женъ. Проклятая богиня
Пылающая Язва Моровая
Свирѣпствуетъ и, наполняя Адъ
Стенаньями, опустошаетъ городъ.
Мы всѣ пришли сюда не потому,
Чтобы тебя считали равнымъ богу;
Но въ бѣдствіяхъ и испытаньяхъ, свыше
Ниспосланныхъ, ты—первый изъ людей.
Не даромъ же, придя въ обитель Кадма
Священную, ты уничтожилъ дань,
Что мы платили нѣкогда свирѣпой
Пророчицѣ. Безъ помощи людской
Лишь мудростью, дарованной богами,
Ты спасъ намъ жизнь. Такъ думаетъ народъ.
И нынѣ царь, изъ вѣхъ царей, сильнѣйшій,
Къ тебѣ съ мольбой взываетъ: «Заступись!
Скажи, Эдипъ, кто изъ боговъ, иль смертныхъ
Поможетъ намъ? Мы знаемъ, что совѣтъ
Испытанныхъ мужей приводитъ къ счастью.
Не медли же, о, лучшій изъ людей,
Возстанови нашъ городъ! Въ дни былые
Назвалъ тебя спасителемъ народъ:
О, будь же имъ опять, уже спасеннымъ
Тобою разъ—не дай погибнуть вновь.
Освободи отъ бѣдъ родную землю.
Чѣмъ прежде былъ, тѣмъ снова будь для насъ.
Иди, сверши свой подвигъ благодатный.
Не лучше ли народомъ управлять,
Чѣмъ властвовать въ пустой землѣ? Ничтоженъ
Корабль въ волнахъ, и башня крѣпостная,
Лишенные живущихъ въ нихъ людей».

Эдипъ.

О, бѣдныя, возлюбленныя дѣти!
Все вѣдаю; не скрыто отъ меня,

Какая скорбь постигла насъ, и вѣрьте,
Что, какъ бы ни страдали вы,—межъ вами
Нѣтъ никого, чья скорбь равна моей,
Затѣмъ, что каждый за себя страдаетъ,
А я—за всѣхъ, за городъ и себя.
Не спящаго меня вы пробудили—
Нѣтъ, ужъ давно я плачу и скорблю,
И многими путями я блуждаю,
Найти исходъ пытаюсь. Есть одно
Спасеніе: обдумавъ все, прибѣгнуть
Я долженъ былъ къ нему: во храмъ Пивейскій
Креонъ мной посланъ, братъ моей жены,
Да спросить Менойковъ сынъ у бога,
Какимъ дѣяньемъ, жертвой иль обѣтомъ
Мнѣ мой народъ отъ гибели спасти.
Онъ долѣе положеннаго срока
Отсутствуетъ. Считая день за днемъ,
Въ тревогѣ жду. Когда жъ придетъ съ отвѣтомъ,
Пускай меня преступнымъ назовутъ,
Коль не свершу я всѣхъ велѣній бога.

ЖРЕЦЪ

Царь, во-время о немъ ты вспомнилъ: здѣсь—
Креонъ. Его приходъ мнѣ возвѣстили.

(Креонъ появляется вдали.)

ЭДИПЪ.

Какъ свѣтель ликъ его! Дельфійскій богъ,
Да будетъ вѣсть твоя такой же свѣтлой!

ЖРЕЦЪ

Должно-быть, вѣсть отрадная,—смотри—
Креона лавръ вѣнчаетъ плодоносный.

ЭДИПЪ.

Узнаемъ все: онъ слышитъ голосъ нашъ.
О, братъ моей супруги, сынъ Менойка,
Какую вѣсть отъ бога ты принесъ?

КРЕОНЪ.

Счастливую, затѣмъ, что даже скорбь
Я назову счастливой, если къ благу
Ведеть она.

ЭДИПЪ.

Мы внемлемъ. Объясни,
Что значить рѣчь твоя. Еще не знаю,—
Надѣяться бояться ли.

КРЕОНЪ.

Ты хочешь,
Чтобъ говорилъ я здѣсь, передъ народомъ,
Иль во дворцѣ, наединѣ съ тобой?

ЭДИПЪ.

Здѣсь говори, при всѣхъ. За нихъ, о, братъ мой,
Я болѣе скорблю, чѣмъ за себя.

КРЕОНЪ.

Открою все, что слышаль я отъ бога:
Владыка Фебъ повелѣваетъ намъ
Очиститься отъ древняго проклятья,
Чтобъ нами же питаемое зло
Не сдѣлалось навѣкъ неизлѣчимымъ.

ЭДИПЪ.

Очиститься? Но чѣмъ? Какое зло?

КРЕОНЪ.

Убийцу мы должны изгнать, иль смертью
Смерть искупить невиннаго, чья кровь
Проклятіемъ нашъ городъ осквернила.

ЭДИПЪ.

Но кто злодѣй, избличенный богомъ?

КРЕОНЪ.

Ты слышалъ ли, что Лайось былъ царемъ
До твоего прихода?

ЭДИПЪ.

Слышалъ, братъ мой,
Но самъ его не видѣлъ никогда.

КРЕОНЪ.

Онъ жертвой палъ злодѣевъ: нынѣ Фебъ
Повелѣваетъ отомстить убійцамъ.

ЭДИПЪ.

Кто вѣдаетъ, въ какой они странѣ?
Кто слѣды найдетъ столь древняго злодѣйства?

КРЕОНЪ.

Фебъ говоритъ, что здѣсь они, межъ насъ,
Въ родной землѣ: не знаетъ, кто не ищетъ,
А ищущій находитъ.

ЭДИПЪ.

Отвѣчай,

Гдѣ Лайось былъ убитъ: въ своемъ ли домѣ,
Иль гдѣ-нибудь за городомъ, въ поляхъ,
Или въ чужой землѣ?

КРЕОНЪ.

Во храмъ Дельфійскій
Онъ путь держалъ и, говоря, съ тѣхъ поръ
Ужъ никогда домой не возвращался.

ЭДИПЪ.

Но, можетъ-быть, отъ спутниковъ царя
Отъ слугъ его мы что-нибудь узнаемъ?

КРЕОНЪ.

Нѣтъ, всѣ погибли, кромѣ одного,
Успѣвшаго бѣжать. О злодѣяньи
Немноего онъ разсказалъ намъ.

ЭДИПЪ.

Что?

Довольно будетъ намъ слѣдовъ немногихъ,
Чтобъ все открыть. Но только бы, друзья,
Была у насъ хоть слабая надежда.

КРЕОНЪ.

Онъ говоритъ, что Лайось не однимъ
Злодѣемъ былъ убитъ, а цѣлой щайкой
Разбойниковъ.

ЭДИПЪ.

Безъ подкупа, едва ли
Разбойники отважиться могли
Свершить такое дерзкое убійство.

КРЕОНЪ.

Такъ думали и мы. Но въ скорби новой
О мщениі забыли.

ЭДИПЪ.

О, Креонъ,

Изобличить такое злодѣянье
Какая скорбь могла вамъ помѣшать?

КРЕОНЪ

Лукавый Сфинксъ, грозя несчастьемъ близкимъ,
Далекое принудилъ позабыть.

ЭДИПЪ.

Но долгъ мой нынѣ—обличить виновныхъ.
И Пирюи достойно, и тебѣ,
Что вспомнили вы о царѣ убитомъ.

Чтобъ отомстить за городъ и боговъ,
И я въ союзъ вступаю съ вами. Вѣрьте,
Что возстаю на месть не за другихъ,
А за себя: кто Лайоса убилъ,
Тотъ, можетъ-быть, поднять посмѣетъ руку
И на меня. Такъ собственную жизнь
Я охраню, изблотивъ злодѣя.
Вставайте же, о, граждане, скорѣй,
Просительныя вѣтви покидая.
Пусть кто-нибудь на площадь соберетъ
Кадмеянь. Дѣти! съ помощью боговъ
Спасу народъ, иль вмѣстѣ съ нимъ погибну.

ЖРЕЦЪ.

Идемте же, о, граждане. Эдипъ
Исполнить то, о чемъ его мы просимъ.
Да будетъ Фебъ, пророческую вѣсть
Пославшій намъ, спасителемъ народа.

ХОРЪ.

Строфа первая.

Слово боговъ изъ Пнейскаго храма, обильнаго
Золотомъ, къ намъ прилетѣло ты, сладко поющее,
Въ городъ нашъ царственный.
Фебъ, предъ тобой, о, владыка божественный Делоса,
Мы содрогаемся.
Въ страхѣ вѣчномъ мы не знаемъ,
Что намъ каждый часъ готовить,
Или дней, бѣгущихъ мѣрно,
Возвращающійся кругъ.
Ты мнѣ повѣдай о томъ, о, дитя золотое Надежды,
Слово боговъ амброзійное!

Антистрофа первая.

Къ первой къ тебѣ мы зываемъ, Аѳина безсмертная,
Зевсова дочь, и къ тебѣ, Артемида, Защитница
Нашею города,

Въ шумномъ собраньи народа, на кругломъ блистающемъ

Тронѣ сидящая!

Также къ Фебу съ лукомъ звонкимъ,

Дальномечущимъ,—всѣ трое

Вы придите къ намъ, о, боги,

Исцѣляющіе скорбь!

Ибо спасли уже разъ вы отъ страшнаго бѣдствія городъ:

Сжальтесь и нынѣ, бессмертные!

Строфа вторая.

Не уйти никуда отъ несчетныхъ скорбей.

Ходить всюду болѣзнь, люди въ страхѣ нѣмомъ,

О спасеньи не думая, гибнуть

Благодатныхъ плодовъ не приноситъ земля,

Жены въ мукахъ кричатъ и не могутъ родить.

И, неудержимѣе

Вспыхнувшаго пламени,

Тѣни умирающихъ,

Словно легкокрылыя

Птицы, устремляются

Къ Западному Берегу,

Въ царство вѣчной Тьмы.

Антистрофа вторая.

Нѣтъ могиламъ числа, и гніютъ по землѣ

Груды жалкихъ, никѣмъ не оплаканныхъ тѣлъ.

И рыдаютъ, и бьются о камни

Посѣдѣвшія матери, жены—съ мольбой,

Предъ нѣмымъ алтаремъ безпощадныхъ боговъ

Раздаются мрачныя

Пѣсни похоронныя,

Звуки гимновъ жалобныхъ.

Ты приди, помилуй насъ,

Защити отъ гибели,

О, Тучегонителя

Золотая дочь!

Строфа третья.

Страшнаго бога Повѣтрія,
Бога Арея—безъ мѣднаго
Шлема, меча и брони,
Но съ пожирающимъ пламенемъ,
Съ воплемъ на жертвы сходящаго,
Ты прогони далеко:
Или на ложе великое
Въ домъ Амфитриты лазуревой.
Или на мрачныя
Скалы Эракійскія
Скорбь, зачавшуюся ночью,
День нерадостный кончаетъ.—
Зевсъ-Отець, владыка молній,
Благодатными громами
Бога смерти опали!

Антистрофа третья.

Гдѣ твои стрѣлы-защитницы,
Неодолимо-разящія,
Громъ тетивы золотой,
Лукъ, твоей силой натянутый;
Гдѣ ты, богъ Солнца прекраснаго?
Гдѣ Артемиды, въ горахъ
Ночью блуждающей,
Свѣточки яркіе?
Эвій-Вакхъ златовѣнчаный,
Другъ неистовыхъ вакханокъ,
Богъ вина румянолицый,
Ты огнемъ своихъ веселій
Бога Смерти опали!

Эдипъ.

О, граждане! молитву вашу боги
Услышали. Исполнивъ мой совѣтъ,
Вы можете избавиться отъ бѣдствій.

Я говорю, еще не зная тѣхъ,
Кѣмъ царь убить, и угадать не въ силахъ
Пиѳейскаго вѣлѣнья тайный смыслъ.
Мы ни одной улики не имѣемъ,
Ни одного свидѣтеля; но васъ
Я, позже всѣхъ пришедшій гражданинъ,
О, граждане, на помощь призываю:
Не знаетъ ли межъ вами кто-нибудь,
Кѣмъ Лайось-царь убить былъ, сынъ Лабдаковъ?
Кто вѣдаетъ, пусть говоритъ безстрашно:
Коль даже самъ себя онъ обличить,
Его изъ Оивъ мы удалимъ безвредно,
И большаго онъ не потерпитъ зла.
А если кровь пролита чужестранцемъ,
Кадмеяне, не должно вамъ молчать:
Свидѣтели получаютъ и награду,
И нашу милость царскую. Но тѣхъ,
Кто, зная все, укроетъ злодѣянье,
За друга ли боясь, иль за себя,—
Внемлите всѣ,—какая ждетъ ихъ кара.
Я, господинъ и царь, повелѣваю:
Кто бъ ни были свершившіе убійство,—
Никто подъ кровь свой да не приметъ ихъ,
Къ моленіямъ и жертвамъ не допустить,
Привѣтствовать ихъ словомъ не дерзнетъ,
Не окропить водою очищенья.
Да выгонять, какъ прокаженныхъ псовъ,
Съ порога ихъ, молящихъ о пріютѣ.
Такъ совершимъ мы повелѣнье бога
И Пиѳеи священной, и царю
Убитому союзниками будемъ.
Одинъ ли онъ убійство совершилъ,
Со многими ль участниками, боги,
Да будетъ вами проклятъ онъ вовѣкъ,
Чтобъ жизнь его въ мученьяхъ угасала!
И если бъ былъ онъ мой любимый другъ,
И я въ своемъ дому его укрылъ бы,—

То проклялъ бы я самого себя,
Какъ нынѣ я злодѣя проклинаю.
Исполните все это для меня
И для земли, бесплодѣемъ пораженной,
И для боговъ, затѣмъ, что если бь даже
Мы воли ихъ не вѣдали, и то
Оставить бы нельзя неотомщенной
Смерть добраго и славнаго царя:
Я — Лайоса убитаго наслѣдникъ,
Я принялъ скиптръ державный отъ него,
Я раздѣлилъ съ его супругой ложе,
И если бы умершій былъ отцомъ,
Дѣтей его назвалъ бы я своимъ.
Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ, какая смерть
Невиннаго постигла, онъ мнѣ дорогъ,
Какъ собственный отецъ. И я найду
Преступнаго убійцу Лабдакида
И отомщу за царственную кровь,
За древняго потомка Полидора,
Агѣнора и Кадма. Горе тѣмъ,
Кто воли нашей не исполнить: боги
Да не пошлютъ ему плодовъ земли,
Жена ему дѣтей да не рождаетъ,
Да поразить его тотъ злой недугъ
Который насъ постигъ, или страшнѣйшій!
Но тѣхъ изъ васъ, Кадмеяне, кто чтить
Слова мои и въ сердце ихъ приѣмлетъ,
Да сохранятъ безсмертные на вѣкъ,
Да будетъ имъ союзницею Дикэ!

ХОРЪ.

Ты говорить насъ заклинаешь, царь?..
Не мы убили; кто — не знаемъ. Должно
Пророчицѣ Дельфійской обличить
Виновнаго.

ЭДИПЪ.

Ты правъ, но человекъ
Не можетъ тайны у боговъ исторгнуть
Насильно.

ХОРЪ.

Вотъ о чемъ еще тебѣ
Напомнить мы хотѣли.

ЭДИПЪ.

Говорите.

ХОРЪ.

Предсказываетъ будущее мудрый.
Тирезій-царь, подобно Фебу: все,
О чемъ его мы просимъ, онъ откроетъ.

ЭДИПЪ.

Ужъ я давно исполнилъ вашъ совѣтъ:
Двухъ вѣстниковъ послалъ къ нему, не медля,
Дельфійское пророчество узнавъ.
Дивлюсь, что царь Тирезій не приходитъ.

ХОРЪ.

Такъ, значить, былъ обманчивъ прежній слухъ.

ЭДИПЪ.

Скажи, какой? Я знать хочу про все.

ХОРЪ.

Царь, въ старину мы слышали, что Лайось
Былъ путниками встрѣчными убитъ.

ЭДИПЪ.

И я слыхалъ, но не могу найти
Ни одного свидѣтеля убійства.

ХОРЪ.

Но если страхъ душѣ его доступенъ,
Онъ болѣе скриваться не дерзнетъ,
Испуганный твоей великой клятвой.

ЭДИПЪ.

Кто свершить отважился дѣянье
Преступное, не побоятся клятвъ.

ХОРЪ.

Изобличить виновнаго Тирезій, —
Сюда ведутъ святого старика.
Такимъ, какъ онъ, не обладаетъ знаньемъ
Никто изъ всѣхъ живущихъ на землѣ.

(Тирезій входитъ).

ЭДИПЪ.

Тирезій-царь! хотя ты слѣпъ, но видишь,
Всезнающій, и небо надъ собой,
И дольний міръ, и тайны Олимпійцевъ.
Ты вѣдаешь, какой недугъ въ Кадмеѣ
Свирѣпствуетъ. Съ молениями къ тебѣ,
Единственный защитникъ, прибѣгаемъ.
Слыхалъ ли ты отъ вѣстниковъ, что богъ
Намъ вѣрное спасенье обѣщаетъ,
Коль Лайоса убійца, изобличивъ;
На вѣчное изгнанье мы осудимъ,
Иль умертвимъ. Друзьямъ своимъ, пророкъ,
Не откажи въ совѣтахъ и гаданьяхъ,
Спаси Эдипа, городъ и себя!
Полезнымъ быть другимъ, насколько можешь, —
Прекраснѣйшій изъ всѣхъ людскихъ трудовъ.

ТИРЕЗІЙ.

Увы! Увы! Какъ тягостно предвидѣть,
Когда нельзя предвидѣньемъ помочь, —
Объ этомъ зналъ и я, но забылъ, иначе
На горе всѣмъ я бъ не пришелъ сюда.

ЭДИПЪ.

Что, что съ тобой? Какую скорбь я вижу
Въ твоихъ чертахъ!..

ТИРЕЗІЙ.

Пусти меня домой.
Повѣрь, Эдипъ, что это будетъ лучше
И для меня, и для тебя.

ЭДИПЪ.

О, другъ,
Неправое, недоброе ты молвилъ.
Коль родину, вскормившую тебя,
Спасительнаго слова ты лишаешь.

ТИРЕЗІЙ.

И за себя боюсь, и ты, Эдипъ,
На голову свою бѣду накличешь.

ЭДИПЪ.

Скорѣй! скорѣй! Пророчествъ не таи!
Мы именемъ безсмертныхъ заклинаемъ
И молимъ всѣ, припавъ къ твоимъ ногамъ!
Старцы Хора преклоняются и обнимаютъ ноги Тирезіа).

ТИРЕЗІЙ.

Не вѣдаютъ, о чемъ, безумцы, молятъ.
Чтобъ и тебя, владыка, и себя
Не погубить, я тайны не открою.

ЭДИПЪ.

Какъ? Зная все, ты хочешь утаить,
Предать меня и погубить отчизну?

ТИРЕЗІЙ.

Не сдѣлаю несчастными, о, царь,
Обоихъ насъ. Не трать же словъ: насильно
Ты не заставишь говорить меня.

ЭДИПЪ.

О, злой старикъ! — и каменное сердце
Довель бы ты до бѣшенства, — ужель
Останешься ты глухъ, не молвишь слова?

ТИРЕЗИЙ.

Ты укорилъ меня, Эдипъ, но знай —
Есть многое достойное укора
Въ тебѣ самомъ.

ЭДИПЪ.

Безъ гнѣва не могу
Я слушать тѣхъ, кто оскорбляетъ городъ.

ТИРЕЗИЙ.

Поможетъ ли молчанье? Все равно,
Исполнится назначенное рокомъ.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ же ты молчишь? скажи мнѣ все.

ТИРЕЗИЙ.

Не вымолвлю не слова больше. Можешь
Ты предаваться ярости слѣпой

ЭДИПЪ.

Но ярости предавшись все открою,
Что думаю: ты самъ — убійца, самъ...
Старикъ, ты былъ сообщникомъ злодѣевъ,
Хотя убить онъ не твоей рукой.
И если бъ дряхлъ и слѣпъ ты не былъ, то тебя.
Назвалъ бы я единственнымъ убійцей!

ТИРЕЗИЙ.

Ты думаешь?.. Заставлю же тебя
Я приговоръ твой собственный исполнить:
Бѣги отъ насъ, не говори ни съ кѣмъ, —
Ты кровью землю осквернилъ, ты — проклятъ!

ЭДИПЪ.

Оклеветавъ меня съ такимъ безстыдствомъ,
Ужели ты надѣешься спастись?..

ТИРЕЗІЙ.

Да, я спасусь, хранимый силой правды!

ЭДИПЪ.

Кто лгать тебя заставилъ? Ужъ не боги ль?

ТИРЕЗІЙ.

Ты самъ меня заставилъ говорить.

ЭДИПЪ.

Понять хочу я, — повтори...

ТИРЕЗІЙ.

Ты поняль,
Но только хочешь испытать меня.

ЭДИПЪ.

Слова твои неясны: повтори.

ТИРЕЗІЙ.

Ты тотъ, кого мы ищемъ, ты — убійца.

ЭДИПЪ.

На этотъ разъ заслуженную казнь
За клевету безстыдную ты примешь!

ТИРЕЗІЙ.

Царь, берегись, — я то тебѣ скажу,
Что гнѣваться сще сильнѣй заставить...

ЭДИПЪ.

Ты можешь все, что хочешь, говорить;
Но только знай: слова твои безсильны.

ТИРЕЗІЙ.

Такъ слушай же: постыднѣйшая связь
Тебя, Эдипъ, соединяетъ съ тѣми,
Кого бы чтить ты долженъ больше всѣхъ, —
И своего позора ты не видишь.

ЭДИПЪ.

Иль казнь тебя, безумецъ не страшитъ?

ТИРЕЗІЙ.

Нѣтъ, — если только есть у правды сила.

ЭДИПЪ.

Повѣрь, она — не для такихъ, какъ ты —
Неслышащихъ, незрячихъ, неразумныхъ.

ТИРЕЗІЙ.

Несчастный! Въ чемъ меня ты укорилъ,
То самому тебѣ укоромъ будетъ.

ЭДИПЪ.

Какъ можетъ тѣмъ, кто видитъ, повредить
Слѣпецъ объятый вѣчной тьмою?

ТИРЕЗІЙ.

Знай же:

Не я, а Рокъ тебя накажетъ. Фебъ
Исполнить все, назначенное Мойрой.

ЭДИПЪ.

Ты иль Креонъ придумалъ эту ложь?

ТИРЕЗІЙ.

Ни онъ, ни я — ты самъ себя погубишь.

ЭДИПЪ.

О, мудрость, слава многотрудной жизни,
Сокровища и царственный вѣнецъ,

Безмѣрную внушаете вы зависть!
Креонъ, Креонъ, мой старый, лучший другъ
Предательски меня низвергнуть хочетъ,
Похитивъ скиптръ мой: не искалъ его,
Но принялъ я отъ васъ, какъ даръ свободный.
Чтобъ замыселъ исполнить, онъ избралъ,
Сообщникомъ злодѣйства лже-пророка,
Волшебника, презрѣннаго лгуна!
Корысть одну Тирезій видитъ ясно,
Въ гаданьяхъ же онъ слѣпъ.—Скажи, старикъ,
Когда твои не лгали предсказанья?
Иль, можетъ-быть, ты гражданахъ этихъ спасъ
Тогда, какъ Сфинксъ, съ таинственною рѣчью
Чудовище грозило имъ. Въ тѣ дни
Въ гадалеяхъ они нуждались мудрыхъ.
Зачѣмъ же ты безмолвствовалъ? Ни Фебъ,
Ни знаменья, ни вѣщія примѣты
Не помогли тебѣ. Но я пришелъ,
И ничего не зная,—не мольбами,
Не жалкими пророчествами, нѣтъ,—
Лишь разумомъ Эдипъ молчать заставилъ
Чудовище, всѣ тайны обличивъ.
И вотъ, теперь, задумали съ Креономъ,
Похитивъ власть, вы удалить меня,
Какъ изверга, что оскверняетъ землю.
Смотрите же, чтобъ не пришлось вамъ горько
Раскаяться. Когда бы не щадилъ
Я немощи твоей, за эти рѣчи
Ты заплатилъ бы дорого, старикъ!

КОРЪ.

Намъ кажется вы гнѣваетесь оба,
Эдипъ и ты, гадалецъ: а межъ тѣмъ,
Какъ совершить Пивѣйское велѣнье,
Въ спокойствіи обдумать мы должны,

ТИРЕЗІЙ.

Хотя ты—царь, но я имѣю право
Отвѣтствовать, какъ равный, и царямъ.
Я не тебя послушаюсь, но бога
Дельфійскаго. Не назоветъ никто
Тирезія наперсникомъ Креона
Смѣешься ты надъ слѣпотой моей,
И собственныхъ злодѣйствъ не видишь, зрячій:
Не видишь ты, ни съ кѣмъ живешь, ни гдѣ;
Кто твой отецъ, кто мать твоя—не знаешь;
Не чувствуешь, что врагъ ты всѣмъ роднымъ,
И на землѣ и подъ землею живущимъ.
Но за отца, за мать твою, Эдипъ,
Съ двуострою сѣкирой, тяжкимъ шагомъ,
Войдетъ, войдетъ Проклятіе въ твой домъ,
И будешь ты, какъ я, слѣпцомъ, о зрячій!
Изгнанникомъ, объатымъ вѣчной тьмой!
И нѣтъ такихъ высотъ на Кноэронѣ,
Ущелья нѣтъ на берегу морскомъ,
Гдѣ эхо горъ на вопль твой не отвѣтитъ,
Когда узнаешь, съ кѣмъ вступилъ ты въ бракъ,
Когда поймешь, въ какой пріютъ отъ бури
Укрылся ты, блуждающій пловецъ.
Еще другихъ не вѣдаешь страданій
Безчисленныхъ, которыя тебя,
Или дѣтей твоихъ должны постигнуть.—
Вотъ я сказала.—Креона обвиняй,
Иль поноси меня, но только помни:
Отъ большаго страданья, чѣмъ твое,
Еще никто не погибалъ изъ смертныхъ.

ЭДИПЪ.

Доколь терпѣть я долженъ эти рѣчи
Безстыдныя? Бѣги, бѣги, старикъ,
Прочь съ глазъ моихъ, чтобъ никогда отнынѣ
Я твоего лица не видѣлъ,—прочь!

ТИРЕЗІЙ

Я бѣ не пришелъ когда бѣ меня не звали.

ЭДИПЪ.

Когда бы зналъ, что будешь, какъ безумный,
Ты говорить, не звалъ бы я тебя.

ТИРЕЗІЙ.

Для сына я безумный, но отцу
И матери твоимъ казался мудрымъ.

ЭДИПЪ.

Отецъ и мать!.. Что говоришь?.. Постой...
Не уходи. Ты знаешь ихъ?..

ТИРЕЗІЙ.

Я знаю,
Но если ты узнаешь, то умрешь.

ЭДИПЪ.

Слова твои загадочны.

ТИРЕЗІЙ.

Умѣешь .
Ты хитря загадки разрѣшать.

ЭДИПЪ.

Надъ счастьемъ ли Эдипа ты смѣешься?

ТИРЕЗІЙ.

То счастье тебя погубить.

ЭДИПЪ.

Пусть
Я за народъ, спасенный мной, погибну!

ТИРЕЗІЙ.

Пора!

(*Мальчику-проводнику.*)

Дай руку мнѣ, дитя; пойдѣмъ.

ЭДИПЪ.

Да, тягостно присутствіе твое.

Иди же прочь и не смущай мнѣ сердца!

ТИРЕЗІЙ.

Но не уйду я, не сказавъ того,

Зачѣмъ меня призвали. Ты не можешь

Мнѣ сдѣлать зла. Я не боюсь тебя. —

Смотрите, вотъ кого давно мы ищемъ,

Вотъ Лайоса убійца. — Говорятъ,

Что онъ — пришлецъ, но Эивы не на радость

Отчизною онъ скоро назоветъ.

Изъ богача онъ сдѣлается нищимъ,

Изъ зрячаго — слѣпымъ и въ чуждый край,

На страннической посохъ опираясь,

Безпомощнымъ изгнанникомъ поидетъ;

Для собственныхъ дѣтей отцомъ и братомъ

Для матери онъ будетъ мужъ и сынъ,

Кровосмѣсителемъ, отцеубійцей.

Теперь ступай, подумай обо всемъ...

Коль то, что я предрекъ, не совершится,

Тирезія ты назови лжецомъ.

ХОРЪ.

Строфа первая.

Кто пророческимъ голосомъ

Изъ Дельфійской пещеры

Обличень? Кто изъ насъ

Совершилъ несказанное

Злодѣянье? Спасайся!

Часъ возмездья пришелъ.

Прочь бѣги ты стремительнѣй
Обгоняющихъ вѣтеръ,
Быстроногихъ коней!
А не то на тебя Діа вѣчнаго сынъ,
Громоносный, съ мечомъ и огнемъ, нападетъ,
Кѣры страшной толпой побѣгутъ по пятамъ—
Неминуемья!

Антистрофа первая.

Отъ Парнасса, блестящаго
Бѣлымъ снѣгомъ, примчалось
Къ намъ велѣнье боговъ,
Чтобъ нашли мы виновнаго;
Укрывается въ дѣбряхъ
Отъ боговъ и людей,
И какъ волъ заблудившійся
Одичалый, онъ бродитъ
По горамъ, по лѣсамъ.

Но не можетъ спастись отъ пророческихъ словъ,
Прилетѣвшихъ изъ Дельфы, средоточья Земли,
И, крылатая, всюду витаютъ надъ нимъ —
Вѣчно-мстительныя!

Строфа вторая.

Сердце, мудрый прорицатель,
Ты мнѣ ужасомъ наполнилъ:
Мы и вѣримъ, и не вѣримъ,
И не знаемъ, что сказать.
Мы блуждаемъ, какъ въ туманѣ
Не слыхалъ никто донинѣ,
Чтобъ могучій сынъ Полиба
Лабдакидамъ былъ врагомъ.

На кого же возстану я праведнымъ мстителемъ?
На Эдипа ли, всѣми любимаго?
Ничего мы не вѣдаемъ,
И свидѣтелей нѣтъ

Антистрофа вторая.

Только Зевсъ и богъ Дельфійскій
Полнымъ знаньемъ обладаютъ,
Видятъ всѣ дѣла людскія; —
Человѣку человѣкъ
Силой мудрости неравень.
Но не вѣрю, что гадатель,
Смертный, намъ во всемъ подобный,
Знаетъ больше насъ. Я жду.
Пусть убійць обличать, но спасителя города
Усмирившаго Дѣву Крылатую,
Я въ такомъ злодѣянїи
Обвинить не могу!

КРЕОНЪ.

О граждане! я къ вамъ пришелъ, узнавъ,
Что царь меня въ измѣнѣ обвиняетъ.
Не потерплю, чтобъ мой вѣрнѣйшій другъ
Подумать могъ, что словомъ или дѣломъ
Креонъ вредитъ ему въ несчастїи. Нѣтъ,
Не вынесу столь тяжкаго укора:
Мнѣ умереть отраднѣе, чѣмъ знать,
Что обвиненъ я городомъ въ злодѣйствѣ —
И лучшими друзьями, и тобой!

ХОРЪ.

Но, можетъ-быть, не разумъ эти мысли
Внушилъ царю, а мимолетный гнѣвъ?

КРЕОНЪ.

Какъ могъ Эдипъ подумать, что пророка
Я научилъ тому, что онъ сказалъ?

ХОРЪ.

Я это слышалъ; какъ понять — не знаю.

КРЕОНЪ.

Но здоровымъ ли умомъ онъ обладалъ.
Такихъ друзей, какъ я, подозрѣвая?

ХОРЪ.

Не вѣдаю; я не сужу царей
А вотъ и самъ онъ изъ дворца выходитъ.

ЭДИПЪ.

Что вижу я? Креонъ — цареубійца —
Въ моемъ дому? Иль намъ смотрѣть въ глаза
Посмѣешь ты, грабитель нашей власти?
Поди сюда, скажи мнѣ, дерзкій воръ,
Глупцомъ меня считаешь или трусомъ.
Ты думаешь, что не замѣтилъ я,
Какъ ты змѣей подползъ ко мнѣ, предатель?
Нѣтъ! слѣпъ ты самъ, коль ищешь безъ друзей,
Безъ помощи народа высшей власти —
Того, чѣмъ можно только овладѣть
Иль золотомъ, иль силою народной

КРЕОНЪ.

Царь, поступи разумно: мой отвѣтъ
Ты выслушай, потомъ суди.

ЭДИПЪ.

Я знаю.

Искусно ты умѣешь говорить.
Но что могу я отъ тебя услышать —
Отъ злѣйшаго изъ всѣхъ моихъ враговъ!

КРЕОНЪ.

Узнаешь все, когда меня услышишь.

ЭДИПЪ.

Узнать могу одно, что ты — злодѣй!

КРЕОНЪ.

Ты думаешь напрасно, что ко благу
Немудрое упорство приведетъ.

ЭДИПЪ.

Ты думаешь напрасно, что отъ казни
Спасешься ты, похитивъ мой престольъ.

КРЕОНЪ.

Я возражать не буду. Только въ чемъ же
Передъ тобой вина моя, снажи?

ЭДИПЪ.

Не ты ли далъ совѣтъ за этимъ мудрымъ
И праведнымъ гадателемъ послать?

КРЕОНЪ.

Я повторилъ бы мой совѣтъ и нынѣ.

ЭДИПЪ.

А сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Лайосъ...

КРЕОНЪ.

Докончи же. Что хочешь ты сказать?

ЭДИПЪ.

Паль отъ руки невѣдомыхъ злодѣевъ?

КРЕОНЪ.

Ужъ многіе съ тѣхъ поръ промчались годы.

ЭДИПЪ.

Гадателемъ Тирезій былъ въ тѣ дни?

КРЕОНЪ.

Какъ и теперь, прославленнымъ и мудрымъ.

ЭДИПЪ.

По имени онъ называлъ меня?

КРЕОНЪ.

Чтобъ говорилъ онъ о тебѣ, не помню.

ЭДИПЪ.

Пытались ли убійцу вы найти?

КРЕОНЪ

О, да, но всѣ попытки были тщетны.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ пророкъ вамъ тайны не открылъ?

КРЕОНЪ.

Молчать позволю о томъ, чего не знаю.

ЭДИПЪ

Но хоть одно ты долженъ знать, Креонъ.

КРЕОНЪ.

Что? Говори, я ничего не скрою.

ЭДИПЪ.

Коль не былъ бы ты въ заговорѣ съ нимъ,
Не смѣлъ бы онъ назвать меня убійцей.

КРЕОНЪ.

Ты слышалъ то, что онъ сказалъ. Теперь
Позволь и мнѣ тебя спросить.

ЭДИПЪ.

Отвѣчу

Тебѣ на все; въ убійствѣ ты меня
Не обличишь.

КРЕОНЪ.

Скажи, Эдипъ, ты — мужъ
Моей сестры?

ЭДИПЪ.

Я мужъ ея.

КРЕОНЪ.

И съ нею
Ты дѣлишь власть?

ЭДИПЪ.

Я исполняю всѣ
Ея желанья.

КРЕОНЪ.

Вамъ обоимъ равенъ
И я во всемъ?

ЭДИПЪ.

Гы равенъ намъ, Креонъ;
Вотъ почему сказать имѣю право,
Что предаешь ты лучшихъ изъ друзей.

КРЕОНЪ.

Подумавъ, царь, ты этого не скажешь.
Кто предпочель бы царственную власть,
Среди тревоги вѣчной и боязни,
Спокойствію при той же власти? Вѣрь,
Подобно всѣмъ, кто мудръ, желалъ бы лучше
Я дѣйствовать, какъ царь, чѣмъ быть царемъ:
Теперь всю власть приѣмлю, чуждый страха,
Я отъ тебя, а если бь самъ цариль,
То поступать наперекоръ желаньямъ
Пришлось бы мнѣ во многомъ. Неужели
Отраднѣе повелѣвать людьми,
Чѣмъ быть, какъ я, спокойнымъ и могучимъ?
Или глупецъ я, чтобъ отвергнуть то,
Что выгоду приносить мнѣ и славу?

Теперь любимъ я всѣми, всѣхъ люблю,
Просящіе тебя ко мнѣ приходятъ,
Нуждаются въ ходатайствѣ моемъ...
И это все презрѣтъ для царской власти?
Кто не совсѣмъ утратилъ здравый умъ,
Способенъ ли къ столь явному безумью? —
Не заключалъ союза я ни съ кѣмъ,
И самъ въ себѣ не помышлялъ я злого.
А если ты не вѣришь мнѣ, ступай
Въ Дельфійскій храмъ и тамъ узнаешь, такъ ли
Я передалъ тебѣ отвѣтъ боговъ;
И если въ томъ ты уличишь Креона,
Что онъ въ союзъ съ гадателемъ вступилъ,
Не только ты — и самъ я надъ собою
Произнесу мой смертный приговоръ.
Но ни одной улики не имѣя,
Не обвиняй. Кто справедливъ, злодѣемъ
Невиннаго не назоветъ. О, вѣрь —
Отвергнуть друга — все равно, что жизнь —
Сладчайшій даръ боговъ, отвергнуть. Время
Разсудить насъ: чтобъ сердце испытать
Правдивое, нужны бываютъ годы;
Чтобъ злыхъ вполне узнать, довольно дня.

ХОРЪ.

Эдишь! кто зла боится, долженъ мудрой
Такую рѣчь назвать. Ты знаешь самъ:
Нѣтъ мудрости въ поспѣшныхъ приговорахъ.

ЭДИПЪ.

Когда враги поспѣшно строятъ ковы,
И я спѣшу предотвратить ударъ.
Теряя время, я теряю силу;
Бездѣйствуя, я буду побѣжденъ.

КРЕОНЪ.

Но чѣмъ, Эдишь, грозишь ты мнѣ? Изгнаньемъ?

ЭДИПЪ.

Изгнаньемъ? Нѣтъ, ты обреченъ на смерть,

КРЕОНЪ.

Скажи сперва, за что казнишь?

ЭДИПЪ.

Быть-можетъ,

Ты вздумаешь велѣнью моему
Противиться?

КРЕОНЪ.

Я мудрости не вижу
Въ словахъ твоихъ.

ЭДИПЪ.

Что жъ? Каждый для себя
Да будетъ мудръ.

КРЕОНЪ.

И для другихъ...

ЭДИПЪ.

Злодѣевъ

Нельзя щадить.

КРЕОНЪ.

А если ты не правъ?

ЭДИПЪ.

Я все же царь твой!

КРЕОНЪ.

Царь, но не за тѣмъ,
Чтобъ дѣлать зло...

ЭДИПЪ.

О, граждане! внимайте...

КРЕОНЪ.

Надъ городомъ и я имѣю власть
Не ты одинъ...

ХОРЪ.

Умолкните, молю васъ!
Сюда идетъ Иокаста изъ дворца:
При ней, цари, вашъ гнѣвъ утихнуть долженъ.

(Входитъ Иокаста.)

ИОКАСТА.

Несчастные! Какой безумный споръ
Вы подняли въ столь тяжкую годину
Народныхъ бѣдъ? О, какъ не стыдно вамъ!?
Не во-время семейные раздоры
Вы начали. Креонъ! иди домой —
И ты мой царь, — чтобъ споръ ничтожный не былъ
Причиною великихъ золь.

КРЕОНЪ.

Сестра!

Эдипъ однимъ изъ двухъ мнѣ угрожаетъ:
Изгнаньемъ иль смертной казнью.

ЭДИПЪ.

Да.

Я уличилъ измѣнника Креона:
Онъ посягнуть хотѣлъ на жизнь мою.

КРЕОНЪ.

Пусть я умру, пусть счастья не увижу,
Коль въ чемъ-нибудь виновенъ предъ тобой.

ИОКАСТА.

О, вѣрь ему, богами заклинаю,
О, вѣрь, Эдипъ! и клятвъ не презирай,
И слезъ моихъ, и голоса народа!

ХОРЪ.

Строфа первая.

Будь разуменъ и благъ!
Умоляемъ тебя,
Пощади его, царь!

ЭДИПЪ.

Но чего вы хотите?

ХОРЪ.

Онъ и прежде былъ мудръ,
И теперь поклялся
Страшной клятвой боговъ.
Пощади его, царь!

ЭДИПЪ.

Ты знаешь ли, о чемъ ты просишь?

ХОРЪ.

Знаю все.

ЭДИПЪ.

Разумное желанье словомъ вырази.

ХОРЪ.

Друга вѣрнаго, страшной клятвою
Освященнаго, ты не долженъ, царь,
Безъ суда, уликъ, безъ свидѣтелей,
Обрекать на смерть, на безчестіе!

ЭДИПЪ.

Но чтобъ спасти его, должны вы, граждане,
Меня обречь на смерть и на безчестіе!

ХОРЪ.

Строфа вторая.

Нѣтъ! клянемся вѣчнымъ Солнцемъ,
Богомъ первымъ изъ боговъ.

Если мысль такую въ сердцѣ
Я питаль, то пусть погибну
Самой страшной смертью, проклять,
И богами, и людьми!

Но вѣдь душу мнѣ
Разрываетъ скорбь
О землѣ моей
Погибающей,
А теперь еще
Къ прежнимъ новая
Скорбь прибавилась, —
Къ моимъ бѣдамъ и ваши раздоры семейные.

Эдипъ.

Хотя бъ и мнѣ изгнаніе постыдное,
Иль даже смерть грозила, изгону его.
Не онъ, а вы меня мольбами тронули:
Пока я живъ, онъ будетъ ненавистенъ мнѣ!

Креонъ.

И уступивъ, ты все-таки безжалостенъ.
Но только что потухнетъ гнѣвъ, раскаешься:
Самимъ себѣ такіе люди тягостны.

Эдипъ.

Оставишь ли въ покоѣ насъ, уйдешь ли ты?

Креонъ.

Уйду, но, видишь, сострадаютъ граждане
Тобой, Эдипъ, неправедно гонимому.

Хоръ.

Антистрофа первая.

О, царица, зачѣмъ
Ты здѣсь медлишь? Скорѣй
Съ нимъ иди во дворецъ!

ІОКАСТА.

Что случилось? Скажите.

ХОРЪ.

Быль лишь споръ изъ-за словъ
И не ясныхъ уликъ.
Но и лживый укоръ
Слушать больно порой.

ІОКАСТА.

Другъ друга оба обвиняли?

ХОРЪ.

Да.

ІОКАСТА.

Молю,

Скажите все, что слышали вы, граждане.

ХОРЪ.

Безъ того уже душу скорбь томить
О землѣ моей погибающей;
Для чего еще вспоминать ихъ споръ:
Все, что сказано — да забудется!

ЭДИПЪ.

Хотя вы зла мнѣ сердцемъ не желаете,
Но, вижу, скоро отъ меня отступитесь.

ХОРЪ.

Антистрофа вторая.

Я не разъ, мой повелитель,
Говорилъ уже тебѣ,
Повторю и нынѣ: вѣрь мнѣ,
Быль бы слѣпъ я и безуменъ,
Если бъ въ день такой печали
Отступился отъ тебя.

Не забыль народъ,
Что отъ бѣдствія,
Столь же тяжкаго,
Спась ты вѣкогда
Землю милую.

Будь и нынѣ намъ
Избавителемъ:

Если можешь, приди и спаси погибающихъ!

ІОКАСТА.

Я именемъ безсмертныхъ умоляю —
Скажи, за что прогнѣвался ты, царь?

ЭДИПЪ.

Скажу (затѣмъ, что больше чту Иокасту,
Чѣмъ тѣ изъ васъ, кто побоялся ей
Отвѣтствовать). Я обличилъ Креона
Въ предательствѣ.

ІОКАСТА.

Но расскажи мнѣ все,
Чтобъ я могла понять причину ссоры.

ЭДИПЪ.

Онъ говоритъ, что я убилъ царя.

ІОКАСТА.

Съ чужихъ ли словъ, иль самъ онъ это видѣль?

ЭДИПЪ.

Коварнаго лжеца онъ подослалъ,
Гадателя, невиннымъ притворившись,
Какъ будто самъ не знаетъ ничего.

ІОКАСТА.

Прерви, мой другъ, ты рѣчь свою на время,
И выслушай, что я тебѣ скажу:

У смертныхъ нѣтъ пророческаго дара;
Тебѣ сейчасъ покажетъ мой примѣръ,
Какъ лживы всѣ гадатели. Царь Лайось,
Я не скажу отъ Феба самого,
Но отъ жрецовъ услышалъ предсказанье,
Что сыномъ, мной рожденнымъ отъ него.
Убитымъ быть ему судила Мойра.
И что жъ? Молва народная гласитъ,
Что между трехъ дорогъ, на перекресткѣ,
Онъ отъ руки разбойниковъ погибъ.
И не прошло трехъ дней съ рожденья сына,
Какъ, ноги царь связавъ ему, рабамъ
Велѣлъ дитя покинуть въ горныхъ дебряхъ.
Пророчества не совершили боги,
Сынъ не убилъ отца, и все равно,
Когда и какъ — но не рожденнымъ мною,
Чего онъ такъ боялся, — царь убить.
Вотъ каково предвидѣнiе мудрыхъ
Гадателей. Нѣтъ, вѣрить имъ нельзя:
Лжецы — они. Богъ и безъ нихъ сумѣетъ
Открыть все то, что людямъ должно знать.

ЭДИПЪ.

Какимъ душа смятеньемъ непонятнымъ
И ужасомъ отъ словъ твоихъ полна!

ИОКАСТА.

Какъ вздрогнулъ ты, какъ блѣденъ? что съ тобою.

ЭДИПЪ.

Сказала ты, что Лайось былъ убитъ
Тамъ, между трехъ дорогъ, на перекресткѣ?

ИОКАСТА.

Такъ до сихъ поръ гласитъ молва.

ЭДИПЪ.

Въ какой землѣ несчастіе свершилось?

ІОКАСТА.

Фокидою зовутъ ту землю: путь
Изъ Давніи тамъ сходится съ дорогой
Дельфійскою.

ЭДИПЪ.

И сколько лѣтъ прошло?

ІОКАСТА.

До твоего прихода незадолго
Узнали мы о гибели царя.

ЭДИПЪ.

О, что со мной вы дѣлаете, боги!

ІОКАСТА.

Зачѣмъ дрожишь? Чего боишься ты?

ЭДИПЪ.

Не спрашивай меня... Сперва скажи,
Каковъ былъ видъ царя и ростъ, и годы?

ІОКАСТА.

Онъ былъ высокъ, и волосы его
Недавнею бѣлѣли сѣдиною,
И на тебя онъ походилъ лицомъ.

ЭДИПЪ.

О, горе, горе! Самъ того не зная,
Я надъ собой проклятье произнесъ!..

ІОКАСТА.

Что говоришь? Когда тебѣ въ лицо
Смотрю, Эдипъ, мнѣ страшно!..

ЭДИПЪ.

О, царица!

Предчувствіемъ ужаснымъ я томимъ,
Что правъ слѣпецъ. Но погоди, скажи мнѣ
Одно еще—и ясно будетъ все.

ІОКАСТА.

Мнѣ страшно, царь, но все скажу, что знаю.

ЭДИПЪ.

Немногихъ ли имѣлъ онъ слугъ въ пути,
Иль цѣлую толпу оруженосцевъ,
По древнему обычаю царей?

ІОКАСТА.

Съ глашатаемъ всего ихъ было пять,
И для царя одна лишь колесница.

ЭДИПЪ.

Спасенья нѣтъ! Все ясно... Говори,
Кто вѣсть принесъ?

ІОКАСТА.

Единственный слуга,
Оставшійся въ живыхъ.

ЭДИПЪ.

Онъ здѣсь донинѣ,
Въ моемъ дворцѣ?

ІОКАСТА.

Здѣсь нѣтъ его давно.
Когда принесъ онъ вѣсть о смерти мужа
И услыхалъ, что будешь ты царемъ,—
Онъ умолилъ, руки моей коснувшись,
Чтобъ я ему позволила пасти
Стада въ поляхъ и пастбищахъ далекихъ,
Чтобъ Оивъ ему не видѣть никогда.

И отказать я не могла, затѣмъ
Что большей онъ награды былъ достоинъ.

ЭДИПЪ.

Нельзя ль его скорѣй призвать сюда?

ІОКАСТА.

Я призову. О чемъ его ты хочешь
Спросить, Эдипъ?

ЭДИПЪ.

Боюсь, боюсь, жена,
Что сказано здѣсь было слишкомъ много
О томъ, чему свидѣтель—онъ одинъ.

ІОКАСТА.

Онъ будетъ здѣсь. Но раздѣлить, мой царь,
Твою печаль ужель я недостойна?

ЭДИПЪ.

Исполню я мольбу твою затѣмъ,
Что больше всѣхъ другихъ объ этомъ горѣ
Тебѣ, увы, Іокаста, должно знать.
Тебѣ, моя послѣдняя надежда!
Коринѳянинъ Полибъ мнѣ былъ отцомъ,
А матерью Мэропа изъ Дориды.
И въ городѣ меня считали первымъ.
Но, помню, разъ со мной случилось то,
Что болѣе достойнымъ удивленья
Я счелъ сперва, чѣмъ горя и заботъ.
За трапезой, виномъ упившись, кто-то
Назвалъ меня подкидышемъ. Въ ту ночь
Съ трудомъ мой гнѣвъ сдержалъ я, возмущенный;
Когда же день насталъ, пошелъ къ отцу
И матери, чтобъ рассказать обиду.
И, выслушавъ, разгнѣвались они:
Тотъ гнѣвъ меня утѣшилъ не надолго;

Осталось жало въ сердцѣ. Между тѣмъ
Въ Пивійскій храмъ, безъ вѣдома отца
И матери, отправился я тайно.
Но богъ на мой вопросъ не отвѣчалъ,
Предрекъ же мнѣ великія несчастья,
Плачевную судьбу: онъ предсказалъ,
Что съ матерью кровосмѣшенемъ ложе
Я оскверню, на свѣтъ произведу
Дѣтей, богамъ и людямъ ненавистныхъ,
Отца убью, зачавшаго меня.
Пророчество узнавъ, я изъ Коринѳа
Бѣжалъ, по звѣздамъ направляя путь,
Чтобъ не могло предсказанное богомъ
Постыдное свершиться надо мной.
И, странствуя, пришелъ я въ эту землю,
Гдѣ, говоришь ты, Лайосъ былъ убитъ.
Всю истину скажу тебѣ, Іокаста:
Межъ трехъ дорогъ, на перекресткѣ, мужъ
Мнѣ встрѣтился на колесницѣ; кони
Влекли ее, и выступалъ предъ нимъ
Глашатай,—все, какъ ты сказала. Помню,
Что самъ старикъ и тотъ, кто вель коней,
Столкнуть съ пути меня хотѣли силой.
И, гнѣваясь, ударилъ я раба.
Но между тѣмъ, какъ мимо колесницы
Я проходилъ, старикъ двойнымъ бичомъ
По головѣ хлестнулъ меня. И мщенье
Неравное его постигло: палъ,
Жезломъ моимъ низвергнутый, онъ навзничъ.
И всѣхъ его рабовъ я умертвилъ.
Коль что-нибудь межъ Лайосомъ и мужемъ
Убитымъ мной, есть общаго, Іокаста,
Кто изъ людей презрѣннѣе меня?
Кто ненавистнѣе очамъ безсмертныхъ?
Ни въ городѣ ни на чужой землѣ
Проклятаго никто принять не можетъ—
И оттолкнуть его съ порога прочь...

И не другой, а самъ себя я проклялъ,
И самъ себя обрекъ на эту казнь.
Руками, кровь пролившими, я ложе
Убитаго безчещу... Я—злодѣй,
Весь, съ головы до ногъ, запятнанъ кровью,
Отверженный скиталецъ на землѣ,
Отъ родины бѣжавшій и отъ близкихъ,
Подъ вѣчнымъ страхомъ съ матерью вступить
Въ постыдный бракъ и умертвить Полиба,
Зачавшаго, вскормившаго меня:
Не ясно ли, что Демонъ всемогущій,
Безжалостный преслѣдуетъ меня?
О, защитите, праведные боги!
Не дайте мнѣ увидѣть этотъ день,—
Пусть раньше я съ лица земли исчезну,
Чѣмъ осквернить меня такой позоръ!

ХОРЪ.

Какъ ты, о, царь, мы ужасомъ объаты,
Но прежде, чѣмъ увидимъ пастуха,
Не должно намъ, Эдипъ, терять надежды.

ЭДИПЪ.

Вотъ все, на что надѣяться могу;
Слова его мнѣ будутъ приговоромъ.

ІОКАСТА.

Что можешь ты узнать отъ пастуха?

ЭДИПЪ.

Коль подтвердить онъ все, что ты сказала,
Царица, я отъ гибели спасенъ.

ІОКАСТА.

Какое же изъ словъ моихъ такъ важно?

ЭДИПЪ.

Ты говоришь: свидѣтельствуешь рабъ,
Что Лайоса разбойники убили.
Коль скажетъ онъ, что не одинъ, а много
Злодѣевъ было,—царь убить не мной:
Вѣдь одного нельзя принять за многихъ;
А если онъ отвѣтитъ, что злодѣй
Одинъ лишь былъ, то, значить, я—убійца.

ІОКАСТА.

Ты знаешь все, Эдипъ, что рабъ сказалъ,
И этихъ словъ онъ измѣнить не можетъ:
Не я одна, ихъ слышалъ весь народъ.
Но если бы отъ нихъ онъ и отрекся,
То все-таки царя убилъ не ты,—
Коль правда есть въ словахъ боговъ, предрекшихъ,
Что Лайоса убьетъ рожденный мной.
Ужъ потому не могъ мой сынъ несчастный
Убить отца, что раньше самъ погибъ.
Душа моя чиста, и никакія
Пророчества не устрашаютъ меня.

ЭДИПЪ.

Ты говоришь разумно: но не медли
И вѣстника пошли за пастухомъ.

ІОКАСТА.

Пошлю сейчасъ, и все, что ты прикажешь,
Исполню, царь. Войдемъ же во дворецъ.

(Эдипъ и Иокаста уходятъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

О, если бъ Мойра блюсти мнѣ позволила вѣчно
Благочестивую святость въ словахъ и дѣяньяхъ,

Ту, чьи законы высокіе,
Въ горнемъ эфирѣ рожденные,
Надъ мірозданьемъ царятъ:
Ихъ начало не въ смертной природѣ людей,
Но безсмертный отецъ ихъ—единный Олимпъ;
Усыпить ихъ не можетъ забвеніе.
Въ нихъ живой и великій присутствуетъ Богъ,
Нестарѣющій.

Антистрофа первая.

Гордость рождаетъ тирановъ, и многихъ насытивъ без-
умьемъ,
Выше, все выше ведетъ ихъ къ обрыву и въ пропасть
Вдругъ съ высоты низвергаетъ ихъ—
Въ сѣти, откуда нѣтъ выхода,
Въ непоправимую скорбь.
Бога, въ сердцѣ моемъ, буду вѣчно молить,
Чтобъ отъ гибели тѣхъ сохранилъ Онъ мужей,
Въ комъ для Города—сила и счастье.
Богъ да будетъ вождемъ до конца моихъ дней
И заступникомъ!

Строфа вторая.

Да постигнетъ злая Мойра
Тѣхъ, кто словомъ или дѣломъ
Попираютъ справедливость,
Грозной Дикѣ не боятся
И на тронахъ Олимпійскихъ
Возсѣдающихъ боговъ.
Если жъ неправедной прибыли
Кто-нибудь радъ, богохульствуетъ,
Или преступной рукой
Дерзко святыни касается,—
Сердце сожжетъ нечестивому
Ярости Божьей стрѣла:
Тамъ, гдѣ въ почетѣ—безбожники,
Тщетны всѣ наши моленія,
Гимны во славу боговъ.

Антистрофа вторая.

Не пойду благоговѣнно
Я въ Олимпію святую,
Въ Дельфы, міра средоточье,
Или въ древній храмъ Абезскій,
Ибо люди ужъ не вѣрятъ
Въ прорицанія боговъ.

Но, если ты еще царствуешь,
Боже,—твоей справедливости
Да не избѣгнетъ никто:
Видишь, пророчества древнія,
Данныя Лайосу, презрѣны,
Феба не чтутъ на землѣ;
Видишь, въ душѣ человѣческой
Оскудѣваетъ священная
Совѣсть и вѣра боговъ.

ІОКАСТА.

О, мудрые старѣйшины народа!
Во храмъ, боговъ жилище, я иду,
Чтобъ принести имъ въ даръ благоуханья
И свѣжія гирлянды изъ цвѣтовъ,
Затѣмъ, что царь Эдипъ чрезмѣрнымъ страхомъ
И многими скорбями удрученъ.
О нынѣшнихъ пророчествахъ по старымъ
Не хочетъ онъ судить, а только тѣмъ,
Кто страхъ ему внушаетъ, предается,
Не слушая совѣта моего.

(Обращаясь къ жертвеннику бога.)

И вотъ къ тебѣ, Ликійскій Аполлонъ,
Въ ближайшій храмъ, съ молитвой и дарами
Я прихожу; помилуй насъ, пошли
Намъ, страждущимъ, исходъ благословенный:
Нашъ царь, нашъ кормчій страхомъ пораженъ,
Взирая на него, и мы трепещемъ.

(Входитъ Вѣстникъ.)

ВЪСТНИКЪ.

Гдѣ домъ царя, скажите, чужестранцы;
Иль, можетъ-быть, укажетъ кто-нибудь,
Гдѣ самого я отыщу владыку?

ХОРЪ.

Вотъ домъ его; онъ самъ теперь—въ чертогахъ;
А вотъ жена и мать его дѣтей.

ВЪСТНИКЪ.

Властителя прекрасная супруга,
Счастливою да будешь ты во вѣкъ,
Окружена счастливою семьею!

ІОКАСТА.

Достоинъ ты за твой привѣтъ, о, странникъ,
Чтобъ счастье послали и тебѣ
Блаженные. Но говори скорѣе,
Какую вѣсть и отъ кого принесъ?

ВЪСТНИКЪ.

Отрадную для дома и для мужа.

ІОКАСТА.

Какую же? Откуда?

ВЪСТНИКЪ.

Изъ Коринѳа.

Слова мои обрадуютъ тебя,
Но смѣшана съ печалью будетъ радость.

ІОКАСТА.

О, что за вѣсть съ двойною силой?

ВЪСТНИКЪ.

Мы слышали, что мужа твоего
Провозгласилъ царемъ народъ Истмійскій.

ІОКАСТА.

Какъ? Старый царь Полибъ?..

ВЪСТНИКЪ.

Его ужь вѣтъ.

ІОКАСТА.

Что говоришь? Онъ умеръ?

ВЪСТНИКЪ.

Если лживы

Слова мои—пускай умру.

ІОКАСТА (*служанкѣ.*)

Иди,

Бѣги скорѣй, про все скажи Эдипу.

(*Служанка уходитъ.*)

ІОКАСТА.

Пророчества боговъ, гдѣ ваша сила?

Эдипъ бѣжалъ, боясь убить отца;

Межь тѣмъ Полибъ своею смертью умеръ,

И Фебъ неправъ: не сынъ убилъ отца.

(*Эдипъ выходитъ изъ дворца.*)

ЭДИПЪ.

Я здѣсь: скажи мнѣ, милая супруга,

Зачѣмъ изъ дома вызвала меня?

ІОКАСТА (*указывая на Въстника.*)

Послушай, царь, что молвить онъ; увидишь,

Какъ вѣщія пророчества боговъ

Свершаются.

ЭДИПЪ.

Кто этотъ мужъ, Иокаста?

Что говоритъ онъ?

ІОКАСТА.

Изъ Коринѳа вѣсть
Пришла о томъ, что нѣтъ въ живыхъ Полиба,
Что умеръ твой отецъ.

ЭДИПЪ.

О, повтори!
Хочу я самъ все это слышать, Вѣстникъ,
Изъ устъ твоихъ!

ВѢСТНИКЪ.

Я повторяю, царь,
Что только что сказалъ: отецъ твой умеръ.

ЭДИПЪ.

Отъ чьей-нибудь руки, иль отъ болѣзни?

ВѢСТНИКЪ.

Чтобъ жизнь потухла въ тѣлѣ старика,
И слабаго довольно дуновенья.

ЭДИПЪ.

О, повтори, еще разъ—отъ болѣзни
Онъ умеръ?

ВѢСТНИКЪ.

Да, и отъ преклонныхъ лѣтъ.

ЭДИПЪ (*Иокастѣ*).

Но если такъ, какое дѣло намъ
До Пиѳии съ треножникомъ священнымъ,
До знаменій, до крика вѣщихъ птицъ?
Пусть нынѣ всѣ гадатели пророчать,
Что Рокъ судиль мнѣ умертвить отца.
Ты слышала: онъ мертвъ, покрытъ землею.
Онъ мертвъ! а я—я здѣсь былъ, я къ нему
И остриемъ меча не прикасался!

Иль онъ погибъ, тоскуя обо мнѣ?
Ужъ не за то ли Фебъ отцеубійцей
Назвалъ меня? Но все равно,—теперь
Въ гробу отецъ, и съ нимъ погребена
Вся эта ложь, всѣ прорицанья бога!

ІОКАСТА.

Не я ль тебѣ давно ужъ говорила:
Гадатели—обманщики!

ЭДИПЪ.

Тебѣ

Я не внималъ, и ужасомъ мой разумъ
Былъ помраченъ.

ІОКАСТА.

Теперь смотри, Эдипъ,
Не допускай боязни новой въ сердце.

ЭДИПЪ.

А съ матерью грозящій мнѣ союзъ?..

ІОКАСТА.

Но если жизнью править только случай
И ничего нельзя предугадать,
Къ чему, скажи, твой ужасъ суевѣрный?
Предайся же судьбѣ, живи, какъ можешь,
Преступнаго союза не страшись.
Вѣдь до тебя ужъ многимъ людямъ снилось,
Что съ матерью они—на ложѣ брачномъ.
Но тѣ живутъ и вольно, и легко,
Кто въ глупыя пророчества не вѣрятъ.

ЭДИПЪ.

Не будь ее въ живыхъ, назвалъ бы мудрой
Я эту рѣчь; но вѣдь она жива.
И чѣмъ бы ты меня ни утѣшала,
Я знаю—Рокъ силенъ. И страшно мнѣ...

ІОКАСТА.

Онъ умеръ—вотъ великая отрада!

ЭДИПЪ.

Великая. А все жъ она жива,
И страшно мнѣ...

ВЪСТНИКЪ.

Но кто же, сынъ мой, та,
Которой такъ боишься ты?

ЭДИПЪ.

Мэропа,
Жена Полиба, старецъ.

ВЪСТНИКЪ.

Чѣмъ она
Внушила страхъ тебѣ?

ЭДИПЪ.

Есть прорицанье
Ужасное...

ВЪСТНИКЪ.

Могу ль о немъ узнать,
Или для всѣхъ оно должно быть тайной?

ЭДИПЪ.

Узнай про все. Предрекъ мнѣ Аполлонъ,
Что обагрю я руки отчей кровью,
Что матери я ложе оскверню.
Вотъ почему далеко отъ Коринеа
Я много лѣтъ провелъ, и счастливъ былъ,
Хоть вѣдаю, что нѣтъ сладчайшей доли,
Чѣмъ видѣть очи тѣхъ, кто далъ намъ жизнь.

ВЪСТНИКЪ.

И вотъ зачѣмъ бѣжалъ ты изъ Коринеа?

ЭДИПЪ.

Чтобъ не убить зачавшаго меня.

ВЪСТНИКЪ.

Ужели я, прїдя къ вамъ, благосклонный,—
Не поспѣшу разсѣять этотъ страхъ!

ЭДИПЪ.

Великую награду ты получишь...

ВЪСТНИКЪ.

Пускай твою любовь я заслужу,
Когда съ тобой вернемся мы въ отчизну.

ЭДИПЪ.

Я никогда отчизны не увижу.

ВЪСТНИКЪ.

Не вѣдаешь, дитя, что говоришь.

ЭДИПЪ.

Открой мнѣ все, богами заклинаю!

ВЪСТНИКЪ.

О, царь, бояться нечего тебѣ.

ЭДИПЪ.

Но если Фебъ исполнить прорицанье?

ВЪСТНИКЪ.

Проклятыя тѣхъ, къмъ ты рождень, не бойся.

ЭДИПЪ.

Что дѣлать?.. Въ сердца вѣчно этотъ страхъ.

ВЪСТНИКЪ.

Повѣрь же мнѣ: боязнь твоя—напрасна.

Эдипъ.

Напрасна? Нѣтъ! Мэропа и Полибъ...

Вѣстникъ.

Они тебѣ—по крови не родные.

Эдипъ.

Какъ? Я не сынъ?

Вѣстникъ.

Усопшій царь Коринѳа
Не болѣе отецъ тебѣ, чѣмъ я,
Но столько же, и въ этомъ съ нимъ мы равны.

Эдипъ.

Отцу не можетъ равень быть чужой.

Вѣстникъ.

Ни многи, ни имъ ты не рождень.

Эдипъ.

О, боги!
Зачѣмъ же звалъ меня онъ сыномъ?

Вѣстникъ.

Знай,
Что въ даръ тебя изъ рукъ моихъ онъ принялъ.

Эдипъ.

Онъ такъ дитя чужое полюбилъ?

Вѣстникъ.

Затѣмъ, что самъ онъ былъ всю жизнь бездѣтнымъ.

Эдипъ.

Купилъ ли ты, или нашелъ меня?

ВЪСТНИКЪ.

Нашель въ дремучихъ дебряхъ Киѳерона.

ЭДИПЪ.

Куда по нимъ ты направлялъ свой путь?

ВЪСТНИКЪ.

Я пасъ въ тѣ дни стада на горномъ склонѣ.

ЭДИПЪ.

Такъ, значитъ, былъ ты пастухомъ наемнымъ?

ВЪСТНИКЪ.

Мой сынъ, я былъ спасителемъ твоимъ.

ЭДИПЪ.

Ты спасъ меня? Но отъ какихъ страданій?

ВЪСТНИКЪ.

Ты знаешь самъ: ихъ тайный слѣдъ хранятъ
Суставы ногъ твоихъ еще донынѣ.

ЭДИПЪ.

Увы! Увы! Зачѣмъ напомнилъ ты
Давно уже забытыя несчастья?

ВЪСТНИКЪ.

Я бережно освободилъ отъ узъ
Пронзенныя и связанныя ноги.

ЭДИПЪ.

Безчестие—съ младенческихъ пеленъ!

ВЪСТНИКЪ.

Отъ этихъ бѣдъ произошло то имя
Которое дано тебѣ, мой сынъ.

Эдипъ.

О, говори, богами заклинаю,
Кто это сдѣлалъ, мать или отецъ?

Вѣстникъ.

Не знаю, царь. Но отъ кого я принялъ
Тебя, тотъ лучше долженъ знать про все.

Эдипъ.

Такъ, значить, ты не самъ нашель?..

Вѣстникъ.

Нѣтъ, сынъ мой,
Другой пастухъ тебя мнѣ далъ.

Эдипъ.

Кто онъ?

Не знаешь ли ты имени?

Вѣстникъ.

Не знаю.

Онъ Лайоса рабомъ себя назвалъ.

Эдипъ.

Покойнаго царя земли Фиванской?

Вѣстникъ.

Да; у него тотъ мужъ былъ пастухомъ.

Эдипъ.

Въ живыхъ ли онъ, могу ль его увидѣть?

Вѣстникъ.

Спроси о томъ у здѣшнихъ гражданъ, царь.

Эдипъ.

Кому-нибудь — друзья мои, скажите —
Встрѣчался ли за городомъ, иль здѣсь,

Въ стѣнахъ Кадмейскихъ, тотъ, кого мы щемъ?
Давно пора намъ тайну обличить.

ХОРЪ.

Я думаю, что это тотъ пастухъ,
За кѣмъ послалъ ты въ поле. Но царицѣ
Не должно ли объ этомъ лучше знать?

ЭДИПЪ.

Иокаста! Рабъ, котораго намъ вѣстникъ
Назвалъ, не есть ли тотъ, кого мы ждемъ?

ИОКАСТА.

Кого назвалъ онъ? Не тревожься, царь,
Не слушай ихъ, забудь пустыя рѣчи,

ЭДИПЪ.

Ни передъ чѣмъ не отступлю, жена,
Пока отца и мать я не узнаю!

ИОКАСТА.

О, если жизнью дорожишь, — молчи,
Не спрашивай, богами заклинаю!
И безъ того ужъ мнѣ довольно мукъ...

ЭДИПЪ.

Чего же ты боишься? Если бъ даже
Отъ третьяго колѣна былъ я рабъ, —
Повѣрь, тебя позоръ мой не коснется.

ИОКАСТА.

И все-таки — не спрашивай; ни съ кѣмъ
Не говори объ этомъ, умоляю!

ЭДИПЪ.

Напрасно молишь: знать я долженъ все!

ІОКАСТА.

Послушай, царь: тебѣ желаю блага...

ЭДИПЪ.

Ужъ сколько зла мнѣ причинили тѣ,
Кто о моемъ лишь благѣ помышляютъ...

ІОКАСТА.

О, тяжко, тяжко!.. Лучше бъ никогда
И не искать тебѣ, не думать, кто ты!..

ЭДИПЪ (*Гражданамъ*).

Мнѣ пастуха скорѣе приведите;
Оставьте же, не слушайте ея, —
Пусть хвастаетъ, гордясь величьемъ предковъ!

ІОКАСТА.

Несчастный ты! Вотъ все, что я могу
Сказать, — прости!.. Ужъ больше не услышишь
Ты отъ меня вовѣки ничего.

(*Иокаста уходитъ.*)

ХОРЪ.

Зачѣмъ она въ тоскѣ смертельной, молча,
Ушла съ такой поспѣшностью? Боюсь,
Боюсь, Эдипъ, чтобъ не было молчанье
Предвѣстникомъ непоправимыхъ бѣдъ...

ЭДИПЪ.

Такъ пусть же всѣ пророчества свершатся!
Я знать хочу, кто мой отецъ и мать,
Какъ ни былъ бы ихъ темный родъ ничтоженъ.
Вы видѣли, царица за меня
Изъ женскаго тщеславія стыдится;
Но знаю: въ томъ, что я — дитя Судьбы,
Всѣмъ радости дарящей, нѣтъ позора.
Судьба — мнѣ мать, и Время — мнѣ отецъ:

Они Эдипа сдѣлали великимъ
Изъ малаго. Я родился отъ нихъ
И не боюсь узнать мое рожденье!

(Эдипъ уходитъ.)

хоръ.

Строфа.

Если не лишень я даже прорицанья,
То клянусь Олимпомъ, — раньше полнолуныя,
Завтра же прославимъ, Киперонъ, тебя
Мы за то, что ты вскормилъ младенца,
Сохранилъ могучаго царя,
Не отвергъ отвергнутаго всѣми,
Но на лоно принялъ, какъ отецъ,
Вотъ за что тебѣ
Будемъ гимны пѣть.
Фебъ благой, сверши мои пророчества!

Антистрофа.

Сынъ боговъ счастливый, кто изъ вѣчно-юныхъ,
Кто тебѣ родитель? Съ нимфою стыдливой
Панъ ли, въ горныхъ дебряхъ любящій бродить,
Или Фебъ, настигнувшій Дриаду,
Тамъ, во мглѣ таинственныхъ пещеръ,
Или богъ, царящій надъ Килленой,
Или Вакхъ тебя на высяхъ горъ
Принялъ въ даръ изъ рукъ
Геликонскихъ нимфъ?
Съ ними онъ рѣзвится, вѣчно радостный!
(Эдипъ выходитъ изъ дворца. Вдали Пастухъ.)

эдипъ.

Хоть никогда его не видѣлъ прежде,
Я думаю, что это тотъ пастухъ,
Котораго давно уже мы ищемъ.
О, да, по всѣмъ примѣтамъ это онъ:

Такихъ же лѣтъ преклонныхъ, какъ и вѣстникъ...
При немъ я вижу отроковъ моихъ.
Друзья! вы съ нимъ уже встрѣчались раньше, —
Вы можете узнать его скорѣй.

ХОРЪ.

Да, мы его узнали: этотъ старецъ
У Лайоса былъ вѣрнымъ пастухомъ.

ЭДИПЪ.

Сперва тебя, о, странникъ изъ Коринѳа,
Спрошу: о немъ ты говорилъ?

ВѢСТНИКЪ.

О немъ.

(Входитъ Пастухъ.)

ЭДИПЪ.

Стань предо мной, смотри мнѣ въ очи, старецъ,
На всѣ мои вопросы отвѣчай.
У Лайоса ты не былъ ли слугою?

ПАСТУХЪ.

Я былъ рабомъ, воспитаннымъ въ дому,
Не купленнымъ.

ЭДИПЪ.

Что въ эти дни ты дѣлалъ?

ПАСТУХЪ.

Былъ пастухомъ.

ЭДИПЪ.

Скажи, въ какихъ мѣстахъ
Ты чаще пасъ?

ПАСТУХЪ.

На склонахъ Кнеерона
И близъ него.

эдипъ (указывая на Вѣстника).

Взгляни сюда, старикъ.
Вотъ этого не узнаешь ли мужа?

ПАСТУХЪ.

Кто онъ?.. О, царь!.. О чемъ ты говоришь?..

эдипъ.

Припомни, съ нимъ встрѣчался ли ты раньше?

ПАСТУХЪ.

Сейчасъ его я вспомнить не могу...

ВѢСТНИКЪ.

И этому ты, царь, не удивляйся:
Мы все ему сейчасъ напомнимъ ясно.
Я думаю онъ не забылъ о томъ,
Какъ нѣкогда въ долинахъ Кнеерона
(Тогда онъ велъ два стада, я — одно)
Три мѣсяца мы проводили вмѣстѣ —
Отъ вешнихъ дней до Артура; потомъ
Онъ — въ царскій хлѣвъ и я — въ мою овчарню,
При заморозкахъ утреннихъ, стада
Мы загоняли. Помнишь ли, товарищъ?

ПАСТУХЪ.

Мнѣ кажется ты правду говоришь,
Хоть много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

ВѢСТНИКЪ.

И помнишь,
Однажды ты малютку мнѣ принесъ,
Чтобъ я, принявъ его, вскормилъ, какъ сына?

ПАСТУХЪ.

Зачѣмъ объ этомъ спрашиваешь?

ВѢСТНИКЪ (*указывая на Эдипа*).

Другъ,

Смотри же, вотъ кто былъ питомцемъ нашимъ!

ПАСТУХЪ.

Несчастный! Что ты дѣлаешь? Молчи!..

ЭДИПЪ.

О, рабъ, его не должно упрекать,
Скорѣе самъ достоинъ ты упрека.

ПАСТУХЪ.

За что, скажи мнѣ, лучший изъ царей...

ЭДИПЪ.

За то, что ты, старикъ скрываешь...

ПАСТУХЪ.

Вѣдь мнѣ,

Не знаетъ самъ, о чемъ онъ говорить.

ЭДИПЪ.

Я все открыть тебя заставлю силой!

ПАСТУХЪ.

О, сжаляся, царь, надъ бѣднымъ старикомъ!

ЭДИПЪ.

Рабы, скорѣй ему свяжите руки!

ПАСТУХЪ.

За что? Скажи, что хочешь ты узнать?

ЭДИПЪ.

Всю истину. Ты дашь ему младенца?

ПАСТУХЪ.

Я дашь, но лучше бь умереть въ тотъ день!

ЭДИПЪ.

Сейчасъ умрешь, коль правды мнѣ не скажешь...

ПАСТУХЪ.

Коль правду ты узнаешь — я погибъ...

ЭДИПЪ.

Старикъ! На зло мнѣ медлишь ты отвѣтомъ!..

ПАСТУХЪ.

Ужъ я сказалъ, что принялъ онъ дитя
Изъ рукъ моихъ...

ЭДИПЪ.

Твое или чужое?

ПАСТУХЪ.

Нѣтъ, не мое... Его мнѣ дали...

ЭДИПЪ.

Кто?

Кто?.. Говори же... Изъ какого дома?

ПАСТУХЪ.

Довольно парь! Не спрашивай, молю...

ЭДИПЪ.

Коль дорожишь ты жизнью, отвѣчай мнѣ!

ПАСТУХЪ.

То былъ потомокъ Лайоса царя...

ЭДИПЪ.

Рабъ или сынъ?

ПАСТУХЪ.

О, горе! Страшно молвить...

ЭДИПЪ.

А мнѣ страшнѣй услышать... Говори!..

ПАСТУХЪ.

Дитя—я помню—звали царскимъ сыномъ...
Спроси жену, ей лучше знать...

ЭДИПЪ.

Дала тебѣ младенца?

ПАСТУХЪ.

Да.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ?

ПАСТУХЪ.

Чтобъ умертвить.

ЭДИПЪ.

О, неужели мать?..

ПАСТУХЪ.

Она боялась прорицаній бога...

ЭДИПЪ.

Какихъ?..

ПАСТУХЪ.

Что сынъ убьетъ отца...

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ

Товарищу ты передалъ младенца?

ПАСТУХЪ.

Мнѣ было жаль малютку. Я хотѣлъ,
Чтобы унесъ его пастухъ въ ту землю,
Откуда самъ пришелъ. А между тѣмъ
Онъ сохранилъ для худшихъ бѣдъ младенца...
Когда ты тотъ, кѣмъ онъ тебя назвалъ,
О, царь мой, ты несчастень!...

ЭДИПЪ.

Горе! Горе!

Отнынѣ все мнѣ ясно. Свѣтъ дневной,
Погасни же въ очахъ моихъ! Я проклятъ,
И проклятымъ рождень — я осквернилъ
Святое ложе, кровь святую пролилъ!
(*Всѣ уходятъ, кромѣ Хора.*)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Ахъ, вся твоя жизнь,
О, родъ человѣческій, —
Какое ничтожество!
Казаться счастливыми, —
Вамъ счастье большее
Доступно ли, смертные?
Казаться, — не быть, —
И то на мгновенье!

Я теперь лишь постигъ, твой примѣръ увидавъ,
Твою жизнь, твою скорбь, злополучный Эдипъ,
Что не можетъ быть счастья для смертнаго.

Антистрофа первая.

Не ты ли на землѣ
Достигъ высочайшаго —

Богатствъ и величiя?
О, боги! Предвидѣнъемъ
Не ты ли Пророчицу
Съ когтями Чудовище,
Герой, побѣдилъ?
Твердыней незыблемой

Ты надъ нами стоялъ, насъ отъ смерти хранилъ,
Мы за то вознесли, мы вѣнчали тебя,
И въ Кадмеѣ великой ты царствовалъ.

Строфа вторая.

Нынѣ же, нынѣ, Эдипъ, — о, какъ измѣнчиво все! —
Кто изъ людей испыталъ скорбь, безнадежнѣй твоей?
Жалко царя мнѣ великаго!
Въ тѣхъ же объятыхъ ты былъ сыномъ и мужемъ,
увы!

Ложе, гдѣ ты родился, — брачное ложе твое.

Ты раздѣлилъ его съ матерью!

Какъ же сердце въ ней молчало?

И безропотно такъ долго.

Нечестивыя лобзанья

Какъ могла она терпѣть?

Антистрофа вторая.

Но противъ воли твоей, Время, всезнающій богъ,
Время открыло, Эдипъ, твой святотатственный бракъ,
Ибо, рожденный съ родившею,
Въ страшный союзъ ты вступилъ. Лучше бъ лица твоего
Намъ никогда не видать. Нынѣ же, царь мой, скорбѣтъ
Долженъ я скорбью великою.

Ибо—если молвить правду —

Кто мнѣ далъ вздохнуть свободно,

Кто вернулъ безсоннымъ вѣждамъ

Сонъ отраднѣй, какъ не ты?

вѣстникъ.

О, граждане, славнѣйшіе въ Кадмеѣ,
Коль родственнымъ участіемъ полны

Вы къ правящему дому Лабданидовъ,—
Какая скорбь наполнить вамъ сердца,
Что суждено увидѣть вамъ, услышать!
Я думаю, что не могли бы смыть
Уже ни Фась, ни Истръ глубоководный.
Всего, что здѣсь, подъ кровлею дворца,
Скрывается и явнымъ будетъ скоро.
Всѣ эти муки—добровольны; въ мірѣ
Воистину нѣтъ большихъ золь, чѣмъ тѣ,
Которыя творимъ себѣ мы сами.

х о р ь.

И прежнихъ намъ уже довольно бѣдствій:
Что хочешь ты еще прибавить къ нимъ?

в ѣ с т н и к ѣ.

Повѣдать все могу въ словахъ немногихъ:
Возлюбленной Іокасты нѣтъ въ живыхъ.

х о р ь.

Несчастная!.. Скажи мнѣ кто убійца?

в ѣ с т н и к ѣ.

Сама себя убила. Но отъ васъ
Горчайшее сокрыто: очи ваши
Не видѣли ея послѣднихъ мукъ.
Внимайте же. Все расскажу, что помню.
Едва она въ преддверіе вбѣжала,
Какъ бросилась во внутренній покой
И прямо къ ложу брачному, и двери
Захлопнула. Тамъ волосы рвала
Обѣими руками въ изступленьи,
И Лайоса, погибшаго давно,
Звала она и вспоминала ночь,
Когда зачать былъ сынъ-отцеубійца,
Съ которымъ мать произвела на свѣтъ
Отверженныхъ дѣтей въ кровосмѣшеньи.
И прокляла то ложе, гдѣ, вдвойнѣ

Несчастливая, она отъ мужа мужа
И сыновей отъ сына родила.
Что было съ ней потомъ—не знаю; съ крикомъ
Вбѣжалъ Эдипъ: онъ видѣтъ помѣшалъ
Мнѣ смерть ея. Мы всѣ смотрѣли, молча,
Какъ онъ, блуждая, требовалъ меча.
Искалъ «жены и не жены, во чревѣ
Его носившей и его дѣтей»!
Не мы, вблизи его стоявшіе, но Демонъ
Шаги его, должно-быть, направлялъ.
И въ ярости на двери устремился
Онъ съ громкимъ крикомъ, словно кто-нибудь
Ему на нихъ указывалъ, и, вырвавъ
Желѣзные крюки изъ петель, въ дверь
Онъ ринулся; а тамъ, въ покоѣ брачномъ,
Она уже повѣсилась. Вбѣжавъ,
Онъ развязалъ веревку съ дикимъ воплемъ,
И трупъ упалъ на землю, И тогда
Несчастный сдѣлалъ то, что вспомнить страшно.
Съ одеждъ ея застежки золотыя
Сорвавъ, себѣ глаза онъ прокололъ
Ихъ остриемъ, твердя, что не увидитъ
Ни собственныхъ несчастій, ни злодѣйствъ,
Что, вѣчной тьмой объятый, не узнаетъ
Ни тѣхъ, кого хотѣлъ бы онъ узнать,
Ни тѣхъ, кого не долженъ бы онъ видѣть.
Такъ, проклиная жизнь въ безумной скорби,
Все ударялъ и ударялъ глаза
Открытые, приподымая вѣки,
И по щекамъ изъ нихъ сочилась кровь,
Не каплями, а черными струями
И цѣлымъ градомъ слезъ кровавыхъ. Тамъ,
Въ покоѣ брачномъ, мужъ соединился
Въ страданіяхъ съ женой въ послѣдній разъ
Гдѣ нѣкогда блаженство обитало,
Тамъ нынѣ—смерть и муки, и позоръ,
Всѣ ужасы, которымъ есть лишь имя!

хоръ.

Но что теперь онъ дѣлаетъ?

вѣстникъ.

Кричитъ

И требуетъ, чтобъ дверь открыли настежь,
И показали всѣмъ отцеубійцу.

Того, кто мать... Нѣтъ! нечестивыхъ словъ

Не повторю. Изгнать себя онъ хочетъ,

Прочь убѣжать изъ дома, имъ самимъ

Проклятаго, но силы не хватаетъ,

И не успѣлъ вожатаго слѣпецъ

Еще найти. А человѣкъ не можетъ

Одинъ такихъ мученій выносить...

Но посмотри: вотъ на дверяхъ запоры

Ужъ сдвинуты: сейчасъ увидишь то.

Что и враговъ заставило бы плакать!

(Двери открываются настежь. Въ глубинѣ дома — мертвое тѣло Иокасты. Къ народу выводятъ слѣпого Эдипа.)

хоръ.

Страшны людямъ такія страданія. Вотъ

Изъ всего, что мы видѣли въ жизни,

Вотъ—страшнѣйшее! Демонъ тобой овладѣлъ!

Что за сила, какъ вихрь, налетѣла,

Смяла все и разрушила въ жизни твоей,

О, несчастный!.. Хотѣлъ бы о многомъ

Я спросить, но услышать боюсь, и смотрѣть

На тебя не могу—такъ мнѣ страшно!

эдипъ.

Тяжко, тяжело мнѣ!.. Гдѣ я?

О, несчастный! Куда привели вы меня?

Я не вижу... Скажите мнѣ, съ кѣмъ говорю?..

Что со мною вы сдѣлали, боги!

хоръ.

Ужасное, чему нѣтъ даже имени!..

эди́пъ.

Строфа первая.

Ночь безпредѣльная,
Неотвратимая! Тьма несказанная,
Смерти подобная!
Еще въ ней ярче образы кровавые,
Еще сильнѣе боль воспоминанія!

хоръ.

Мы чувствуемъ, какъ борешься ты съ ужасомъ,
Какъ подъ двойнымъ изнемогаешь бременемъ!

эди́пъ.

Антистрофа первая.

О, мои вѣрные
Слуги! Донынѣ слѣпца одинокаго
Вы не покинули.
Вы здѣсь еще... О, да, изъ мрака вѣчнаго
Я слышу, милые, вашъ голосъ дружескій!

хоръ.

Мой бѣдный братъ! Зачѣмъ ты ослѣпилъ себя,
Кто изъ боговъ наполнилъ умъ твой яростью?

эди́пъ.

Строфа вторая

Богъ Дельфійскій, друзья, это онъ, это онъ!
Богъ — виновникъ всѣхъ бѣдъ. Но глаза себѣ самъ,
Самъ я вырвалъ! На что они? въ мірѣ.
Ужъ нѣтъ ничего и не будетъ вовѣкъ,
Что увидѣтъ мнѣ было бы сладко!

хоръ.

Увы! Увы! Сказаль ты правду горькую.

эдипъ.

Строфа третья.

Что осталось мнѣ? Чѣмъ утѣшиться?
И на что взглянуть? И кого любить?
Прочь, скорѣй, друзья, уведите прочь
Оскверненнаго и проклятаго,
И очамъ боговъ ненавистнаго.

хоръ.

Въ сознаньи мукъ есть горечь, мукамъ равная...
О, лучше бъ мы тебя совсѣмъ не видѣли!

эдипъ.

Антистрофа вторая.

Да погибнетъ же тотъ, кто въ пустынныхъ горахъ
Мои ноги исторгъ изъ безжалостныхъ узъ,
Спасъ отъ смерти меня, — будь онъ проклятъ!..
О, на что эта жизнь? Ни себѣ, ни роднымъ,
Если бъ умеръ, я не былъ бы въ тягость!

хоръ.

Ты правъ, несчастный: лучше бы совсѣмъ не жить!

эдипъ.

Антистрофа третья.

Я, не названный мужемъ матери,
Не запятнанный кровью отчею,
Спаль бы вѣчнымъ сномъ. А теперь во злѣ,
Чтобъ убить отца, обезчестить мать,
Я рожденъ на скорбь безпредѣльную!

Зачѣмъ же ты, страдалецъ, не убилъ себя?
Совсѣмъ не жить — отраднѣе, чѣмъ жить слѣпымъ.

ЭДИПЪ.

О, нѣтъ! Меня вы въ томъ не упрекайте.
Я поступилъ, какъ долженъ былъ, друзья.
Подумайте, какими же глазами,
Сойдя въ Аидъ, взглянулъ бы я на мать
И на отца, имъ сдѣлавъ то обоимъ,
Чего и смерть не можетъ искупить?
О, какъ смотрѣлъ бы я и дѣтямъ въ очи,
Рожденнымъ мной въ такомъ союзѣ? Нѣтъ,
Ни этихъ стѣнъ, ни башенъ городскихъ,
Ни красоты боговъ во храмахъ свѣтлыхъ—
Я ничего не долженъ видѣть. Самъ,
Когда я былъ еще царемъ великимъ,
Самъ я клялся, что не увидить ихъ,
Что будетъ изгнанъ тотъ, о чьемъ злодѣйствѣ
И кровь царя, и боги вопіють.
И смѣлъ бы я взглянуть въ лицо народу,
Изобличивъ себя въ позорѣ? Нѣтъ!
О, если бъ могъ я служъ мой уничтожить,
То лучше бы ужъ сдѣлалъ я совсѣмъ
Безчувственнымъ страдальческое тѣло,
Глухимъ, слѣпымъ: не слышать и не видѣть
И мукъ своихъ не чувствовать такъ сладко...
О, Киперонъ! зачѣмъ же принялъ ты
И не убилъ младенца, чтобы люди
Не вѣдали рожденья моего?
И ты, Коринѣъ, и ты, дворецъ Полиба,
Котораго отцомъ я называлъ,—
Скрывая зло подъ царственнымъ величьемъ,
Зачѣмъ, зачѣмъ вскормили вы меня?
Открылась тайна, видите, безславнымъ
Отъ матери безславной я рожденъ!

О, путь тройной, глубокая долина
И темная дуброва, и стезя
Кремнистая, ты, капли отчей крови
Впитавшая—пролитыя моею,
Моею рукой, вы помните ль, что сдѣлалъ
Несчастный тамъ, у васъ? и что потомъ
Онъ совершилъ, придя сюда, въ Кадмею?
О, сѣмя, сѣмя, давшее мнѣ жизнь
И на одномъ и томъ же брачномъ ложѣ
Отцовъ, дѣтей и братьевъ, и невѣсть
И матерей—все, все въ кровосмѣшенъи
Зачавшее, въ гнуснѣйшемъ изъ злодѣйствъ,
Здѣсь, на землѣ кого-либо свершенныхъ!..
Нѣтъ! Нѣтъ! Нельзя объ этомъ говорить...
О, спрячьте же, убейте, поскорѣй,
Иль ввергните меня въ пучину моря,
Чтобъ изверга никто не видѣлъ! Гдѣ,
О, гдѣ же вы?.. Коснуться удостойте
Несчастливаго, не бойтесь... Изъ людей
Не вынесъ бы никто моихъ страданій!

х о р ь .

Сюда идетъ Креонъ. Онъ все рѣшить
И сдѣлаетъ, что хочешь,—ибо принялъ
Теперь онъ власть надъ городомъ.

э д и п ь .

Увы!

Что я могу сказать? Онъ не повѣритъ:
Я такъ предъ нимъ неправъ былъ и жестокъ.

к р е о н ь .

Эдипъ, сюда не съ тѣмъ я прихожу,
Чтобъ упрекнуть тебя или насмѣшкой
За прежнія обиды отомстить...

(Слугамъ, окружающимъ Эдипа.)

Но если вы людей ужъ не стыдитесь,
Побойтесь же хоть Геліоса, всѣхъ

Питающаго, пламеннаго бога,
И предъ его лицомъ не обнажайте
Того, что не должна терпѣть земля,
Ни свѣтъ дневной, ни дождь благословенный!
Ведите же несчастнаго домой:
Лишь намъ, роднымъ, пристойно видѣть горе
Семейное—и больше никому.

ЭДИПЪ.

Коль ты, благой, пришелъ ко мнѣ, злодѣю,
На что ужъ я надѣяться не смѣлъ,—
Послушайся меня, Креонъ, молю я.
Не для себя, для блага твоего...

КРЕОНЪ.

О чемъ ты просишь?

ЭДИПЪ.

Уведи меня
Прочь отъ людей, туда, гдѣ молвить слова
Не могъ бы я вовѣкъ ни съ кѣмъ живымъ.

КРЕОНЪ.

Сперва узнать я долженъ волю бога.

ЭДИПЪ.

Богъ повелѣлъ злодѣя умертвить.

КРЕОНЪ.

О, да, но все жъ въ такихъ несчастьяхъ дважды
Хочу спросить его, что дѣлать намъ.

ЭДИПЪ.

Какъ? Въ Дельфахъ спросятъ о такомъ злодѣѣ?..

КРЕОНЪ.

И Фебу ты на этотъ разъ повѣрь!

Тебѣ во всемъ, владыка, предаюсъ:
 Похорони, какъ должно, прахъ несчастной.
 Лежащей тамъ, въ покояхъ. Этотъ долгъ
 Для собственной семьи, Креонъ, исполни.
 А я уже отнынѣ съ вами жить
 Въ оградѣ Фивъ священныхъ недостойнъ.
 О, дайте мнѣ вернуться въ мой приютъ
 Единственный, на горы Киоерона,
 Въ тотъ дикій край, что мнѣ отецъ и мать
 Въ младенчествѣ назначили могилой,
 Чтобъ тамъ погибъ отверженный ихъ сынъ.
 Я чувствую одно: ни отъ болѣзни,
 Ни отъ чего другого умереть
 Не суждено мнѣ, ибо вѣрной смерти
 Я не избѣгъ бы нынѣ, если бъ Рокъ
 Мнѣ страшнаго конца не приготовилъ.
 Но да свершится надо мной судьба!
 Я сыновей моихъ не поручаю
 Тебѣ, Креонъ: повсюду мужъ найдетъ,
 Чѣмъ прокормить себя; но о несчастныхъ,
 О дочеряхъ покинутыхъ моихъ
 Ты позаботься для меня, о, братъ мой!
 И объ одномъ еще тебя молю:
 Дай мнѣ обнять ихъ и поплакать вмѣстѣ...

О, царь мой,
 Потомокъ рода славнаго, исполни
 Мольбу мою. Когда въ послѣдній разъ
 Ихъ обниму, мнѣ будетъ вновь казаться,
 Что я ихъ вижу, что онѣ—мои...

Но тише!..

О, боги! Здѣсь—онѣ... Я слышу, плачутъ.
 Родимыя! Ты пожалѣлъ меня,
 Привелъ ко мнѣ дѣтей моихъ любимыхъ,
 Не правда ль?..

Я зналъ, что ты захочешь ихъ обнять.
И поспѣшилъ призвать твоихъ дѣтей.

ЭДИПЪ.

Такъ будь же ты благословенъ вовѣки,
И Демонъ лучшій да хранить тебя,
Чѣмъ твоего отверженнаго брата!

(Къ дочерямъ Исменъ и Антигонъ.)

Гдѣ, гдѣ же вы, родныя? Подойдите
Сюда, ко мнѣ. Коснитесь этихъ рукъ,
О, милыя,—преступныхъ и несчастныхъ,
Которыми изъ прежде свѣтлыхъ глазъ—
Смотрите—вотъ что сдѣлалъ я. О, дѣти!
Я васъ родилъ отъ матери моей,
Но самъ того, что дѣлаю,—не вѣдалъ.
И мнѣ уже не видѣть васъ вовѣкъ!..
Я только плачу, бѣдныя, надъ вами
И думаю: не сладкой будетъ жизнь
Вамъ у людей. Привѣтливое слово
Кто молвить вамъ? Въ день праздничный во храмѣ
Нерадостнымъ вамъ будетъ торжество,
И со слезами вы домой вернетесь.
Когда же въ бракъ вступить придетъ пора,
Кто, жалкія, захочетъ быть вамъ мужемъ
И на себя такой позоръ принять?
Какихъ еще не достаетъ намъ бѣдствій?
Вы—дочери того, кто умертвилъ
Отца, кто мать родную обезчестилъ,
На ложѣ васъ родилъ, гдѣ самъ рождень!
Вотъ вѣчный вашъ позоръ... И кто же приметъ
Въ свой домъ такихъ отверженныхъ? Никто.
Безбрачныя, бездѣтныя, горюя,
Умрете вы... Но ты, Менойковъ сынъ,
Единственный защитникъ имъ, ты знаешь,
Нѣтъ ни отца, ни матери у нихъ.

Не правда ли, родныхъ ты не покинешь,
Безпомощныхъ, бездомныхъ, въ нищетѣ,
Чтобъ муки ихъ съ мои не сравнялись?
Онѣ еще такъ молоды, Креонъ...
У нихъ теперь лишь ты одинъ остался,
И больше нѣтъ на свѣтѣ никого.
Скажи, что будешь ты отцомъ несчастныхъ,
Дай руку мнѣ, мой братъ, и поклянись...
Хотѣлось бы еще сказать, о, дѣти,
Вамъ многое, но вы теперь понять
Не можете, и я молю безсмертныхъ
Лишь объ одномъ: какой бы жребій васъ
Ни ожидалъ, да будетъ жизнь вамъ легче,
Родимыя, чѣмъ вашему отцу!

КРЕОНЪ.

Слезъ довольно. Ты простился. Во дворецъ пойдемъ скорѣй.

ЭДИПЪ.

Какъ ни тяжело, повинуюсь...

КРЕОНЪ.

Въ жизни свой чередъ всему.

ЭДИПЪ.

Но уйду съ мольбой послѣдней...

КРЕОНЪ.

Я внимаю,—говори.

ЭДИПЪ.

Прочь изъ Оивъ уйди навѣки!

КРЕОНЪ.

Это богъ рѣшить, не я.

ЭДИПЪ.

Богу—врагъ я ненавистный...

КРЕОНЪ.

Тѣмъ скорѣй твоя мольба
Объ изгнаньи совершится.

ЭДИПЪ.

Такъ ты думаешь, Креонъ?

КРЕОНЪ.

Знаешь самъ, что, не подумавъ, говорить я не люблю.

ЭДИПЪ.

Если такъ, идемъ скорѣе...

КРЕОНЪ.

Но оставь своихъ дѣтей...

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, молю, не отнимай ихъ!..

КРЕОНЪ.

Не желай владѣть ты всѣмъ:
И того, что было въ жизни, не умѣлъ ты сохранить.

ХОРЪ.

Обитатели Кадмеи, посмотрите на Эдипа,
На того, кто былъ великимъ, кто ни зависти согражданъ,
Ни судьбы ужъ не боялся, ибо мыслью онъ безстрашной
Сокровеннѣйшія тайны Сфинкса древняго постигъ.
Посмотрите, какъ низвергнуть онъ Судьбой! Учитесь, люди,
И пока предѣловъ жизни не достигнетъ безъ печали,
И пока свой день послѣдній не увидитъ тотъ, кто смертенъ,—
На землѣ не называйте вы счастливымъ никого.

СОФОКЛЪ.

—

ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Эдипъ — изгнанный царь Фивъ.

Антигона }
Исмена } дочери Эдипа.

Креонъ.

Полиникъ — сынъ Эдипа.

Тезей — царь Афинъ.

Чужеземецъ — житель города Колона.

Вѣстникъ.

Хоръ старцевъ.

*Мѣсто дѣйствія: у аттическаго города Колона, близъ Афинъ,
предъ рощей Эмменидъ.*

ЭДИПЪ.

Скажи, куда, въ чей городъ мы пришли,
О, дочь слѣпого старца, Антигона?
Кто пріютитъ изгнанниковъ, почтивъ
Несчастнаго Эдипа скуднымъ даромъ?
Я малаго прошу — даютъ мнѣ меньше,
Чѣмъ малое, но и тому я радъ:
Терпѣть меня страданья научили,
И долгій рядъ годовъ, и гордый духъ.
Но оглянись, дитя, и, выбравъ мѣсто,
Чтобъ при пути на камнѣ отдохнуть,
Или въ оградѣ заповѣдной роши,
Остановись и посади меня.
Узнаемъ, гдѣ мы, ибо надо гражданъ
Придя въ чужую землю, разспросить
И то, что намъ велятъ они, исполнить.

АНТИГОНА.

Отецъ, Эдипъ несчастный, вижу стѣны
И башни тамъ, надъ городомъ, вдали.
Мнѣ кажется, что въ мѣстѣ мы священномъ:
Оливъ здѣсь много, виноградныхъ лозъ
И лавровъ, полныхъ сладкозвучнымъ пѣньемъ
Порхающихъ по вѣткамъ соловьевъ.
Вотъ здѣсь присядь, на этомъ камнѣ дикомъ:
Для старика ты сдѣлалъ долгій путь
Сегодня.

ЭДИПЪ.

Дай миѣ руку, помоги.

АНТИГОНА.

Напоминать не надо — я ужъ знаю,
Служить тебѣ привыкла я давно.

ЭДИПЪ.

А какъ названье города?

АНТИГОНА.

Аѳины.

Но здѣшнихъ мѣстъ не узнаю.

ЭДИПЪ.

Да, да,

Аѳины: такъ вѣдь говорили всѣ,
Кто по дорогѣ намъ встрѣчался.

АНТИГОНА.

Хочешь,

Пойду, узнаю, гдѣ мы?

ЭДИПЪ.

Разспроси,
Поблизости живетъ ли кто-нибудь.

АНТИГОНА.

Живутъ конечно. — И ходить не надо:
Я вижу, кто-то къ намъ идетъ.

ЭДИПЪ.

Скажи,

Когда поближе будетъ.

АНТИГОНА.

Вотъ онъ здѣсь,
Ты можешь говорить.

ЭДИПЪ

О, чужеземецъ,
Услышала я отъ той, чьи видятъ очи
И за себя и за меня, слѣпого,
Что къ намъ пришелъ ты въ добрый часъ, затѣмъ,
Что я спросить тебя желала бы...

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Прежде,

Чѣмъ спрашивать, — ступай отсюда прочь:
Здѣсь человѣку быть не должно.

ЭДИПЪ.

Гдѣ я?

Чей это лѣсъ? Кому онъ посвященъ?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Ограждено заклятьемъ это мѣсто:
Ужасныя богини здѣсь живутъ —
Земли и Мрака дочери святыя.

ЭДИПЪ.

Какъ имя ихъ божественное?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Имя

Мы имъ даемъ всезрящихъ Эменидъ;
Но ихъ зовутъ въ другихъ мѣстахъ иначе.

ЭДИПЪ.

Благословенъ да будетъ мой приходъ!
Я не уйду отсюда, чужеземецъ.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Что это значить?

ЭДИПЪ.

Приговоръ судьбы
Свершается.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Я гнать тебя не смѣю,
Пойду сначала въ городѣ скажу
И, какъ велятъ, исполню.

ЭДИПЪ.

Чужеземецъ,
Будь милостивъ, отвѣтъ на мой вопросъ,
Не откажи бездомному скитальцу!

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Что жъ, спрашивай — я отвѣчать готовъ.

ЭДИПЪ.

Скажи мнѣ, гдѣ мы, что это за мѣсто?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Скажу тебѣ я все, что знаю самъ:
Ты на землѣ боговъ, гдѣ обитаютъ
И Посейдонъ, и Прометей, огонь
Похитившій съ небесъ; а эти камни,
Гдѣ ты сидишь зовутъ Порогомъ Мѣднымъ,
Воротами и Крѣпостью Аѳинъ;
Славнѣйшему изъ всадниковъ, Колону,
Посвящены окрестныя поля,
И отъ него-то имя колонейцевъ
Наслѣдовали жители; такъ вотъ
Въ какую землю ты пришелъ, о странникъ!
Здѣсь не однимъ лишь словомъ чтутъ боговъ,
Но и благимъ обычаемъ и дѣломъ.

ЭДИПЪ.

Такъ, значить, много жителей въ странѣ?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Да, — цѣлый городъ, посвященный богу.

ЭДИПЪ

Кто царь земли? Иль править самъ народъ?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Нѣтъ, въ городѣ есть царь, и надъ землею
Онъ властвуетъ.

ЭДИПЪ.

А какъ зовуть того,
Чей умъ и сила управляютъ вами?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Зовутъ его царемъ Тезеемъ, сыномъ
Эгеевымъ.

ЭДИПЪ.

Нельзя ли намъ отсюда
Кого-нибудь послать за нимъ?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Зачѣмъ?

Ты что-нибудь сказать ему желаешь,
Или сюда позвать?

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ, о, другъ мой,
Что, малую мнѣ помощь оказавъ,
Получить онъ великую награду.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Царю ли ждатель награды отъ слѣпца?
Вѣдь то, что я скажу, не будетъ слѣпо.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

А знаешь ли, какъ лучше поступить?
Хотя ты слѣпъ, по виду твоему
Сдается мнѣ, что мужъ ты родомъ знатный;
Такъ вотъ что: посиди ты здѣсь, а я
Тѣмъ временемъ схожу, но не въ Аѳины,
А къ жителямъ предмѣстїя, и все
Имъ расскажу: пускай они разсудятъ,
Остаться ли тебѣ, иль уходить.

ЭДИПЪ.

Скажи, дитя, ушелъ ли чужеземецъ?

АНТИГОНА.

Ушелъ, отецъ, ты можешь говорить,
Никто не слышитъ: мы одни съ тобой.

ЭДИПЪ (къ Эменидамъ).

О, страшная, великія! Найдя
Пріютъ у васъ, у первыхъ въ этомъ краѣ,
Молю: ко мнѣ враждебными не будьте
И къ Фэбу-прорицателю, тому,
Кто, возвѣщая много бѣдъ, и отдыхъ
Черезъ долгіе года мнѣ предсказалъ,
Когда, мой путь послѣдній совершивъ,
Вступлю я въ край, гдѣ у богинь великихъ
Найду себѣ пріютъ гостепріимный,
Конецъ печальной жизни и покой;
И сдѣлаюсь врагамъ моимъ — проклятьемъ,
Спасеньемъ тѣхъ, кто пріютитъ меня;
А знаменемъ ударъ подземный будетъ,
Зевесовъ громъ иль молнія: и нынѣ
Я вѣщую примѣту вижу въ томъ,
Что, самъ того не зная, въ эту рошу
Вступилъ, — затѣмъ, что проходя случайно,
Я никогда бы не зашелъ сюда, —

Страданьями навѣки отрезвленный,
Къ вамъ, трезвыя, — и здѣсь бы я не сѣлъ
На вашъ порогъ таинственный и грозный.
О, дайте же какой-нибудь исходъ,
Освобожденье дайте мнѣ, богини,
Какъ Фэбъ предрекъ, — коль отдыхъ заслужилъ
Я, претерпѣвъ такія муки въ жизни,
Какихъ никто изъ смертныхъ не терпѣлъ.
О, древней Ночи сладостныя дѣти,
О, величайшій въ мѣрѣ городъ, ты,
Аеиною Палладою хранимый,
Надъ призракомъ царя-Эдипа сжальтесь,
Затѣмъ, что призракъ онъ того, чѣмъ былъ!

АНТИГОНА.

Молчи, отецъ: я вижу, старикки
Идутъ сюда — тебя, должно-быть, ищутъ.

ЭДИПЪ.

Дитя, пойдемъ скорѣе, уведи
И спрячь меня подальше отъ дороги.
Не распросивъ, зачѣмъ они пришли,
Я къ нимъ не выйду: будемъ осторожны,
Сперва узнать намъ должно обо всемъ.

ХОРЪ СТАРЦЕВЪ КОЛОНСКИХЪ

Строфа первая.

Гдѣ онъ?

Гдѣ это былъ и куда онъ исчезъ?

Какъ онъ скрылся отъ насъ, нечестивѣйшій?
Мы обшаримъ кругомъ, мы весь лѣсъ обойдемъ

И отыщемъ безбожнаго,

Это — бродяга, старый бродяга!

Онъ не изъ здѣшнихъ, — о, нѣтъ,

Онъ бы иначе войти не посмѣлъ
Въ рошу заклятую
Гнѣвныхъ богинь,

Тѣхъ, что, назвавъ, содрогаемся,
Мимо проходимъ, безгласные,
Тихо, съ молитвеннымъ шопотомъ,
Въ землю потупивъ глаза,
Въ благоговѣннiи.

А теперь, говорятъ, темныхъ Дѣвъ не страшась,
Въ рощу къ нимъ онъ вошелъ, оскорбитель святынь:
Ищемъ, ищемъ, — куда онъ сокрылся, не вѣдаемъ.

Эдипъ.

Вотъ, я здѣсь: не видя, слышу
Голоса...

хоръ.

О, ужась, ужась,
Страшный голосъ, страшный видъ!

Эдипъ.

Нѣтъ, молю: какъ на злодѣя,
Не смотрите на меня!

хоръ.

Возвѣстите, боги, кто онъ,
Этотъ старый, страшный?

Эдипъ.

Тотъ,
О, правители народа,
Кто, какъ всѣ мы, люди, въ жизни
Счастливъ былъ — но не вполнѣ;
А не то, я по дорогѣ
Не влачился бы слѣпой,
И моимъ усталымъ членамъ
Не служило бы опорой
Это слабое дитя.

ХОРЪ.

Антистрофа первая.

Горе!

Вѣрно, слѣпымъ ты рожденъ и всю жизньъ

Прожилъ свѣту дневному не радуясь.

Бѣдный, бѣдный, тебя мы избавить хотимъ

Отъ проклятiя новаго:

Остановись же, не святотатствуй!

Не входи, не входи,

Преступивъ заповѣдный порогъ,

Въ рощу безмолвную,

Полную травъ,

Полную мрака и ужаса,

Гдѣ въ возліяніяхъ жертвенныхъ

Съ трезвой водою сливается

Меда густая волна.

Горемъ постигнутый

Путникъ, слышишь ли насъ? Подойди, не страшись,

Если хочешь сказать что-нибудь — говори,

Только выйди сперва ты изъ мѣста заклятаго.

ЭДИПЪ.

О, родная, что же дѣлать?

АНТИГОНА.

Лучше выйти къ нимъ: ихъ волѣ

Покориться мы должны.

ЭДИПЪ.

Дай мнѣ руку.

АНТИГОНА.

Вотъ, отецъ!

ЭДИПЪ.

Къ вамъ иду я чужеземцы:
Пощадите старика!

ХОРЪ.

Строфа вторая.

Не бойся: тебя противъ воли никто
Изъ роши не выведетъ, странникъ!

ЭДИПЪ.

Довольно...

ХОРЪ

Поближе, поближе — сюда.

ЭДИПЪ.

Еще?

ХОРЪ

Подойди съ нимъ, о, дѣвушка: видишь,
Что зла мы ему не желаемъ.

АНТИГОНА.

Отецъ,

Иди же за мною по темной стезѣ,
Тихонько, тихонько, родимый!

ХОРЪ.

Покорись, о, бѣдный странникъ,
И, вступая въ нашу землю,
Намъ враждебное — отвергни,
Намъ любезное — почти.

ЭДИПЪ.

Дочь, веди меня туда,
Гдѣ, боговъ не оскорбляя,
Говорить и слушать можно:
Спорить съ тѣми мы не будемъ,
Кто сильнѣе насъ, дитя.

ХОРЪ.

Антистрофа вторая.

Довольно. Не должно тебѣ преступать
Порогъ этотъ каменный, — стой же

ЭДИПЪ.

Здѣсь?...

ХОРЪ.

Да, и не дальше, не дальше, — вотъ здѣсь.

ЭДИПЪ.

Стоять?..

ХОРЪ.

Можешь съ края на камень присѣсть —
Смиренно, какъ должно молящимъ.

АНТИГОНА.

Садись,

Тебѣ помогу я, вотъ такъ, не спѣши,
Поддерживать буду, — не бойся.

ЭДИПЪ (*стонетъ, наклоняясь*).

О, о!

АНТИГОНА.

Можешь опереться.
Вотъ, сюда! Склони же, бѣдный,
На возлюбленныя руки
Тѣло старое твое.

ЭДИПЪ.

Тяжко! Тяжко!

ХОРЪ.

Волю нашу
Ты въ одномъ уже исполнилъ.
А теперь скажи, несчастный,
Изъ какого рода, кто ты,
Гдѣ отечество твое?

ЭДИПЪ.

Я безъ племени, безъ рода —
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

ХОРЪ.

О чемъ ты молишь?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, не надо не пытайте,
Не спрашивайте, кто я.

ХОРЪ.

Что съ тобой?

ЭДИПЪ.

Проклятый родъ.

ХОРЪ.

Отвѣчай?

ЭДИПЪ.

Увы, что дѣлать?
Какъ намъ быть, дитя мое?

ХОРЪ.

Кто отецъ твой?

ЭДИПЪ.

О, родная,
Какъ отвѣтить?

АНТИГОНА.

Говори, —
Все равно, уже не скроешь.

ЭДИПЪ.

Правда, лучше сразу...

ХОРЪ.

Что же
Медлишь, странникъ? Отвѣчай.

ЭДИПЪ.

Знаете Лайтоса?

ХОРЪ.

Горе, о, горе!..

ЭДИПЪ.

Племя Лабдаково?

ХОРЪ.

Боги!

ЭДИПЪ.

Эдипа

Многострадальнаго?

ХОРЪ.

Это—Эдипъ!

ЭДИПЪ.

Не ужасайтесь того, что скажу вамъ.

ХОРЪ.

Страшно, страшно.

ЭДИПЪ.

О, сжальтесь!

ХОРЪ.

Молчи.

ЭДИПЪ.

Что-то будетъ, дитя мое?

ХОРЪ.

Прочь уходи,

Прочь изъ нашей земли!

ЭДИПЪ.

Пощадите!

Какъ же вы обѣщали не гнать насъ?

ХОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

Вѣдь и боги возмездьемъ тому не грозятъ,
Кто за зло платитъ зломъ: покорись, не ропщи
И терпи справедливую кару,
Встань, не медли, бѣги же, скорѣе бѣги,
Чтобъ и насъ не постигло проклятье!

АНТИГОНА.

Граждане добрые,
Если отца-старика не жалѣете
И осудили, не выслушавъ
То, что хотѣлъ онъ сказать о невольной винѣ,
То хоть меня пожалѣйте, несчастную.
Не отступлю, не уйду я и буду молить,—
Не за себя, за отца моего одинокаго,
Я не слѣпыми глазами смотрю вамъ въ глаза,
Не какъ чужая,—какъ дочь
Единородная.
Сжальтесь! Помилуйте!
Будьте, какъ боги: скорбящаго
Милостью чудной обрадуйте.
Всѣмъ заклинаю васъ, всѣмъ, что вы любите:
Славой, отечествомъ, небомъ, дѣтьми!
Люди, подумайте,
Гдѣ же такой человѣкъ, кто бы могъ устоять,
Если влекутъ его боги къ преступному?

ХОРЪ.

Обоихъ васъ жалѣемъ, дочь Эдипа!
Но какъ же быть? Ужасенъ гнѣвъъ боговъ,
И нашихъ словъ мы измѣнить не можемъ.

ЭДИПЪ.

Что пользы людямъ въ ложныхъ похвалахъ,
Когда хвалы дѣла ихъ недостойны?
Вотъ говорятъ: въ Афинахъ чтутъ боговъ,
Находить здѣсь пріютъ гонимый странникъ.

Но на себѣ я этого не вижу:
Послѣдняго убѣжища лишивъ,
Вы гоните меня, боясь лишь звука —
Не дѣлъ моихъ, а имени, затѣмъ,
Что пострадалъ я болѣе, чѣмъ сдѣлалъ, —
Ужъ если то судить, въ чемъ виновать
Я предъ отцомъ и матерью моей,
И что такой вамъ страхъ внушаетъ, люди...
Теперь все это ясно для меня:
Какъ могъ я быть преступнымъ, сдѣлавъ то,
Что и со мною сдѣлали другіе?
Но если бы я даже сознавалъ
Вину мою, то не былъ бы виновенъ;
А я вѣдь шель, не зная самъ куда, —
Тѣ, отъ кого я гибну, это знали.
Вотъ почему, о, граждане, молю,
Теперь, когда я вышелъ къ вамъ — спасите
И, отъ кощунства удержавъ меня,
Вы сами не кощунствуйте: вѣдь боги
И злыхъ, и добрыхъ видятъ на землѣ,
И нѣтъ отъ нихъ спасенья нечестивымъ.
Не омрачайте же святыхъ Аѳинъ
Не добрымъ дѣломъ: разъ уже принявъ
Молящаго, повѣрившаго клятвамъ, —
Помилуйте, спасите до конца.
Слѣпыхъ моихъ очей не презирайте,
Не ужасайтесь скорбнаго лица!
Вѣдь нынѣ къ вамъ, святой и благодатный,
Я съ радостною вѣстью прихожу:
Пока вашъ царь объ этомъ не узнаетъ,
Меня, о, старцы, не гоните прочь!

ХОРЪ.

Намъ кажутся твои слова, Эдипъ,
Разумными, и ничего не можемъ
Мы возразить; хотимъ лишь одного:
Чтобъ обо всемъ узналъ нашъ повелитель.

ЭДИПЪ.

А гдѣ живетъ онъ?

ХОРЪ.

Въ городѣ отцовъ,
Въ Аѳинахъ;—мы за нимъ уже послали
Того, кто вѣсть принесъ намъ о тебѣ.

ЭДИПЪ.

Скажите, какъ вамъ кажется: слѣпого
Почтять ли царь, придетъ ли очь сюда?

ХОРЪ.

О, да, придетъ, твое услышавъ имя.

ЭДИПЪ.

А отъ кого онъ знаетъ?

ХОРЪ.

Путь далекъ,
Но странники вездѣ молву разносятъ.
Отъ нихъ онъ слышалъ о тебѣ: повѣрь,
Онъ будетъ здѣсь. Такъ много объ Эдипѣ
Всѣ говорятъ, что если бь даже царь
И почиваль—услышавъ это имя,
Не медля бы онъ къ намъ пришелъ сюда.

ЭДИПЪ.

Да будетъ же приходъ его на радость
И собственной землѣ его, и мнѣ:
Кто мудръ, тотъ самъ себѣ желаетъ блага.

АНТИГОНА.

О, боги! Что сказать мнѣ, что подумать,
Родимый?..

ЭДИПЪ.

Что, дитя?

АНТИГОНА.

Я вижу: ѣдетъ
Къ намъ женщина на жеребцѣ этнійскомъ.
Защищена отъ солнца голова
Широкой тѣнью шляпы ессалійской.

Она!..

Иль нѣтъ? Ужель обманываетъ зрѣнье?
И да, и нѣтъ! О, горе! Что сказать,
Не знаю...

Она! Она! Никто другой,—чѣмъ ближе,
Тѣмъ ласковѣе взоръ ея очей:
Я узнаю лицо моей Исмены!

ЭДИПЪ.

Что говоришь!..

АНТИГОНА.

Я вижу дочь твою:
Сейчасъ ее по голосу узнаешь.

ИСМЕНА.

О, милые! Отецъ, сестра моя,
Какъ долго я искала, и какъ больно
Васъ видѣть вновь въ такихъ страданьяхъ!

ЭДИПЪ.

Ты ль,

Ты ль это, дочь моя?

ИСМЕНА.

Отецъ мой бѣдный!

ЭДИПЪ.

Пришла ко мнѣ...

ИСМЕНА.

И труденъ былъ мой путь.

ЭДИПЪ.

О, обними же...

ИСМЕНА *(обнимая Эдипа и
Антигону).*

Васъ обоихъ вмѣстѣ!

ЭДИПЪ.

Дитя мое!

ИСМЕНА.

О, горестная жизнь...

ЭДИПЪ.

Не правда ли?

ИСМЕНА.

Всѣ трое мы несчастны.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ пришла, родная?

ИСМЕНА.

Для тебя.

ЭДИПЪ.

Соскучилась?

ИСМЕНА.

И вѣсти принесла.

Вотъ этотъ вѣрный рабъ изъ всѣхъ домашнихъ
Былъ спутникомъ единственнымъ моимъ.

ЭДИПЪ.

А что же братья?

ИСМЕНА.

Имъ не до тебя:

У нихъ въ дому ужасное творится.

О, какъ они похожи на египтянъ
 Обычаемъ и нравомъ, ибо тамъ
 Внутри домовъ сидятъ мужи за прялкой,
 А жены ихъ работаютъ въ поляхъ.
 Такъ тѣ, кому бы должно быть со мною,
 Сидятъ въ дому, какъ дѣвушки, а вы
 Страдаете за нихъ съ отцомъ несчастнымъ;
 Одна изъ васъ, едва не съ дѣтскихъ лѣтъ,
 Едва лишь тѣло дѣвичье окрѣпло,—
 Ужь бродить всюду, водить старика,
 Слеплого, нищаго, и сколько разъ
 Случалось ей, голодной, босоной,
 Въ ночи по лѣсу дикому блуждать,
 Подъ ледянымъ дождемъ пль жгучимъ солнцемъ
 Изнемогать;—и не груститъ о домѣ
 И терпитъ все, чтобъ накормить отца.
 А ты, Исмена, тайно отъ кадмеянъ,
 Намъ принесла пророческую вѣсть
 О томъ, что суждено отцу, и вѣрной
 Защитницей изгнанника была.
 Теперь же вновь съ какой приходишь вѣстью,
 Зачѣмъ ты домъ покинула, скажи?
 Я чувствую, что къ намъ, дитя, не даромъ
 И не безъ горькой вѣсти ты пришла.

И С М Е Н А .

Что вынесла, пока тебя искала,—
 О тѣхъ скорбяхъ не буду говорить,
 Чтобъ не терпѣть ихъ дважды, вспоминая.
 А принесла тебѣ я вѣсть о томъ,
 Что сыновья недоброе готовятъ:
 Сперва они хотѣли уступить
 Креону власть, чтобъ не навлечь на Эпвы
 Проклятiя, что издревле нашъ домъ
 Преслѣдуетъ бѣдой неотвратимой.

Но скоро умъ ихъ злой, иль Рокъ въ сердца
Вложилъ раздоръ, и братъ возсталъ на брата,
И борются, несчастные, за власть.
Ужъ старшаго лишилъ престола младшій.
Изъ дома отчаго изгнавъ, а тотъ—
Гласить молва—бѣжалъ въ глубокой Аргось,
Товарищей-воителей собралъ,
Вступилъ въ союзъ и двинулся на Фивы:
Равнину Кадма Аргось побѣдитъ,
Иль, павъ въ бою, врагамъ даруетъ славу.
Слова мои—не звукъ пустой, а правда
Ужасная.—Когда же надъ тобой,
Отецъ мой, боги сжалятся, не знаю.

ЭДИПЪ.

А развѣ ты надѣялась, что боги
Когда-нибудь помилуютъ меня?

ИСМЕНА.

О, да,—судя по новымъ прорицаньямъ.

ЭДИПЪ.

Но по какимъ? и что они гласятъ?

ИСМЕНА.

Что нѣкогда еиванцы пожелають
Въ отечество Эдипа возвратить
Живымъ иль мертвымъ.

ЭДИПЪ.

А на что, дитя, имъ нуженъ
Такой, какъ я?

ИСМЕНА.

Предрекъ Дельфійскій богъ,
Что лишь въ тебѣ ихъ сила и надежда.

ЭДИПЪ.

Какая сила въ томъ, кого ужъ нѣтъ?

ИСМЕНА.

Сразили боги,—боги и воздвигнуть.

ЭДИПЪ.

Не поздно ли имъ старца воздвигать?

ИСМЕНА.

Такъ знай, отецъ.—Креонъ здѣсь будетъ скоро,
Онъ за тобой придетъ.

ЭДИПЪ.

Креонъ? Зачѣмъ?

ИСМЕНА.

Тебя хотятъ близъ Кадмовой земли
Похоронить, чтобы у нихъ во власти
Ты былъ всегда, но въ землю не вступалъ.

ЭДИПЪ.

Какая же имъ польза, если буду
Покоиться внѣ города?

ИСМЕНА.

Бѣдой,
Въ землѣ враговъ, грозитъ твоя могила.

ЭДИПЪ.

И безъ пророчествъ можно бы понять,
Что это такъ.

ИСМЕНА.

А потому желаютъ
Они тебя на родину вернуть,
Чтобъ не имѣлъ ты власти надъ собою.

ЭДИПЪ.

Покроютъ ли меня землею, Оивъ?

ИСМЕНА.

Покрыть тебя не могутъ той землею,
Гдѣ нѣкогда ты пролилъ кровь отца.

ЭДИПЪ.

Не будетъ же у нихъ мой прахъ вовѣки!

ИСМЕНА.

А если такъ, постигнетъ ихъ бѣда.

ЭДИПЪ.

Скажи, дитя, какая? Что случится?

ИСМЕНА.

Постигнетъ ихъ, отецъ, твой поздній гнѣвъ,
Едва лишь вступятъ сыновья твои
Въ тотъ край, гдѣ ты найдешь приютъ послѣдній.

ЭДИПЪ.

Но отъ кого ты слышала?

ИСМЕНА.

Отъ тѣхъ,
Кто посланъ былъ во храмъ Дельфійскій къ богу.

ЭДИПЪ.

И все это предрекъ имъ Аполлонъ?

ИСМЕНА.

Такъ говоритъ, кто отъ него вернулся.

ЭДИПЪ.

А кто-нибудь изъ сыновей моихъ
Ужъ знаетъ ли объ этомъ?

ИСМЕНА.

Оба знаютъ.

ЭДИПЪ.

И все-таки, забывъ любовь, отцомъ,
Презрѣннѣйшіе, жертвуютъ для власти?

ИСМЕНА.

Сознаться больно мнѣ,—но это такъ.

ЭДИПЪ.

Такъ пусть еще сильнѣй раздуютъ боги
Огонь вражды,—да будетъ суждено
Мнѣ одному окончить эту битву,
Гдѣ нынѣ братъ на брата поднялъ мечъ;
И да падетъ сидящій на престолѣ,
А изгнанный да не вернется вновь!
Отца они въ бѣдѣ не защитили,
Съ безчестіемъ позволили прогнать
Того, кто жизнь имъ далъ, и были рады,
Когда я, всѣми проклятый, бѣжалъ.—
Иль скажете, они меня изгнали
Лишь потому, что я просилъ о томъ?
Но нѣтъ, неправда: ибо въ первый день,
Когда во мнѣ душа еще горѣла,
И было бы отраднѣе всего
Мнѣ умереть, побитымъ быть камнями,
Въ тотъ день меня никто не пожалѣлъ
И моего желанья не исполнилъ;
А лишь потомъ, какъ притупилось горе,
И понялъ я, что превышаетъ казнь
Невольную виину мою безмѣрно,—
Тогда они рѣшили, наконецъ,
Изгнать меня. И сыновья могли бы
Помочь отцу,—могли и не хотѣли,
Не молвили ни слова, потерпѣвъ,

Чтобъ на чужбинѣ я скитался нищимъ,
Чтобъ все имѣлъ отъ этихъ слабыхъ дѣвъ.
Несчастныя,—даютъ отцу, что могутъ:
И кровь, и хлѣбъ насущный, и любовь,
А тѣ, мужи, отца презрѣвъ, мечтаютъ
Царями быть, людьми повелѣвать.
Но помощи моей имъ не дожидаться,
Наслѣдье Кадма въ прокъ имъ не пойдетъ:
То вижу я изъ прорицаній новыхъ
И древнихъ—тѣхъ, что вамъ уже открылъ,
И что теперь надъ нами богъ свершаетъ.
Такъ пусть же, пусть придетъ за мной Креонъ,
Иль кто-нибудь, у нихъ вошедшій въ силу;
О, чужеземцы, если только вы
Окажете мнѣ помощь и богини,
Великія царицы этихъ мѣсть,—
То буду я благословенъ вашимъ
И гибелью для всѣхъ моихъ враговъ!

ХОРЪ.

Воистину вы жалости достойны,
И ты, Эдипъ, и дочери твои.
А такъ какъ намъ принесъ ты вѣсть благоую,
То и отъ насъ прими благой совѣтъ.

ЭДИПЪ.

Исполню все, что скажете, о други.

ХОРЪ.

Священный лѣсъ богинь, гдѣ ты нашель
Себѣ пріютъ, вступая въ эту землю,
Обрядомъ искупительнымъ почти.

ЭДИПЪ.

Какимъ обрядомъ? Научите, старцы.

х о р ъ.

Воды сперва для жертвы почерпни
Изъ родника, струящагося вѣчно,
Рукой благоговѣйной.

э д и п ъ.

А потомъ,—
Когда я свѣтлой влаги почерпну?

х о р ъ.

Тамъ кубки есть—художника созданье;
Ты оберни ихъ ручки и края.

э д и п ъ.

Не шерстью ли, или зеленью древесной?

х о р ъ.

Руномъ чистѣйшимъ молодой овцы.

э д и п ъ.

Когда же я амфоры увѣнчаю?

х о р ъ.

Тогда, лицо къ восходу обративъ,
Ты соверши тройное возліянье.

э д и п ъ.

Изъ этихъ самыхъ чашъ?

х о р ъ.

Лишь три струи—
Изъ первыхъ двухъ, а третій кубокъ—цѣльный.

э д и п ъ.

Что будетъ въ третьемъ?

ХОРЪ.

Только медь съ водой,
Вина же, помни, прибавлять не надо.

ЭДИПЪ.

Когда жъ земля, подь черною листвою,
Таинственная приметъ возлянья?..

ХОРЪ.

То трижды девять масличныхъ вѣтвей
Ты возложи, произнося молитву.

ЭДИПЪ.

Какую? Знать ее важнѣй всего.

ХОРЪ.

Да будутъ тѣ къ пришельцу благосклонны,
Кому даемъ мы имя Эвменидъ,—
Молись о томъ и ты, и всѣ другіе;—
Но шопотомъ чуть слышнымъ говори.
Потомъ, лица назадъ не обращая,
Уйди скорѣй.—Когда исполнишь все,
Приблизимся къ тебѣ уже безъ страха;—
Не то, Эдипъ, смотри—не быть добру.

ЭДИПЪ.

Вы слышали, о дѣти?

АНТИГОНА.

Да, родной мой,—
Приказывай, что дѣлать намъ теперь.

ЭДИПЪ.

Самъ ничего исполнить я не въ силахъ
По немощи двойной—и слѣпотѣ.

И слабости; пусть кто-нибудь, родныя,
Изъ васъ пойдетъ и должное свершитъ;
Одна душа,—но полная любовью,
Въ молитвѣ стоитъ тысячей. Скорѣй
Идите же и возвращайтесь, дѣти!
Пошевелинуть безъ васъ я не могу
Безпомощными членами моими.

И С М Е Н А.

Исполню все.—Но укажите мнѣ,
Старѣйшины, гдѣ мѣсто для обряда?

Х О Р Ъ.

Ступай ты въ рощу, дѣвушка, и тамъ
Найдешь того, кто все тебѣ укажетъ.

И С М Е Н А.

Иду, а ты съ отцомъ побудь, сестра.—
Когда съ любовью трудимся для милыхъ,
То кажется намъ легкимъ всякій трудъ.

Х О Р Ъ.

Строфа первая.

Старое, спящее горе будить
Страшно,—но все же спросить мы хотѣли...

Э Д И П Ъ.

О чемъ?

Х О Р Ъ.

О несказанномъ, неизгладимомъ,
Явномъ страданьи твоемъ.

Э Д И П Ъ.

Именемъ Зевса молю васъ, о, милые,
Не обнажайте позорнаго!

ХОРЪ.

Здѣсь о тебѣ уже слышали многое,—
Нынѣ же знать мы всю правду хотимъ.

ЭДИПЪ.

Тяжко!

ХОРЪ.

О, другъ, умоляемъ...

ЭДИПЪ.

Увы, мнѣ, увы!

ХОРЪ.

Не откажи—и тебѣ не откажемъ.

ЭДИПЪ.

Антистрофа первая.

Зло я терпѣлъ, лишь терпѣлъ, но, свидѣтель мнѣ богъ,
Сердце мое и не чаяло,—
Все противъ воли...

ХОРЪ.

Какое же зло?

ЭДИПЪ.

Люди меня сочетали, не зная, что дѣлаютъ,
Съ матерью въ мерзостномъ бракѣ!

ХОРЪ.

И несказанную святость родимаго ложа
Ты осквернилъ, говорятъ?

ЭДИПЪ.

Горе мнѣ! Смерть—это слышать; молчите!
Боже, вѣдь эти родныя мои...

ХОРЪ.

Что говоришь?..

ЭДИПЪ.

Эти дочери—объ проклятыя!

ХОРЪ.

Зевсъ!

ЭДИПЪ.

Сыномъ зачаты—о, мерзость!—отъ матери!

ХОРЪ.

Строфа вторая.

Это—дѣти твои!..

ЭДИПЪ.

Дѣти и сестры отца.

ХОРЪ.

Страшно!..

ЭДИПЪ.

Страшно вонстину; узель изъ тысячей
бѣдъ!

ХОРЪ.

Ты терпѣль!..

ЭДИПЪ.

То, чего не забыть никогда!

ХОРЪ.

Совершилъ...

ЭДИПЪ.

Не совершалъ ничего...

ХОРЪ.

Какъ?..

ЭДИПЪ.

Увы!

Только принялъ въ подарокъ отъ города то,
Что не долженъ былъ брать я, несчастный.

ХОРЪ.

Антистрофа вторая.

Бѣдный, ты—и убійца?..

ЭДИПЪ.

Что вы? Тихе! О комъ говорите?..

ХОРЪ.

...Отца?

ЭДИПЪ.

Рана за раною,—сжальтесь!

ХОРЪ.

Убилъ?..

ЭДИПЪ.

Да,—но слушайте, есть у меня...

ХОРЪ.

Что? Кончай.

ЭДИПЪ.

Оправданье.

ХОРЪ.

Какое?

ЭДИПЪ.

Убилъ,—

Отрекаться не буду: но развѣ я зналъ,
Что творю? Я предъ богомъ невиненъ!

ХОРЪ.

О, странникъ, вотъ сюда идетъ на зовъ твой
Эгеевъ сынъ, владыка нашъ, Тезей.

(Входитъ царь Тезей.)

ТЕЗЕЙ *(Эдипу.)*

Тебя я знаю: я слыхалъ отъ многихъ,
Какъ ослѣпилъ ты самъ себя, Эдипъ;
Сегодня же узналъ еще и больше,
Молвѣ внимая по пути сюда.
И по твоимъ одеждамъ видно, кто ты,
И по лицу нерадостному... Другъ,
Мнѣ жаль тебя... Скажи, зачѣмъ, о, бѣдный,
Съ какой мольбой приходишь въ городъ нашъ
И ты, и скорбная твоя подруга?
Повѣдай все, и ежели сверхъ силъ
Не будетъ то, о чемъ меня попросишь,—
Я съ радостью готовъ тебѣ помочь:
Вѣдь я и самъ когда-то жилъ въ изгнаньи,
Я тоже скорбь съ младенчества позналъ
И отъ тебѣ подобныхъ, отъ несчастныхъ,
Я никогда лица не отвращалъ:
Я—человѣкъ, и въ томъ, что будетъ завтра,
Не болѣе увѣренъ я, чѣмъ ты.

ЭДИПЪ.

О, царь Тезей, являя благородство,
Безъ лишнихъ словъ, ты позволяешь мнѣ
Такою же отвѣтить краткой рѣчью:
Ты знаешь, кто я, изъ какого рода,
И изъ какой земли сюда пришелъ.

Сказать теперь одно еще осталось—
О чемъ прошу,—и знать ты будешь все.

ТЕЗЕЙ.

Эдипъ ты можешь говорить,—я внемлю.

ЭДИПЪ.

Такъ знай же, царь: я приношу тебѣ,
Какъ даръ, мое страдальческое тѣло:
Немногого по виду стоить даръ мой,
Но пользы больше въ немъ, чѣмъ красоты.

ТЕЗЕЙ.

Скажи, какую разумѣешь пользу?

ЭДИПЪ.

Потомъ ее увидишь,—не теперь.

ТЕЗЕЙ.

Когда же то, что говоришь, свершится?

ЭДИПЪ.

Когда умру,—и здѣсь, въ твоей землѣ,
Ты дашь пріютъ костямъ моимъ усталымъ.

ТЕЗЕЙ.

Все о могилѣ просишь: но для жизни
Не нужно ли чего-нибудь тебѣ?
Или ее уже такъ мало цѣнишь?

ЭДИПЪ.

Живому дать мнѣ хлѣбъ насущный тотъ,
Кто мертвому могилу обѣщаетъ.

ТЕЗЕЙ.

Не многого же хочешь ты, старикъ.

ЭДИПЪ.

Но помни, царь: за этотъ даръ мой скудный
Вы вступите въ великую борьбу.

ТЕЗЕЙ.

Не я ль начну, иль сыновья твои?

ЭДИПЪ.

Они хотятъ вернуть меня насильно.

ТЕЗЕЙ.

Коль такъ, зачѣмъ тебѣ въ изгнаньи жить?

ЭДИПЪ.

Когда молилъ, то не дали вернуться!

ТЕЗЕЙ.

Старикъ, въ бѣдѣ не помогаетъ гнѣвъ.

ЭДИПЪ.

Не говори, пока всего не знаешь.

ТЕЗЕЙ.

Ты правъ, — кончай: я слушаю тебя.

ЭДИПЪ.

Какихъ, какихъ я только мукъ не вынесъ!

ТЕЗЕЙ.

Иль древнее проклятье рода вспомнилъ?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, вѣдь о немъ и такъ ужъ знаютъ всѣ.

ТЕЗЕЙ.

Какое же еще ты вынесъ горе,
Котораго никто не знаетъ?

ЭДИПЪ.

Царь,
Пойми же: дѣти, кровь и плоть моя,
Изъ собственной земли меня прогнали,
И болѣе нельзя отцеубійцѣ
На родину вернуться никогда.

ТЕЗЕЙ.

Но ежели нельзя вернуться, — какъ же
Ты говоришь, что за тобой придутъ?

ЭДИПЪ.

Пророческое слово ихъ принудить.

ТЕЗЕЙ.

Какою же бѣдой грозить имъ богъ?

ЭДИПЪ.

Твоей, о, царь великою побѣдой.

ТЕЗЕЙ.

Изъ-за чего мы вступимъ въ эту брань?

ЭДИПЪ.

Однимъ богамъ, о, милый сынъ Эгея,
Ни старости, ни смерти не видать, —
Но времени все прочее подвластно:

Какъ мощь людей, слабѣтъ мощь земли,
Растетъ измѣна, умираетъ вѣрность,
И клятвы лгутъ, и никакой союзъ
Межъ городовъ, какъ межъ друзей, не вѣченъ:
Вчерашній другъ становится врагомъ;
Но дни бѣгутъ, и вновь онъ будетъ другомъ.
Пока еще съ оиванцами союзъ твой
Безоблаченъ; но времени полетъ
Безчисленные дни родить и ночи,
И нѣкогда нарушить стукъ мечей
Созвучье клятвъ, изъ-за обилы малой.
Тогда напьется дремлющій въ гробу
Холодный прахъ мой ихъ горячей крови,
Коль богъ еще есть богъ, и Фэбъ не лжетъ!
Повѣрь же, царь, и бѣльшаго не требуй:
Запретныхъ тайнъ не должно открывать.
О, лишь теперь исполни обѣщанье, —
Потомъ уже не скажешь никогда,
Что въ тягость былъ Эдипъ землѣ аоинянь,
Коль правда есть въ пророчествахъ боговъ.

ХОРЪ.

О, мудрый царь, объ этихъ прорицаньяхъ
Онъ говоритъ уже не въ первый разъ.

ТЕЗЕЙ.

Какъ не принять, о, граждане, того,
Съ кѣмъ издревле нашъ родъ соединяетъ
Товарищества браннаго союзъ,
Кто именемъ богинь пришелъ молящій
И намъ принесъ неоцѣненный даръ?
О, нѣтъ, такого мужа не отвергну
И гостю дамъ въ землѣ моей приютъ:
Захочешь ли остаться здѣсь, въ Колонѣ,
Старѣйшинамъ тебя мы поручимъ;
Или пойдешь, Эдипъ, со мной въ Аоины, —
Я и на то согласенъ, — выбирай.

ЭДИПЪ.

Да наградить васъ богъ, о, чужеземцы!

ТЕЗЕЙ.

Итакъ, скажи: идешь ли ты въ мой домъ?

ЭДИПЪ.

Да, если мнѣ позволишь; — только прежде...

ТЕЗЕЙ.

Что? Говори, противиться не буду.

ЭДИПЪ.

Я прежде здѣсь враговъ моихъ смирю.

ТЕЗЕЙ.

Да будетъ нашъ союзъ тебѣ во благо.

ЭДИПЪ.

Коль сдѣлаешь ты все, что обѣщаль.

ТЕЗЕЙ.

Довѣрься мнѣ: ужъ я тебя не выдамъ.

ЭДИПЪ

Ты не солжешь: я вѣрю и безъ клятвъ.

ТЕЗЕЙ.

Что говорю, вѣрниѣ всякой клятвы.

ЭДИПЪ.

Но какъ же ты?..

ТЕЗЕЙ.

Чего страшишься вновь?

ЭД И П П Ъ.

За мной придуть...

ТЕЗЕЙ.

Съ тобою будутъ старцы.

ЭД И П П Ъ.

А ты уйдешь?..

ТЕЗЕЙ.

Сперва устрою все.

ЭД И П П Ъ.

Враговъ боюсь...

ТЕЗЕЙ.

А я ихъ жду безъ страха.

ЭД И П П Ъ.

Но знаешь ли?..

ТЕЗЕЙ.

Я знаю, что никто
Изъ рукъ моихъ тебя не вырветъ силой;
Вѣдь мало ли кто въ ярости грозитъ;
Но тщетныя угрозы умолкаютъ,
Какъ только гнѣвъ разсудкомъ побѣжденъ.
А если бы и вздумали еиванцы
Свершить угрозы—по морю ко мнѣ
Не такъ-то имъ легко еще достигнуть.—
Мужайся же, затѣмъ, что, кромѣ насъ,
Тебя и богъ пославшій охраняетъ.
Когда бъ меня здѣсь не было, повѣрь,—
Враги бѣгутъ предъ именемъ Тезея.

х о р ь.

Строфа первая.

Странникъ, пришелъ ты въ счастливѣйшій край,
Въ гордый конями Колонъ бѣломраморный,
Гдѣ по зеленымъ оврагамъ поютъ соловьи

Перекликаются, звонкоголосые;

Вѣчно стаями порхаютъ
Въ чернолиственномъ плющѣ,
Въ заповѣдной тихой рощѣ,
Многоплодной, недоступной
Ни для солнца, ни для бурь,
Гдѣ въ кругу богинь-кормилицъ
Бродить богъ веселій грозныхъ,
Богъ вакханокъ—Діонисъ.

Антистрофа первая.

Здѣсь же цвѣтеть, оживляемый вѣчной росой,
Съ пышными гроздьями, благоухающій,
Древній вѣнецъ Персефоны съ Деметрой—нарциссъ,
И златоцвѣтный шафранъ распускается.

И, бессонные, блуждаютъ
Тихоструйнаго Кефиза
Плодотворные ключи,
Чтобы жаждущей земли
Нѣдра влагой напоить.
Этотъ край и музы любятъ,
И Киприда, чьи бразды
Золотыя правятъ всѣмъ.

Строфа вторая.

Есть у насъ также и дерево чудное:
Слышали мы, что такого нѣтъ въ Азіи,
Ни на дорическомъ островѣ Пелопса—
Не насажденное; но первозданное;
Это — кормилица нашихъ дѣтей,

Ужасъ для копій враговъ,
Тускло сребристая маслина,
Чьихъ побѣговъ святыхъ не ломаетъ никто,
Будь онъ молодъ иль старъ, будь онъ рабъ или царь,
Ибо на маслину окомъ недремлющимъ
Смотритъ и Дій свѣтозарный съ небесъ,
И Афина глазами прозрачно-зеленами.

Антистрофа вторая.

Также помянемъ иную, меньшую
Славу великаго нашего города—
Бога морского подарки безцѣнные—
Конную упряжь и снасть корабельную;
Ибо впервые не здѣсь ли, у насъ,
Царь Посейдонъ укротилъ
Буйную силу коней?
Здѣсь же создалъ для насъ онъ и первый корабль,
Что помчался—о, диво!—съ волны на волну,
Зыбь разсѣкая упругими веслами,
Радостно прыгая въ пѣнѣ играющей,
Нерендъ провожаемый вѣчною пляскою!

АНТИГОНА.

Пришла пора, о, старцы, доказать,
Что этотъ край такихъ похвалъ достоинъ.

ЭДИПЪ.

Что видишь ты, дитя мое?

АНТИГОНА.

Отецъ,
Креонъ сюда идетъ съ толпой эиванцевъ.

ЭДИПЪ.

Теперь мое спасенье довершить
Вы можете, о милые!

ХОРЪ.

Не бойся, —
Не выдадимъ; я старъ, но не старѣеть
Величіе народа моего.

КРЕОНЪ:

По вашимъ лицамъ и глазамъ я вижу,
О, граждане прекраснѣйшей земли,
Что мой приходъ неожиданный васъ пугаетъ;
Но успокойтесь: бранныхъ словъ не надо,
Вамъ причинить насилья не хочу;
Вѣдь я и старъ, и знаю, что вступилъ
Въ сильнѣйшее во всей Элладѣ царство.
Пришелъ же я за этимъ старикомъ,
Чтобъ пригласить его обратно въ землю
Священныхъ Оивъ: народъ меня послалъ,
Затѣмъ, что горю этого страдальца
Оказывать я долженъ больше всѣхъ
Участія, какъ родственникъ ближайшій.—
Итакъ, пойдемъ со мной, Эдипъ мой бѣдный,
Тебя и всѣ кадмеяне зовутъ,
Но больше всѣхъ Креонъ; вѣдь я не извергъ:
И у меня, старикъ, душа болѣла,
Какъ вспомню я, бывало, что одинъ,
Въ чужой землѣ, бездомный и голодный,
Ты бродишь съ юной дочерью. Увы!
Не думалъ я, что бѣдная такъ пала,
Что милостыню нищему отцу
Вымаливаетъ дочь царя-Эдипа,
Почти дитя, безъ матери, безъ мужа,
Добыча первыхъ встрѣчныхъ на пути.
О, горе намъ! Какое поношенье —
Тебѣ и мнѣ, и роду моему!
Но ужъ того, что сдѣлано, не скроешь,
Такъ хоть теперь, по крайней мѣрѣ, спрячь,
Спрячь этотъ стыдъ—богами заклинаю,—

О, милый братъ, послушайся меня!
Пойдемъ со мной, на родину, въ жилище
Отцовъ твоихъ; а съ этою землею
Простись какъ другъ: она того и стоитъ;
Но все-таки ты долженъ больше чтить
Вскормившую тебя, родную землю.

э д и п ъ .

О, дерзостный, умѣющій скрывать
Презрѣнное подъ видомъ благородства.
Опять меня ты манишь въ западню,
Гдѣ, пойманный наплакался бы вдоволь!
А помнишь ли?—въ тѣ дни, какъ я скорбѣлъ
Въ моемъ дому и самъ искалъ изгнанья, —
Тогда вѣдь ты мольбѣ моей не внялъ;
Нѣтъ, лишь потомъ, какъ скорбь уже затихла,
И сладкимъ вновь мнѣ сталъ родной очагъ,
Ты изъ дому меня съ позоромъ выгналъ,
Тогда и узъ родства не пощадилъ,
И вотъ теперь, узнавъ, что я въ Аѳинахъ
Нашелъ пріютъ, опять меня зовешь;
Чтобъ жестко было спать, такъ мягко стелешь!
Зачѣмъ насильно дѣлаешь добро?
Въ минуту бѣды меня вы оттолкнули,
Прозящему не помогли въ нуждѣ,
Чтобы потомъ, какъ все ужъ есть въ избыткѣ,
Навязывать ненужные дары,—
Подумай же, какая въ этомъ радость?
Вѣдь, что теперь ты предлагаешь мнѣ,
По виду сладко, а на дѣлѣ горько.
Но я твое коварство обличу:
Приходишь ты не звать меня въ жилище
Отцовъ моихъ, а хочешь у границъ
Держать въ плѣну, чтобъ не постигла городъ
Отсюда вамъ грозящая бѣда.
Но только знай, не быть тому, и вѣчно
Я буду жить у васъ, какъ демонъ мщенья,

И дамъ земли обоимъ сыновьямъ
Не болѣе, чѣмъ нужно для могилы! —
А что, скажи, — не лучше ли тебя
Я знаю все о Оивахъ? — и вѣриѣ,
Затѣмъ, что Фэбъ и Зевсъ-отецъ не лгутъ;
Твои жъ уста полны хвастливой ложью.
Но берегись: на голову свою
Накличешь ты бѣду... Не вѣришь? — знаю.
Ступай же прочь, а намъ и безъ тебя
Здѣсь хорошо, и лучшаго не надо!

КРЕОНЪ.

Самъ посуди, кому такую рѣчью
Вредишь ты больше — мнѣ, или себѣ?

ЭДИПЪ.

Какъ буду радъ, когда ни этихъ гражданъ
Ты обмануть не сможешь, ни меня.

КРЕОНЪ.

Стыдись, стыдись, — такихъ годовъ преклонныхъ
Достигъ, а все еще не поумнѣлъ.

ЭДИПЪ.

Языкъ твой остръ, но праведный не долженъ
Съ искусствомъ равнымъ говорить про все.

КРЕОНЪ.

Да, говорить умѣетъ каждый много,
Но коротко и хорошо — не всѣ.

ЭДИПЪ.

А ты — умѣешь говорить и кратко,
И хорошо?

КРЕОНЪ.

Не для такихъ, какъ ты.

ЭДИПЪ.

Одно тебѣ скажу — за этихъ гражданъ
И за себя: ступай ты лучше прочь —
Развѣдчикомъ пришелъ сюда напрасно!

КРЕОНЪ.

Какъ смѣешь ты съ друзьями говорить, —
Свидѣтели да будутъ эти старцы,
Коль только въ руки попадешься мнѣ.

ЭДИПЪ.

А кто меня въ землѣ аѳинянъ силой
Дерзнетъ схватить?

КРЕОНЪ.

Ну, что жъ, — не отъ того,
Такъ, можетъ-быть, поплачешь отъ другого.

ЭДИПЪ.

Что это значитъ?

КРЕОНЪ.

Дочь твою одну
Ужъ я схватилъ и отослалъ подальше.
Сейчасъ возьму другую.

ЭДИПЪ.

Горе! Горе!

КРЕОНЪ.

Не такъ еще застонешь — погоди.

ЭДИПЪ.

Исмена, дочь моя!..

КРЕОНЪ.

Схвачу и эту!

ЭДИПЪ.

О граждане, не выдавайте насъ,
Безбожнаго отсюда прогоните!

ХОРЪ.

Поди ты прочь скорѣе: ибо зло
Всегда творишь ты, нынѣ, какъ и прежде.

КРЕОНЪ.

Сюда, рабы! Сама она нейдетъ,
Схватите же и силой уведите.

АНТИГОНА.

О, горе мнѣ! Куда, куда бѣжать,
Кто изъ боговъ иль смертныхъ намъ поможетъ?

ХОРЪ.

Что дѣлаешь? Опомнись...

КРЕОНЪ.

Ничего,
Не бойтесь: гостя вашего не трону,
Я только дочь сестры моей возьму.

ЭДИПЪ.

Властители народа!..

ХОРЪ.

Ты неправду
Творишь...

КРЕОНЪ.

Нѣтъ, правду.

ХОРЪ.

Какъ?..

КРЕОНЪ.

Свое беру.

ЭДИПЪ.

Строфа.

На помощь! на помощь!

ХОРЪ.

Не смѣй его трогать, а то нашихъ рукъ,
Безумецъ, узнаешь ты силу!

КРЕОНЪ.

Пустите, пустите!

ХОРЪ.

При насъ не дадимъ
Свершить незаконное дѣло!

КРЕОНЪ.

Кто первый ударить меня, — оскорбить
Священныя Оивы...

ЭДИПЪ.

О старцы!
Вы помните: я вѣдь предсказывалъ вамъ!..

ХОРЪ.

Оставь эту дѣвушку, слышишь? — оставь!

КРЕОНЪ.

Надъ ней не имѣете власти!..

ХОРЪ.

Оставь, говоримъ...

КРЕОНЪ.

Говорю вамъ и я:
Прочь, прочь, а не то берегитесь!..

ХОРЪ.

На помощь, на помощь! О, граждане, къ намъ!
Вашъ городъ позорять, насилье творять!
Сюда! Помогите!

АНТИГОНА.

Увы! Влекутъ меня, о, старцы, старцы!

ЭДИПЪ.

Родная, гдѣ же ты?..

АНТИГОНА.

Уводятъ силой...

ЭДИПЪ.

Подай мнѣ руку...

АНТИГОНА.

Не могу, отецъ!..

КРЕОНЪ.

Скорѣй, скорѣй!

ЭДИПЪ

Несчастный я, несчастный!

КРЕОНЪ.

Теперь безъ этихъ посоховъ обоихъ
Постранствуешь!.. На родину возсталъ,
На близкихъ, тѣхъ, чью волю исполняю,
Хотя, какъ царь, и самъ имѣлъ бы власть:
Такъ радуйся же, — вотъ твоя побѣда!
Но, можетъ-быть, со временемъ поймешь,
Что злѣйшій врагъ — ты самъ себѣ, и нынѣ,
Какъ прежде, всѣмъ друзьямъ наперекоръ,
Предавшійся неистовому гнѣву,
Причинѣ бѣдъ твоихъ...

ХОРЪ.

Остановись!

КРЕОНЪ.

Вамъ говорю — пустите!

ХОРЪ.

Не позволимъ

Мы увести ее...

КРЕОНЪ.

Такъ вотъ же, знайте:

Не только ихъ обѣихъ уведу,
Но и еще заложника другого.

ХОРЪ.

Что хочешь, дерзкій?

КРЕОНЪ (*указывая на Эдипа*).

И его схватить!

ХОРЪ.

Ты лжешь!

КРЕОПЪ.

А вотъ увидите сейчасъ,
Какъ только мнѣ вашъ царь не помѣшаетъ.

ЭДИПЪ.

Поднять дерзнешь ты руку на меня?

КРЕОНЪ.

Молчи, старикъ, молчи!..

ЭДИПЪ.

Вопить я буду,
И голосъ мой достигнетъ до богинь,
Царящихъ здѣсь: о, будь ты проклятъ, извергъ,
За то, что хочешь вырвать у слѣпца
Послѣдній свѣтъ, единственное око!
Подъ старость жизнь такую, какъ моя,
Да ниспошлетъ богъ Геліосъ всезрящій
Тебѣ, злодѣй, и роду твоему!

КРЕОНЪ.

Вы слышите, о, чужеземцы?

ЭДИПЪ.

Слышать
Обоихъ насъ и, думаю, скорбятъ,
Что я плачу за дѣло только словомъ.

КРЕОНЪ.

Нѣтъ, долѣе терпѣть я не могу:
Хоть одинокъ и удрученъ годами,
Схвачу его и силой уведу!

ЭДИПЪ.

Антистрофа.

О, горе мнѣ! Горе!

ХОРЪ.

И хочешь такое ты дѣло свершить
Въ землѣ у чужого народа?

КРЕОНЪ.

Хочу.

ХОРЪ.

Ну, такъ, значить, Аѳинъ уже нѣтъ!

КРЕОНЪ.

Да, въ праведномъ дѣлѣ сильнѣйшихъ враговъ
Порой побѣждаетъ и слабый.

ЭДИПЪ.

Вы слышите, граждане, слышите?..

ХОРЪ.

Пусть!

Не бойся, тебя онъ не тронетъ.

КРЕОНЪ.

Пока это знаетъ одинъ только Зевсъ.

ХОРЪ.

Смѣешься надъ старостью нашей?..

КРЕОНЪ.

Смѣюсь. —

И нечего дѣлать, — терпите!

ХОРЪ.

Бѣгите, бѣгите изъ города всь,
О, царь и народъ, отомстите за насъ!
Обида! Обида!

ТЕЗЕЙ.

Что за крикъ? О чемъ тревога? Повелителю морей
Не успѣлъ я кончить жертвы, какъ услышалъ этотъ
крикъ.

Что случилось? Что случилось? Говорите, старики!
И зачѣмъ царя въ смятеньи вы заставили бѣжать?

ЭДИПЪ.

По голосу тебя я узнаю...
О, другъ, меня обидѣли жестоко!

ТЕЗЕЙ.

Чѣмъ? Кто тебя обидѣлъ? Говори.

ЭДИПЪ.

Креонъ, вотъ тотъ, кого здѣсь видишь,—отнялъ
Дѣтей моихъ послѣднихъ у меня!

ТЕЗЕЙ.

Что ты сказалъ?..

ЭДИПЪ.

Увель, увель обѣихъ!

ТЕЗЕЙ.

Скорѣй, одинъ изъ слугъ моихъ, бѣги
Назадъ, во храмъ, вели всему народу,
И конному, и пѣшему, алтарь

И жертвенный обрядъ тотчасъ покинувъ,
Бѣжать и гнать коней во весь опоръ
Туда, гдѣ обѣ сходятся дороги,
Чтобъ не успѣли дѣвушки пройти,
И чтобы намъ для пришлецовъ, насилье
Творящихъ здѣсь, посмѣшищемъ не быть.
Иди, иди скорѣй.—А этотъ дерзкій
Не вышелъ бы изъ рукъ моихъ живымъ,
Коль волю бѣ далъ я праведному гнѣву!
Но мы его разсудимъ по законамъ,
Съ какими онъ и самъ пришелъ сюда.

(Креону.)

Пока мнѣ ихъ не приведешь обѣихъ
И не отдашь, не выпущу тебя:
Вѣдь ты творишь не только намъ безчестье,
Но и своей землѣ, и роду. Какъ?
Придя въ страну, гдѣ чтутъ законы свято
И правый судъ по нимъ творять,—презрѣлъ
Ты нашу власть, кидаешься, хватаешь,
Людей уводишь силою! Скажи,
Иль думалъ ты, что нѣтъ мужей въ Аѳинахъ,
Что здѣсь земля рабовъ, и я—ничто?
Или такимъ дѣламъ ты научился
Въ родной землѣ? Но тамъ, какъ и у насъ,
Не любятъ злыхъ и, думаю, не будутъ
Хвалить за то, что ты, наперекоръ
Богамъ и мнѣ, дѣтей насильно отнялъ
У бѣднаго, молящаго слѣпца.
Вѣдь если бѣ я пришелъ въ твою отчизну,—
Хотя бѣ на то имѣлъ я всѣ права,
Наперекоръ владыкѣ, кто бѣ онъ ни былъ,—
Я не дерзнулъ бы гражданъ уводить,
И зналъ бы я, какъ подобаесть гостю
Въ чужой землѣ съ царями поступать.
А ты позоришь собственную землю,
Безвинную, и, кажется, года,

Состаривши тебя, не умудрили.—
Вотъ я сказалъ и повторяю вновь:
Вели тотчасъ ихъ привести обратно,
Коль ты остаться не желаешь здѣсь,
Въ землѣ моей, невольнымъ поселенцемъ;—
Сказалъ,—и словъ моихъ не измѣню.

хоръ (Креону).

Вотъ до чего дошелъ ты, родомъ славный,
На дѣлѣ же—безстыдный человѣкъ!

КРЕОНЪ.

Не думалъ я, конечно, сомнѣваться
Ни въ разумѣ, ни въ доблести Аѳинъ.
Пришелъ же я, не зная, что къ Эдипу
Вы нѣжностью исполнитесь такой
Ревнивою, чтобъ, мнѣ наперекоръ,
Насильственно родныхъ моихъ лелѣять.
И думалъ я—у васъ не принимаютъ
Отцеубійца, безбожниковъ съ дѣтьми,
Зачатыми въ кровосмѣшенъи гнусномъ.
Я полагалъ: разумнѣйшій совѣтъ,
Великіе мужи Ареопага
Такихъ бродягъ не терпятъ здѣсь, и, въ томъ
Увѣренный, я взялъ мою добычу.
Но все-таки не поступилъ бы такъ,
Когда бъ онъ самъ не произнесъ ужасныхъ
Проклятій мнѣ и роду моему.
Но, видно, гнѣва не смиряютъ годы,
А только—смерть: лишь мертвые врагамъ
Прощаютъ все.—Ну, а теперь, какъ знаешь,
Ты поступай: васъ много, я—одинъ.
Вы можете невиннаго обидѣть,
Но помните: насколько хватитъ силъ,—
Противиться я буду злomu дѣлу.

Кого же мыслишь наглыми устами.
 Ты очернить—меня или себя
 Когда кричишь: злодѣй, кровосмѣситель,
 Отцеубійца,—попрекая тѣмъ,
 Что дѣлалъ я, несчастный, противъ воли
 Къ чему Эдипа боги привели,
 Давно уже мой родъ возненавидѣвъ?
 А самъ я—чистъ, и на душѣ моей
 Ни одного пятна ты не отыщешь,
 Которымъ бы себя или родныхъ
 Я осквернилъ. За что же ты порочишь
 Невиннаго, коль боги предрекли
 Въ тѣ дни, какъ я еще и не рождался,
 Что сынъ убьетъ отца,—за что, скажи?
 Но если такъ и поступилъ несчастный,
 Не вѣдая, ни что ни съ кѣмъ творить,
 Назначенное Рокомъ исполняя,
 То какъ же смѣешь ты его судить?
 И съ матерью еще мой бракъ ты вспомнилъ,
 Сестрой твоей, и говорить о томъ
 Безбожный твой языкъ не постыдился!
 Такъ слушай,—вотъ я обличу тебя
 И въ этой лжи: что мать она родная,
 Родная мнѣ—о, горе!—я не зналъ,
 Какъ и она, когда зачавъ отъ сына,
 Дѣтей своихъ, позоръ свой родила.
 Но вижу я одно: ты добровольно
 Сестру свою позоришь и меня;
 А я тогда невольно это дѣлалъ,
 Какъ и теперь невольно говорю.
 За этотъ бракъ никто меня преступнымъ
 Не назоветъ, какъ и за кровь отца,
 Чѣмъ ты меня такъ горько попрекаешь,
 Но будь же добръ, отвѣть лишь на одно:
 Коль здѣсь, сейчасъ, о, мужъ, столь непорочный,

Убить тебя хотѣлъ бы кто-нибудь,
Ты сталъ ли бы выпытывать сначала,
Убійца тотъ—не есть ли твой отецъ,
Или ему ты сразу отплатилъ бы?
Мнѣ кажется, что если только жизнь
Тебѣ мила,—обидчика казнилъ бы,
Не размышляя, правъ ты или нѣтъ.
Меня толкали сами боги въ бездну,
Куда я палъ; и мнѣ перечить въ томъ,
Я думаю, родитель мой не сталъ бы.
Коль слышать бы онъ могъ мои слова.
А ты, въ душѣ надъ правдою смѣясь,
Всегда сказать готовый съ легкимъ сердцемъ
И то, что можно, и чего нельзя,—
Ты у чужихъ людей порочишь старца,
И говоря, что правда здѣсь царить,
Превознося Аѳины и Тезея,
Хоть не жалѣлъ похвалъ, а все жъ забылъ
Ты главное: что лучше всѣхъ народовъ
Аѳиняне умѣютъ чтить боговъ.
Такъ какъ же хочешь ты увлечь, безумецъ,
Отъ Зевса къ нимъ пришедшаго слѣпца,—
У бѣднаго дѣтей отнять насильно?
Я умолю царящихъ здѣсь богинь,
Усердно къ нимъ взывая: да помогутъ
Да защитятъ меня, чтобъ ты узналъ,
Какой народъ живетъ въ святыхъ Аѳинахъ!

ХОРЪ.

Ты видишь, царь, что это человѣкъ—
Несчастнѣйшій, но праведный, достойный
И помощи, и милости твоей.

ТЕЗЕЙ.

Довольно словъ: пока враги съ добычей
Спѣшатъ уйти, здѣсь праздно мы стоимъ.

КРЕОНЪ.

Я слушаю: тому, кто безоруженъ,
Повелѣвай.

ТЕЗЕЙ.

Ступай, ступай впередъ,
Указывай дорогу,—если спряталъ
Поблизости похищенныхъ дѣтей,
Веди насъ къ нимъ. А если и бѣжали
Грабители съ добычей,—не бѣда:
Ужъ всадники мои ихъ нагоняютъ
И перейти границы не дадутъ.
Итакъ, иди впередъ и помни: сѣти
Разставивъ, самъ ты попадешься въ нихъ,
Добытаго обманомъ не удержишь;
И отъ своихъ ты помощи не жди,
Затѣмъ, что я вѣдь знаю: безоружнымъ,
Хотя и наглъ, прійти бы ты не смѣлъ
Въ чужую землю для такого дѣла:
На что-то есть надежда у тебя,
И это мы развѣдаемъ, чтобъ не былъ
Народъ слабѣ мужа одного.
Ты понялъ ли?—иль все еще, какъ прежде,
Когда ты это дѣло замышлялъ,
Надѣешься, что рѣчь моя безсильна?

КРЕОНЪ.

Я здѣсь тебѣ не стану возражать;
Когда вернусь домой—на все отвѣчу.

ТЕЗЕЙ.

Ступай, ступай,—потомъ грозить успѣешь,
А ты, Эдипъ, не бойся ничего:
Коль буду живъ,—повѣрь, не успокоюсь,
Пока тебѣ дѣтей не возвращу.

Эдипъ.

Благословенъ да будешь ты, владыка,
За все твои заботы обо мнѣ.

Хоръ.

Строфа первая.

Если бъ быть мы могли
Тамъ, гдѣ врагъ со врагомъ
Скоро скрестятъ мечи,
И въ пыли загремитъ
Мѣднобранный Арей,
Иль у жертвенника Фѣба,
Иль у рощи Элевзинской,
Гдѣ толпы лампадоносцевъ
Ходятъ по ночамъ
Гдѣ богини Плодородья
Таинства блюдутъ,
Гдѣ уста у посвященныхъ
Строгимъ замкнуты обътомъ—
Элевзинскаго молчанья
Золотымъ ключомъ.
Тамъ, я думаю, ужъ нынѣ
Царь Тезей, освобождая
Юныхъ дѣвъ, побѣднымъ кликомъ
Ужаснулъ врага.

Антистрофа первая

Иль въ другой сторонѣ
Въ Эатидскихъ поляхъ,
На закатѣ, у горъ,
Гдѣ межъ тучъ, по скаламъ
Бѣлый иней блеститъ,
Въ бысролетныхъ колесницахъ
Горячатъ коней вожжами
Бѣглецы, врага почуявъ,
Но не убѣгутъ

Ибо нашъ Арей—ужасенъ,
Нашъ Тезей—великъ.
За спиной—погони топоть,
Дышать вспѣнныя морды
Жеребцовъ неукротимыхъ,
Блещуть удила:
Это наши, наши кони,
Посвященные Палладѣ
И колеблющему Землю,
Богу волнъ морскихъ!

Строфа вторая.

Битву ужъ кончили, или замедлили?
Сердце предчувствуетъ радость великую:
Къ отчему лону вернется невинная,
Дѣва страдальца, всеми гонимая,
И свершится воля Зевса!
Битву славную пророчимъ:
Легкокрылой бы голубкой
Намъ взлетѣть подъ облака,
Чтобъ взглянуть на эту битву
Зоркимъ окомъ съ высоты!

Антистрофа вторая.

Зевсъ, олимпійцевъ владыка всевидящій,
Съ дочерью славной, Аѳиной-Палладою,
Даруй воителю силу побѣдную,
Въ сѣти царицы—добычу желанную:
Молимъ Фэба-Звѣролова
И Охотницу на ланей
Быстроногихъ, пестрокожихъ,
Аполлонову сестру,
Да придутъ они на помощь
И народу, и царю!

О гость чужой земли, пророкомъ лживымъ
Не назовешь меня: уже идутъ,
Идутъ сюда, дѣтей твоихъ я вижу.

ЭДИПЪ.

Что говоришь? Гдѣ?.. Гдѣ?..

АНТИГОНА.

Отецъ! Отецъ

О, если бѣ Зевсъ того благого мужа
Увидѣтъ даль слѣпымъ твоимъ очамъ,
Кто спасъ дѣтей твоихъ!

ЭДИПЪ.

Ужели, дѣти,

Вы здѣсь, опять со мной?..

АНТИГОНА.

Рука владыки

И добрыхъ слугъ освободила насъ

ЭДИПЪ.

Придите же ко мнѣ, родныя, дайте
Скорѣй обнять нежданныхъ!..

АНТИГОНА.

Мы идемъ,

Сейчасъ тебя обнимемъ и утѣшимъ

ЭДИПЪ.

О, гдѣ же?.. Гдѣ же?..

АНТИГОНА.

Здѣсь мы обѣ,—вотъ!

ЭДИПЪ.

О, милыя!..

АНТИГОНА.

Родному все вѣдь мило...

ЭДИПЪ.

Послѣдній свѣтъ, послѣдній посохъ мой!..

АНТИГОНА.

Для жалкаго скитальца—жалкій посохъ!

ЭДИПЪ.

Теперь, когда онѣ опять со мною,
Совсѣмъ несчастнымъ я ужъ не умру.
О, дѣти, крѣпче, крѣпче обнимите,
Прижмитесь къ тѣлу дряхлому,—вотъ такъ...
Не правда ли, вѣдь кончена разлука!
Вы больше не покинете меня?
Ну, расскажите все, что было, кратко,
Какъ подобаетъ въ ваши годы...

АНТИГОНА (*указывая на Тезея*).

Вотъ

Спаситель нашъ; его, отецъ, послушай.
Прибавить мнѣ останется потомъ
Немногое.

ЭДИПЪ (*Тезею*).

Не удивляйся, другъ,
Что не могу наговориться вдоволь
Съ дѣтьми, ко мнѣ вернувшимися вновь,
Когда ужъ я возврата ихъ не чаялъ.
Я знаю, ты вѣдь спасъ ихъ—ты одинъ,
Никто другой; тебя за эту радость,
Единственно тебя благодарю!
Безсмертные да наградятъ Тезея
И городъ вашъ, затѣмъ, что на землѣ
У васъ однихъ нашель я справедливость
И вѣрность клятвъ, и благочестье;—да,
По опыту я нынѣ это знаю,
Все, что имѣю, ты одинъ мнѣ далъ,

И болѣе никто, никто изъ смертныхъ!..
Коснуться же позволь руки твоей,
Поцѣловать, какъ брата, если можно,
Но нѣтъ, какъ смѣю? что я говорю?
Я чистаго моимъ прикосновеньемъ
Не оскверню, и если бъ ты хотѣлъ,
Не допущу:—къ несчастнымъ подходить
Лишь опытнымъ въ страданьяхъ должно людямъ...
Привѣтствуя же издали тебя,
Молю, владыка: впредь, какъ и донинѣ,
Будь справедливъ и милостивъ ко мнѣ!

ТЕЗЕЙ.

О, нѣтъ, за то, что говоришь такъ долго
И ненасытно съ милыми дѣтьми,—
Я не сержусь: тебѣ, конечно, съ ними
Бесѣдовать отраднѣй, чѣмъ со мной;
И я не жду похвалъ твоихъ: не словомъ,
А дѣломъ я прославиться хочу.
Какъ видишь самъ, я не нарушилъ клятвы,
Возлюбленныхъ дѣтей твоихъ вернулъ
И отдаю тебѣ ихъ, невредимыхъ.
Какъ было все, узнаешь ты отъ нихъ,
А намъ побѣдой хвастать не пристало.
Послушай же ты лучше, что узналъ
Я по пути сюда: вѣдь какъ ни кратка,—
Достойна удивленья эта вѣсть:
Кто мудръ,—ничѣмъ пренебрегать не долженъ.

ЭДИПЪ.

Что слышалъ ты, владыка, расскажи:
Объ этомъ здѣсь мы ничего не знаемъ.

ТЕЗЕЙ.

Тамъ, говорятъ, какой-то чужеземецъ,
Тебѣ родня, хотя и не изъ Фивъ,

Сидить, обнявъ алтарь морского бога,
Гдѣ только что я жертву приносилъ.

ЭДИПЪ.

Откуда онъ? О чемъ онъ молитъ бога?

ТЕЗЕЙ.

Одно я знаю: у тебя просить
Нетруднаго и малаго онъ хочетъ.

ЭДИПЪ.

Чего? Едва ль о маломъ просить тотъ,
Кто къ жертвеннику бога припадаетъ.

ТЕЗЕЙ.

Я слышалъ такъ, что хочетъ онъ съ тобой
Поговорить и мирно удалиться.

ЭДИПЪ.

Но кто же онъ?

ТЕЗЕЙ.

Подумай: у тебя
Такого нѣтъ ли въ Аргосѣ родного,
Кто бъ могъ просить о томъ?

ЭДИПЪ.

Молчи, молчи,
О, другъ, молю, довольно!..

ТЕЗЕЙ.

Что съ тобою?

ЭДИПЪ.

Не спрашивай...

ТЕЗЕЙ.

Но почему?

ЭДИПЪ.

Я понялъ,
Кто говорить со мною хочеть...

ТЕЗЕЙ.

Кто?
И въ чемъ его вина передъ тобою?

ЭДИПЪ.

Царь, это—сынъ мой, злѣйшій изъ враговъ.
Тотъ чьи слова мнѣ горше смерти!..

ТЕЗЕЙ.

Можешь,
Узнавъ, зачѣмъ пришелъ онъ, отказать;
Но выслушать его ужели трудно?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, Тезей, не принуждай меня,—
Звукъ голоса его мнѣ ненавистенъ.

ТЕЗЕЙ.

Но хорошо ли дѣлаешь, смотри:
Вѣдь именемъ боговъ тебя онъ молитъ.

АНТИГОНА.

Хотя еще я молода, отецъ,
Не отвергай ты моего совѣта:
Почтить боговъ Тезею не мѣшай,—
Да приметъ онъ молящаго пришельца:
Послушай насъ и брата не гони.
Вѣдь что бы онъ ни говорилъ, рѣчами
Насильственно тебя не убѣдитъ.
Такъ выслушай—не бойся, ибо злые
Словами злое сердце обличать.
Онъ все же—сынъ твой: если бы тебѣ
Онъ причинилъ и злѣйшую обиду,
Не долженъ бы ты мстить ему, отецъ!

Прими его;—страдають и другіе,
Не ты одинъ, отъ собственныхъ дѣтей,
Но слушаются добраго совѣта
Друзей своихъ и украшаютъ гнѣвъ.
О, вспомни мать, отца, какія муки
Ты самъ отъ нихъ, невинный, претерпѣлъ.
Пойми, что гнѣвъ всегда рождаетъ бѣды,
И зло приноситъ злѣйшіе плоды,
Чему твои невидящія очи—
Свидѣтельство и горестный примѣръ...
Нехорошо, чтобы молили долго
О справедливомъ; уступи же намъ
И милостью умѣй платить за милость.

Эдипъ.

Да будетъ такъ, хоть знаешь ты, дитя,
Что нелегко исполнить эту просьбу
Но только, царь, когда мой сынъ придетъ,—
Ты защити, не дай меня въ обиду.

Тезей.

Зачѣмъ объ этомъ дважды говорить?
Не хвастая, скажу, старикъ, и вѣрь мнѣ:
Коль Зевсъ меня спасетъ, спасенъ и ты.

Хоръ.

Строфа.

Безразсудны и жалки, я думаю, тѣ,
Кто продлить хочетъ жизньъ выше мѣры,
Ибо долгая жизньъ—только долгая скорбь:
Каждый день приближаетъ къ страданью,
А покоя ни въ чемъ все равно не найдешь,
Если слишкомъ ты многого хочешь.—
Вотъ придетъ, смотри, безъ брака

И безъ лиры, и безъ хоровъ,
Всѣ желанья утоляя,
Парка тихаго Аида—
Утѣшительница-смерть.

Антистрофа.

Величайшее первое благо—совсѣмъ
Не рождаться, второе—родившись,
Умереть поскорѣй, а едва пролетитъ
Неразумная, легкая юность,—
То ужъ, кончено,—мукамъ не будетъ конца:
Зависть, гнѣвъ, возмущенья, убійства;
И предѣлъ всему послѣдній—
Одинокая, больная,
Злая, немощная старость,
Ненавистная, проклятье
Изъ проклятій, мука мукъ!

Эподось.

Такъ же, какъ я, это знаешь и ты,
Старый, покинутый!
Словно въ пучинѣ на Сѣверѣ
Голый утесъ, ударяемый
Снѣжною бурей и волнами,
Ты, одинокій, стоишь;
И на тебя отовсюду бѣгутъ
И разбиваются съ яростью
Страшныя волны, страданія вѣчныя,
Тѣ отъ Востока, другія — отъ Запада
И отъ полуденныхъ странъ,
И отъ Рифея ночного, отъ Сѣвера дикаго!

АНТИГОНА.

Отецъ, я вижу, чужеземецъ къ намъ
Сюда идетъ, молящій, одинокій;
Глаза его полны слезами...

ЭДИПЪ.

Кто?

АНТИГОНА.

Онъ тотъ, кого мы ждали—Полиникъ.

ПОЛИНИКЪ.

Увы, съ чего начну, кого оплачу—
Себя, сестеръ иль дряхлаго отца?
Вотъ у чужихъ людей его я вижу,
Покинутаго всѣми, кромѣ васъ,
Въ грязи, въ лохмотьяхъ нищенскихъ, истлѣвшихъ
Отъ старости на этомъ старомъ тѣлѣ;
И спутанные волосы повисли
На впадины слѣпыхъ его очей,
И вѣтеръ ихъ пустынный развѣваетъ;
И думаю, что такова и пища
Утробы жалкой. Горе! Горе мнѣ!
Я все это увидѣлъ слишкомъ поздно
И не пришелъ къ тебѣ, и не помогъ...
Теперь ужъ, знаю, нѣтъ мнѣ оправданья
Но пусть, какъ рядомъ съ Зевсомъ возсѣдаетъ
На небѣ Милость, такъ и здѣсь съ тобой.
Прости! Вѣдь злого дѣла увеличить
Уже нельзя, но можно искупить...

Молчишь?..

Хоть что-нибудь скажи, отецъ; отъ сына
Не отвращай лица... Ужели молча
Меня съ такимъ презрѣньемъ оттолкнешь,
Не удостоивъ даже гнѣвнымъ словомъ?
Ну, умолите же его хоть вы,
Чтобъ, сжатая въ безмолвіи угрюмомъ,
Уста его открылись, наконецъ,
Чтобы меня, пришедшаго отъ Зевса,
Отецъ съ такимъ безчестьемъ не прогналъ!

Повѣдай самъ, зачѣмъ пришелъ, несчастный:
Изъ многихъ словъ, бываетъ, что одно
Склоняетъ вдругъ къ отвѣту безотвѣтныхъ,
Внушая радость, жалость или гнѣвъ.

П О Л И Н И К Ъ .

Да, твой совѣтъ разумный я исполню:
Сперва въ защиту бога призову,
Чей жертвенникъ обнявъ, царя Тезея
Я умолилъ—и онъ позволилъ мнѣ
Притти сюда, сказать отцу, что надо,
И удалиться мирно: вотъ и все,
О чемъ я васъ прошу, о, чужеземцы;
Сестерь моихъ и моего отца.—
Теперь скажу, Эдипъ, зачѣмъ пришелъ я:
Изъ Фивъ меня прогнали потому,
Что я хотѣлъ, какъ первенецъ, по праву,
Твоимъ престоломъ царственнымъ владѣть;
Да, вотъ за что я младшимъ братомъ изгнанъ!
Не мудростью онъ побѣдилъ меня
И не мечомъ въ открытомъ поединкѣ,
А хитростью народъ мой обольстивъ.
И думаю, что это совершила,
Готовя мечь, Эриннія твоя:
Такъ говорятъ и вѣщія пророки.—
Тогда въ глубокой Аргосъ убѣжавъ,
На дочери Адраста я женился,
Вступилъ въ союзъ съ храбрѣйшими людьми,
Что первыми слывутъ въ метаньи копій;
И семь дружинъ объединивъ, на Фивы
Повель въ походъ, чтобъ умереть въ бою,
Иль побѣдить, съ престола свергнувъ брата.—
Но, спросишь ты, зачѣмъ же я теперь
Сюда пришелъ?—Чтобы твои колѣни,
Отецъ, съ мольбой усердною обнять

И за себя и за вождей союзныхъ,
Что—семеро у семивратныхъ Оивъ
Уже покрыли всю равнину войскомъ:
Изъ нихъ въ гаданьи по полету птицъ
И въ брани первый—колебатель копій
Амфіарей. Второй—Инеевъ сынъ,
Тидей отважный, родомъ этоліецъ.
Изъ Аргоса же третій—Этеокль.
Иппомидонъ—четвертый посланъ къ Оивамъ
Отцомъ Талаемъ. Пятый—Капаней,
Опустошить огнемъ грозить Кадмею.
Шестой аркадскій вождь—Парѣнопей,
Отъ матери, отъ гордой Аталанты,
Хранившей долго дѣвственность, дитя
Любимое, онъ принялъ это имя.
И я—седьмой, по имени твой сынъ,
Вѣрнѣе же, что сынъ я злого Рока,—
На Оивы рать безстрашную веду.
И этими дѣтьми, твоею жизнью
Тебя, родной, мы заклинаемъ всѣ,
Прости, забудь свой гнѣвъ неумолимый,
Хотя бъ теперь, когда я брату мщу,
Изгнавшему меня съ такимъ безчестьемъ!
Тотъ побѣдитъ, съ кѣмъ вступишь ты въ союзъ,
Коль должно вѣрить прорицаньямъ Фэба.
Вотъ, именовъ отеческихъ боговъ,
Источниковъ священныхъ, умоляю, —
Такому же несчастному, какъ ты,
Не откажи; вѣдь оба мы—скитальцы,
Обоихъ насъ единый гонитъ Рокъ,
И хлѣбъ чужихъ людей—обоимъ горекъ,
Межъ тѣмъ, какъ тотъ, увы, властитель Оивъ,
Надъ нашими мученьями смѣется!
Но вѣръ, злодѣя скоро и легко
Мы побѣдимъ, коль будешь ты со мною,
Отецъ; — домой я возвращу тебя
И самъ вернусь, съ позоромъ выгнавъ брата.

Я безъ тебя — на гибель обреченъ,
Съ тобой — отнынѣ праздную побѣду.

Х О Р Ъ .

Во имя тѣхъ, къмъ посланъ онъ, Эдипъ,
Не отпускай пришельца безъ отвѣта.

Э Д И П Ъ .

Да, если бы, о, старцы, не послалъ
И словъ моихъ не счелъ его достойнымъ
Вашъ царь Тезей, то этотъ человѣкъ
Мой голосъ бы вовѣки не услышалъ.
Теперь же вотъ отвѣчу я, но такъ,
Что будетъ жизнь ему не въ радость..
О гнусный лжець, имѣя тронъ и скиптръ,
Которыми твой братъ владѣетъ нынѣ,
Не постыдился ты отца прогнать,
Обречь его на горькій хлѣбъ чужбины
И на лохмотья нищенскіе, тѣ,
Что нынѣ самъ оплакивать приходишь,
Постигнутый моею же судьбой!..
Но кончено — слезами не поможешь!
Молчать, терпѣть до смерти, и тебя,
Убийцу моего, я помнить буду!
Ты, ты одинъ — виновникъ этихъ мукъ:
Меня съ позоромъ выгналъ, сдѣлалъ нищимъ,
Бродягою, и у чужихъ людей
Вымаливать заставилъ хлѣбъ насущный; —
Вѣдь, если бы не дочери мои,
Ты предалъ бы отца голодной смерти.
Онѣ меня питаютъ и хранятъ,
Онѣ — мужи въ страданьяхъ, а не жены;
А вы — другимъ, не мною рождены!..
Вотъ за тобой слѣдить ужъ демонъ мести
И поразить, какъ только двинешь рать
На стѣны Фивъ, — и ты ихъ не разрушишь,
А самъ падешь въ крови, и братъ — съ тобой.

Я проклялъ васъ и снова проклиная:
Идутъ, идутъ проклятiя мои,
И скоро вы увидите, что значить
Родителя слѣплого презирать; —
Вѣдь сестры же почтить меня сумѣли! —
Уже теперь они вошли въ твой домъ,
Вошли мои проклятья, овладѣли
Твоимъ престоломъ, — если правда есть
На небесахъ въ законахъ вѣчныхъ Зевса!
Поди ты прочь, отверженный отцомъ,
Межъ злыми злѣйшiй, извергъ ненавистный,
Возьми съ собой проклятiе мое:
Ни родины копьемъ не завоюешь,
Ни Аргоса ты не увидишь вновь;
Но отъ руки родимой погибая,
Погубишь ты и брата своего. —
Вотъ мой завѣтъ: я призываю Тартаръ,
Ужасный мракъ, гдѣ мой отецъ сокрытъ,
На голову твою, отцеубiйца!
Я призываю грозныхъ Эвменидъ
И бога брани, буйнаго Арея,
Что яростью наполнилъ вамъ сердца!..
Не медли же, бѣги и возвѣсти
Кадмеянамъ и всѣмъ вождямъ союзнымъ,
Какъ наградилъ я сыновей моихъ!

х о р ь .

Увы, сюда пришелъ ты не на радость,
О, Полинникъ, — скорѣе уходи!

п о л и н и к ъ .

Все кончено... Что сдѣлалъ я, несчастный?
Куда моихъ союзниковъ привелъ?..
Туда, откуда больше нѣтъ возврата,
Къ тому, чего нельзя имъ и открыть!
И, зная волю Рока, долженъ молча
Итти навстрѣчу гибели моей...

Но васъ молю, возлюбленныя сестры:
Ужасныя пророчества отца
Вы слышали: богами заклинаю,
О, ежели вернетесь вы домой,
И отчее проклятье совершится, --
Тогда хоть вы не презрите меня,
Усопшаго почтите погребеньемъ, —
Да будетъ вамъ, какъ за любовь къ отцу,
Неменьшая хвала за жалость къ брату!

АНТИГОНА.

О, милый мой, послушайся меня...

ПОЛИНИКЪ.

Скажи, о чемъ, родимая, ты просишь?

АНТИГОПА.

Братъ, не губи отчизны и себя;
Скорѣй веди назадъ дружину въ Аргосъ

ПОЛИНИКЪ.

Теперь, сестра, ужъ поздно: отступивъ,
Не соберу я вновь такого войска.

АНТИГОНА.

Увы, дитя, зачѣмъ безумный гнѣвъ?
Зачѣмъ тебѣ губить родную землю?

ПОЛИНИКЪ.

Позоръ — бѣжать и старшему терпѣть
Отъ младшаго такое поруганье!..

АНТИГОНА.

Но ты вѣдь знаешь: вамъ обоимъ — смерть;
Пророчества не могутъ не свершиться.

ПОЛИНИКЪ.

Да, знаю все, но отступить нельзя.

АНТИГОНА.

О, бѣдный мой! Услышавъ прорицанье,
Кто за тобой осмѣлится пойти?

ПОЛИНИКЪ.

Отъ нихъ я скрою: вождь на поле брани
Дурную вѣсть не долженъ приносить.

АНТИГОНА.

Ужель твое рѣшенье неизмѣнно?

ПОЛИНИКЪ.

Да, я пойду, отверженный отцомъ,
Эриніями грозными гонимый,
По страшному, послѣдному пути.
А васъ, родныя, награждать Зевесъ,
Коль мертвому окажете вы милость, —
При жизни мнѣ уже нельзя помочь...
Простите же, о, милыя, навѣки:
Вы больше не увидите меня!

АНТИГОНА.

О, я несчастная!..

ПОЛИНИКЪ.

Сестра не плачь...

АНТИГОНА.

Какъ надъ тобой не плакать, горькій?.. Вижу,
Что ты идешь къ погибели своей.

ПОЛИНИКЪ.

Коль Рокъ судиль, — умру...

АНТИГОНА.

О, нѣтъ, — послушай...

ПОЛИНИКЪ.

Не убѣждай...

АНТИГОНА.

О, горе мнѣ! и ты,
И ты погибъ!..

ПОЛИНИКЪ.

Да будетъ воля Зевса:
Въ его рукѣ и жизнь моя, и смерть.
Но вы — ничѣмъ не заслужили горя:
О, мιλыя, да сохранить васъ Зевсъ!

(Полиникъ уходитъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Вотъ еще новыя бѣды ужасныя
Вѣщій слѣпецъ, напpорочивъ, зоветъ,
Ежели Парка его не сразитъ,
Ибо велѣнья боговъ непреложныя
Время всевидящимъ окомъ блюдетъ:
Тѣ — черезъ долгіе годы, медлительно,
Тѣ — совершаетъ мгновенно. Вы слышите,
Слышите — громъ... О Зевесъ!

ЭДИПЪ.

Скорѣе, дѣти мιλыя, велите же
Позвать ко мнѣ Тезея благороднаго.

АНТИГОНА.

Повѣдай намъ, отецъ: зачѣмъ зовешь его?

ЭДИПЪ.

Въ Аидъ сейчасъ крылатый громъ божественный
Умчитъ меня: скорѣй — не медлите!

ХОРЪ.

Антистрофа первая.

Загрохоталъ, загудѣлъ ужасающей,
Божеской дланью низринутый громъ.
Слышите?.. Волосы дыбомъ встаютъ,
Духъ замираетъ; а по небу молнія
Блещетъ во тьмѣ смертоноснымъ огнемъ.
Боже! Кого поразить она?.. Страшно мнѣ,
Страшно; вѣдь молнія даромъ не падаетъ...
О, Громовержецъ Зевесъ!

ЭДИПЪ.

Конецъ, конецъ мой, дѣти! Вотъ послѣдній часъ:
Теперь ужъ нѣтъ спасенья, скрыться некуда!

ХОРЪ.

Но какъ ты знаешь?.. Почему ты смерти ждешь?

ЭДИПЪ.

Я знаю: смерть моя близка. Прошу, молю —
Скорѣй, скорѣй позвать ко мнѣ властителя!

ХОРЪ.

Строфа вторая.

Ближе, ближе гулъ громовый,
Трескъ пронзительный! Помилуй,
О, помилуй, Всемогущій,
Если ты идешь во мракъ
Къ нашей Матери-землѣ!

Отъ проклятыхъ, осужденныхъ
Отойдемъ: да будетъ съ нами
Только мужъ боголюбивый.
Зевсъ-отець, къ тебѣ зываемъ:
Пощади!

ЭДИПЪ.

Идетъ ли царь, о, милья? застанетъ ли
Тезей меня въ живыхъ еще и въ разумѣ?

АНТИГОНА.

Какую тайну хочешь ты открыть ему?

ЭДИПЪ.

Я отплатить хочу ему за милости:
Исполнить все предъ смертью, что обѣщано.

ХОРЪ.

Антистрофа вторая.

О, приди, приди же, сынъ мой,
Если даже въ отдаленн
На концѣ равнины, въ жертву
Богу моря, Посейдону,
Заколаешь ты быковъ:
Ибо хочеть гость, какъ должно,
За пріютъ гостепріимный
Наградить тебя и городъ:
О, не медли же, владыка, —
Поспѣшай!

ТЕЗЕЙ.

Зачѣмъ опять меня зовете, старцы?
Какое здѣсь смятенье, что за крикъ?
Я узнаю и голосъ чужеземца.
Иль молнія ударила, иль градъ
И смерчь?.. Коль Зевсъ послалъ такую бурю,
То надо быть готовымъ ко всему.

ЭДИПЪ.

Дождался я, владыка, — наконецъ-то:
На радость богъ послалъ тебя ко мнѣ!

ТЕЗЕЙ

Сынъ Лайоса, повѣдай: что случилось?

ЭДИПЪ.

Я умираю и хочу исполнить,
Что обѣщаль народу и тебѣ.

ТЕЗЕЙ.

Что смерть твоя близка — откуда знаешь?

ЭДИПЪ.

Мнѣ возвѣстили боги мой конецъ
Примѣтами нелживыми.

ТЕЗЕЙ.

Какими?

ЭДИПЪ.

Блнстаній молній, грохотомъ громовъ,
Кидаемыхъ рукой неодолимой.

ТЕЗЕЙ.

Я вѣрю: прорицанія твои
Уже не разъ свершалпсь. — Что же дѣлать?.

ЭДИПЪ.

Я научу тебя, Эгеевъ сынъ,
Я одарю безсмертными дарами
Твой край: пойдемъ, тебя я приведу
Самъ, безъ руки вожатаго, въ то мѣсто,
Гдѣ умереть я долженъ; — но, смотри, —
Не открывай ты никому живому

Таинственнаго гроба моего:
Да будетъ онъ тебѣ охраной вѣчной,
Надежнѣе всѣхъ копій и щитовъ.
Святыню тайнъ неизреченныхъ, дивныхъ
Тебѣ открою тамъ, наединѣ:
Не должно знать о нихъ ни этимъ старцамъ
Ни дочерямъ возлюбленнымъ моимъ.
Молчи и ты, о, царь; лишь передъ смертью
Преемнику открой, чтобъ въ свой чередъ
Грядущему онъ передалъ: и будетъ
Вовѣки Городъ твой неодолимъ
Для воинства, посѣяннаго Кадмомъ—
Исчадія драконовыхъ зубовъ.
Ужъ сколько царствъ погублено неправдой
И при царяхъ великихъ: медлитъ Зевсъ,
Но видитъ все,—и тѣхъ не минетъ кара,
Кто, попирая божескій законъ,
Безумствуетъ, чего въ твоей землѣ,
О, мудрый царь, вовѣки да не будетъ.
Но этому учить тебя не нужно.—
Пора! Я слышу: Зевсъ меня зоветъ.
Пойдемъ скорѣй въ назначенное мѣсто.
И вы, о, дѣти, слѣдуйте за мной:
Васъ поведу, слѣпой вожатый—зрячихъ,
Какъ нѣкогда водили вы отца,
И не давайте мнѣ руки, не надо;
Священную могилу самъ найду,
Гдѣ долженъ я покоиться.—Идите
Сюда, сюда, еще правѣй,—вотъ такъ;
Ведетъ меня подземная богиня
И богъ Гермесъ, Путеводитель душъ.
О, свѣтъ, и мнѣ въ былые дни сіявшій,
Вотъ озаряешь ты въ послѣдній разъ.
Эдиповы невидящія очи:
Я ухожу, и то, чѣмъ жизнь моя
Окончится, въ нѣмомъ Аидѣ скрою.—
О, другъ,—ты самъ, народъ твой и земля

Счастливыми да будете вовѣки,—
Но въ счастьи безоблачномъ порой
Умершаго Эдипа вспоминайте!

ХОРЪ.

Строфа.

Коль чтить мольбой дозволено
Тебя, богиня страшная,
Тебя, владыка тьмы,
Аидоней! Аидоней!

То молимъ: дайте страннику
Легко и безболѣзненно
Сойти, окончивъ путь,
Въ обители Стигійскія,
На тѣ поля подземныя,
Гдѣ тихо тѣни спятъ.

Нынѣ за все, что терпѣлъ безъ вины,
Зевсъ справедливый тебя наградить
Сладостнымъ отдыхомъ.

Антистрофа.

Внимайте намъ, владычицы
Подземныя, чудовищный,
Неукротимый Звѣрь,

Что тамъ въ пещерѣ стережетъ
Съ рычаніемъ ужасныя
Блистающія, гладкія,
Аидовы врата!

О, смерти богъ невѣдомый,
Дитя Земли и Тартара,
Смири ночного Пса;

Страннику къ мертвымъ безмолвнымъ полямъ
Путь облегчи,—о, приди же, приди.
Всеусыпляющій!

ВЪСТНИКЪ.

Старѣйшины, могу повѣдать кратко:
Все кончено, Эдипа нѣтъ въ живыхъ.
А что случилось тамъ, и какъ онъ умеръ,—
Нельзя въ словахъ немногихъ рассказать

ХОРЪ.

Свершилось: умеръ онъ, многострадальный.

ВЪСТНИКЪ.

Навѣкъ ушелъ отъ насъ.

ХОРЪ.

Повѣдай, какъ?
Божественная смерть была ли тихой?

ВЪСТНИКЪ.

Достойна удивленья эта смѣрть.
Вы видѣли, какъ онъ ушелъ отсюда;
Никто изъ насъ его не велъ,—онъ самъ
Указывалъ намъ путь, слѣпой вожатый.
Когда же мы пришли къ Порогу бездны,
Сходящей рядомъ мѣдныхъ ступеней
Въ подземный мракъ,—Эдипъ остановился,
Избравъ одну изъ множества дорогъ,
Надъ самымъ устьемъ каменнаго жерла,
Гдѣ нѣкогда Тезей и Перивой
Метали дружбы вѣрные залого;
И сѣлъ какъ разъ межъ Эорикійскихъ скалъ
И гробовой плиты, и дикой груши
Съ гнилымъ дупломъ; потомъ одежду снялъ
И дочерямъ воды для омовеній
И возліяній принести велѣлъ.
Онѣ вошли къ Деметрѣ многоплодной
На ясный холмъ, что виденъ издали,
Исполнили отцовское велѣнье,
Вернулись, обмыли старика .

И новою одеждою, какъ должно,
Украсили; когда же весь обрядъ,
Какъ онъ желалъ, свершили благолѣпно,
То грянулъ богъ подземными громами,
И дѣвушки затрепетали;—павъ
Къ ногамъ отца, ихъ обняли, рыдая,
И отъ него не отходили прочь,
И били въ грудь себя съ протяжнымъ воплемъ.
И онъ сказалъ, прижавъ дѣтей къ груди:
«О милыя! Простите, умираю,—
Все кончено; чтобъ накормить отца,
Вамъ болѣе страдать уже не надо.
Я знаю: жить со мною было трудно;
Но я любилъ васъ, дѣти, какъ никто
И никогда ужъ больше не полюбить:
Моя любовь всѣ муки утоляла!
Но вотъ теперь уйду, и безъ меня
Вы будете совсѣмъ однѣ на свѣтѣ».
Тогда они всѣ трое обнялись
И долго плакали;—когда же замеръ
Послѣдній вопль, настала тишина.
Вдругъ чей-то голосъ прозвучалъ въ безмолвьи,
И волосы у всѣхъ насъ дыбомъ встали
Отъ ужаса, а голосъ тихо звалъ:
«Эдипъ! Эдипъ! Пойдемъ со мной, не медли».
И услыхавъ божественный призывъ,
Онъ подоити велѣлъ царю Тезею
И произнесъ: «О, братъ мой, руку дай,
Въ знакъ вѣрности ненарушимой, дѣтямъ,—
И вы—ему, родныя; клятвой вѣчной
Мнѣ поклянись, что не предашь дѣтей,
Что сдѣлаешь ты все для нихъ, что можешь».
Смирная скорбь, какъ благородный мужъ,
Царь поклялся мольбу его исполнить.
Тогда Эдипъ, слабѣющей рукой
Въ послѣдній разъ дѣтей коснувшись, молвилъ:
«О, дочери, мужайтесь,—мнѣ пора;

Ни видѣть вамъ не слѣдуетъ, ни слышать
Запретнаго: ступайте же скорѣй!
Да будетъ здѣсь наединѣ со мною
Лишь царь Аѳинъ, чтобъ знать и видѣть все.
И за дѣтьми пошли мы слѣдомъ, плача,
Эдипово велѣнье услыхавъ.

Но, отойдя немного, оглянулись
И видимъ: нѣтъ его уже нигдѣ.
Одинъ Тезей стоитъ, окаменѣвъ
Отъ ужаса закрывъ лицо руками,
Какъ будто бы онъ вдругъ увидѣлъ то,
Что вынести не могутъ очи смертныхъ.
Потомъ, спустя немного, царь упалъ,
Простерся ницъ, мольбой благоговѣйной
Почтивъ Олимпъ и Землю. Знаетъ онъ,—
И болѣе никто изъ всѣхъ живущихъ,—
Какъ умиралъ Эдипъ...

Не огненною силою громовъ,
Не на морѣ поднявшеюся бурей,—
Онъ тихо взять посланникомъ боговъ,
Иль пропастью Аида благосклонной,
Таинственно разверзшейся подъ нимъ...
И такъ легко, такую дивной смертью
Не умиралъ еще никто.—Пускай
Слова мои сочтутъ безумьемъ,—правду
Я говорю: кто хочетъ вѣрить—вѣрь!

х о р ь .

Гдѣ дочери и спутники Эдипа?

в ѣ с т н и к ѣ .

Идутъ сюда: вы слышите ихъ вопли
Протяжные и похоронный плачъ?

а н т и г о н а .

Горе! Горе! Одиѣ мы навѣки; никто
Никогда не проститъ
Намъ рожденья проклятаго;

За отца мы терпѣли и будемъ терпѣть
Несказанное!

ХОРЪ.

Что случилось?

АНТИГОНА.

: Увы, догадаться легко!..

ХОРЪ.

Умеръ?..

АНТИГОНА.

Смертью желанною,—
Не во брани погибъ, не въ пучинѣ морской,
Но безшумная бездна открылась подъ нимъ,
Приняла безболѣзненно,
Въ смерти таинственной...
Горе! Очи покрыла мнѣ вѣчная тьма.
Снова, нищія, по міру обѣ пойдемъ,
И по землямъ чужимъ, и по бурнымъ морямъ,
Мы скитаться должны, одинокія!

ИСМЕНА.

Что насъ ждетъ,—подумать страшно!
Поглотила бы ужъ сразу
И меня съ отцомъ несчастнымъ
Бездна темнаго Аида,—
Больше жить я не могу!

ХОРЪ.

Нѣтъ, возлюбленные дѣти,
Эта смерть—благодѣянье
Милосерднѣйшаго Зевса;
Покоритесь, не ропщите:
Зевсъ помилуетъ и васъ.

АНТИГОНА.

Значить,—сердце жалѣеть о прошлыхъ скорбяхъ?
Вѣдь когда онъ, бывало, обниметь меня,—

То казалось и горькое сладостнымъ!
О, родимый мой, бѣдный, ушедшій въ страну
Мрака вѣчнаго,
Никогда, никогда не разлюбимъ тебя
Мы, несчастныя!

ХОРЪ.

Онъ имѣеть...

АНТИГОНА.

Имѣеть желанное.

ХОРЪ.

Правда...

АНТИГОНА.

Умеръ далеко отъ Фивъ,
На чужой сторонѣ, какъ и самъ онъ хотѣлъ.
Ложе имѣеть спокойное,
Осѣненное тѣнью подземною,
И въ могилу сошелъ онъ, оплаканный:
Вѣдь пока я дышу, о тебѣ никогда
Не изсякнутъ въ очахъ моихъ слезы, отецъ!
Не забуду я, горькая,
Что ты умеръ одинъ, далеко отъ меня,
Не въ объятыхъ моихъ!..

ИСМЕНА.

О, сестра, какая участь
Ждетъ обѣихъ насъ, бездомныхъ
Одинокихъ!..

ХОРЪ.

Нѣтъ, родныя,
Свыше мѣры не скорбите,

Ибо смертью благодатной
Развязаль онъ узель жпзни.
А изъ жившихъ отъ страданья
Не избавленъ былъ никто.

АНТИГОНА.

Исмена, родная, вернемся...

ИСМЕНА.

Зачѣмъ?

АНТИГОНА.

Томить мое сердце желанье...

ИСМЕНА.

Какое?

АНТИГОНА.

Взглянуть на обитель подземную...

ИСМЕНА.

Чью?

АНТИГОНА.

Родимаго—горе мнѣ!..

ИСМЕНА.

Или не знаешь,
Что къ этому мѣсту нельзя подходить?

АНТИГОНА.

О, ты упрекаешь меня...

ИСМЕНА.

И еще...

АНТИГОНА.

Ну что? говори...

ИСМЕНА.

Безъ могилы,
Онъ принять землею вдали ото всѣхъ...

АНТИГОНА.

Отведи же меня ты къ нему—и убей...

ИСМЕНА,

Горе! Что со мною будетъ?
Коль и ты меня покинешь,
Какъ дожить мнѣ горькій вѣкъ?..

ХОРЪ.

Не бойтесь, о милыя

АНТИГОНА.

Какъ избѣжать?..

ХОРЪ.

Одной ужъ бѣды вы избѣгли...

АНТИГОНА.

Какой?

ХОРЪ.

Насилья Креона и плѣна.

АНТИГОНА.

Я думаю, старцы...

ХОРЪ.

О чемъ?

АНТИГОНА.

Я думаю, какъ мы вернемся домой?..

ХОРЪ.

Забудь же, не думай...

АНТИГОНА.

Тоска!..

ХОРЪ.

Покорствуй, тоска вѣдь и прежде была.

АНТИГОНА.

О, да, нестерпимая, хуже, чѣмъ смерть...

ХОРЪ.

Удѣлъ вашъ—великое море скорбей...

АНТИГОНА.

Вонстину!

ХОРЪ.

Бѣдныя дѣти!..

АНТИГОНА.

Отняль, отняль, Всемогущій,
Ты послѣднюю надежду!
О, за что невинныхъ гонишь,
И куда ты насъ ведешь?

ТЕЗЕЙ.

Дѣти, не плачьте: о тѣхъ, кто почилъ
Въ мирѣ, угодный подземнымъ богамъ,
Плакать грѣшно.

АНТИГОНА.

О, владыка,
Молимъ тебя на колѣняхъ...

ТЕЗЕЙ.

О чемъ?

АНТИГОНА.

Дай намъ взглянуть на могилу отца!

ТЕЗЕЙ.

Нѣтъ, подходить къ ней нельзя никому.

АНТИГОНА.

Что говоришь, повелитель?..

ТЕЗЕЙ.

Онъ завѣщаль, чтобъ никто изъ живыхъ
Къ тайной могилѣ не смѣлъ подступать,

Чтобъ похоронные вопли

Не нарушали святой тишины;

Ежели все я исполню,—предрекъ

Благословенье Аѳинамъ:

Этимъ великимъ обѣтамъ внималь

Оркось, всеслышащій Демонъ.

АНТИГОНА.

Если такъ онъ велѣлъ,—покорюсь... А теперь

Отошли же насъ въ древнія Фивы:

Тамъ погибель, грозящую братьямъ моимъ,

Я хочу отвратить, коль не поздно.

ТЕЗЕЙ.

Отошлю васъ на родину, сдѣлаю все,

Что могу я, для вашего блага,

Чтобы память умершаго друга почтить:

Безконечна моя благодарность.

ХОРЪ.

Нынѣ кончено все,—тише, дитя,

Больше стонать не надо: свершилось...